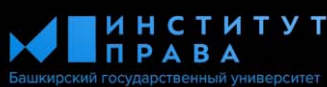

Правовое государство: теория и практика

The Rule-Of-Law State: Theory And Practice

Правовое
Государство
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Башкирский государственный университет

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

Раянов Фанис Мансурович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Абашидзе Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Аззуз Кердун – доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев Ахмеда и Башира Ментури, г. Константина, Алжир);

Арзамаскин Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Университет Перпеньян, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор (Председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, г. Уфа);

Макарова Тамара Ивановна – доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Малевски Гендрик Марьянович – доктор права, профессор (Академия общественной безопасности Университета им. М. Ромериса, г. Вильнюс, Литва);

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск);

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН, г. Москва);

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика

Сальников Виктор Петрович – доктор юридических наук, профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тлепина Шолпан Валерьевна – доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент

Зам. главного редактора

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук

Ответственный секретарь

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Агапов Павел Валерьевич – доктор юридических наук, профессор;

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент;

Гизатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Фролова Елизавета Александровна – доктор юридических наук, доцент;

Эксархонуло Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редактор англоязычных текстов – *З.А. Юсупова*

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА:

- теоретические вопросы формирования правового государства;
- правовое государство в системе естественно-исторических закономерностей развития общества;
- правовое государство в системе обществоведческих институтов;
- принципы правового государства и практика законодательства;
- правовая жизнь современных муниципалитетов;
- правовое государство в системе юридической науки

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS:

Aslan Kh. Abashidze – Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

AzzouzKerdoun – Doctor of Law, Professor, Mentouri Public University, Constantine, Algeria.

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Bashkir State University, Ufa);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor (Togliatti State University);

Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Chairperson of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Gendrik M. Malevski – Doctor of Law, Professor (Academy of Public Security of M. Romeris University, Vilnius, Lithuania);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);

Tatyana A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Victor P. Salnikov – Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and Modernity», St. Petersburg);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Aslyam N. Khalikov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Anatoly S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

Agapov Pavel Valerievich – Doctor of Law, Professor;

Vladimir A. Anisimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Executive Secretary

Nataliya S. Latypova – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Editorial board members:

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor;

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elizaveta A. Frolova – Doctor of Law, Associate Professor;

Alexey A. Exarkhopulo – Doctor of Law, Professor

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»

Translation Reviewer – *Z.A. Yusupova*

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131

THE JOURNAL IS INCLUDED:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru

THE SCOPE OF THE JOURNAL COVERS THE FOLLOWING TOPICS:

- theoretical issues of the formation of the rule-of-law state;
- rule-of-law state in the system of natural history laws of social development;
- rule-of-law state in the system of social science institutes;
- rule-of-law state principles and legislation practice;
- legal life of modern municipalities;
- rule-of-law state in the system of legal science

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**Галлямов Р.Р., Кучумов И.В.**Польский политолог об этническом факторе постсоветского
нациестроительства в многонациональных российских республиках 11**Малый А.Ф., Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г.**

Народовластие – фундамент демократического государства 21

Нестеров А.В.

Возможно ли правовое государство в цифровую эпоху? 32

Сальников В.П., Масленников Д.В., Максимов А.А.Гегель о двуединой, абстрактно-конкретной, природе личности
как субъекта права: естественно-правовые и теологические
основания генезиса 44АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**Гиззатуллин Р.Х.**Права граждан на свободный доступ к природным ресурсам
(вопросы теории и правового регулирования) 59**Горохова С.С.**О некоторых правовых и организационных аспектах государственных
закупок в России 72**Иванов А.В.**О путях повышения качества организации обучения основам
криминалистической экспертизы 81**Муратшин Ф.Р.**Конституционные (уставные) советы при парламентах
субъектов Российской Федерации: быть или не быть? 93**Новиков В.А.**Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии:
уголовно-правовой аспект 108

Пестрикова А.А., Холопова Е.Н. Значение институтов права собственности и информированного согласия при использовании биологического материала человека.....	121
Полякова Т.А., Камалова Г.Г. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права	133
Пучков О.А. Физическая сущность сетевого пространства и право: некоторые методологические проблемы.....	146
Ситдикова Г.З. Аналитическая логистика и алгоритм квалификации преступления	158
Смирнов А.А. Вопросы правовой институционализации информационно-психологической безопасности	170
Тагиров Р.А. Способ преодоления конфликтных ситуаций допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении мошенничества в сфере кредитования	182
Трофимец И.А. Система органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния	194
Трофимова М.С. Механизмы взаимодействия юридических клиник и государственных органов: правовые, организационные и этические проблемы	211

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Елизаров М.В. Международно-правовые основы мирного освоения космоса: проблемный аспект.....	225
Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А. Экологическое сотрудничество между Европейским союзом и Российской Федерацией на основе соглашения о сотрудничестве и партнерстве: проблемы, перспективы развития	233

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Попова А.В.

Совершенствование правового регулирования российской системы высшего образования vs международные рейтинговые системы.....240

ПЕРСОНАЛИИ

Галиев Ф.Х., Захарцев С.И., Раянов Ф.М.

Профессору Виктору Петровичу Сальникову – 75 лет!255

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации» (23–24 сентября 2021 г.).....271

К АВТОРАМ.....274

CONTENTS

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL PROBLEMS
IN THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE**

Gallyamov R.R., Kuchumov I.V.
Polish political scientist on the ethnic factor of the post-soviet nation-building
in multinational Russian republics..... 11

Malyi A.F., Nigmatzyanov A.A., Nikitenko I.G.
The government by the people – the foundation of a democratic state 21

Nesterov A.V.
Is the rule-of-law state possible in the digital age?..... 32

Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Maksimov A.A.
Hegel on the dual, abstract-specific nature of the personality
as a subject of law: natural law and theological foundations of genesis 44

**CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT
OF SECTORAL LEGISLATION**

Gizatullin R.Kh.
Rights of citizens to free access to natural resources
(theoretical and legal regulation issues) 59

Gorokhova S.S.
On certain legal and organizational aspects of public procurement in Russia 72

Ivanov A.V.
On ways to improve the provision of basic forensic training 81

Muratshin F.R.
Constitutional (Statutory) Councils attached to the Parliaments
in the constituent entities of the Russian Federation: to be or not to be? 93

Novikov V.A.
Holding the highest position in the criminal hierarchy: criminal law aspect 108

Pestrikova A.A., Kholopova E.N.
The importance of the institutions of property rights and informed consent
in the use of human biological material..... 121

Polyakova T.A., Kamalova G.G. «Law of artificial intelligence» and its place in the system of information law	133
Puchkov O.A. The physical nature of the network space and law: some methodological problems.....	146
Sitdikova G.Z. Analytical logistics and crime qualification algorithm	158
Smirnov A.A. Issues of legal institutionalization of information and psychological security.....	170
Tagirov R.A. Method for overcoming conflict situations of questioning suspects (accused) of committing credit fraud.....	182
Trofimets I.A. The system of state authorities that register civil status acts.....	194
Trofimova M.S. Mechanisms for interaction between legal clinics and governmental bodies: legal, organizational and ethical issues	211

INTERNATIONAL LAW

Yelizarov M.V. International legal framework for the peaceful exploration of outer space: problematic aspects	225
Mukhametgareeva N.M., Yusupova Z.A. Environmental partnership between the European Union and the Russian Federation based on the Partnership and Cooperation Agreement: challenges and prospects	233

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

Popova A.V. Improving the legal regulation of the Russian higher education system vs international rating systems	240
--	-----

PERSONALIA

Galiev F.Kh., Zakhartsev S.I., Ryanov F.M.
Professor Victor Petrovich Salnikov is 75 years old! 255

CONFERENCE REVIEWS

All-Russian Scientific and Practical Conference with international
participation «Theory and Practice of Fundamental and Applied Research
in the Field of Forensics and DNA Registration of the Population
of the Russian Federation» September 23–24, 2021) 271

TO THE AUTHORS 274

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL
PROBLEMS IN THE FORMATION
OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 340.12

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.1

ГАЛЛЯМОВ Рушан Рахимзянович

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Уфа, Россия; gal-rushan@yandex.ru

КУЧУМОВ Игорь Вильсович

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленного структурного подразделения ФГБНУ УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия; ivku@yandex.ru

**ПОЛЬСКИЙ ПОЛИТОЛОГ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ
ПОСТСОВЕТСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА
В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ**

Процессы, приведшие к распаду СССР, продолжают сказываться на развитии постсоветского пространства. Интерес к этому сохраняется не только в российской, но и в зарубежной академической науке. **Цель:** проанализировать практически неизвестную в нашей стране монографию польского исследователя В. Зайончковского, посвященную истории национальной политики и нациестроительства в СССР на примере Башкортостана, Татарстана и Бурятии, выявить эксклюзивную точку зрения автора на роль и влияние этнического фактора в этих процессах. **Методы:** системного анализа проблемы, диахронного исследования этнополитических процессов на протяжении нескольких исторических эпох, изучения

политических и общественных персоналий, комплексного использования не противоречащих друг другу положений ведущих мировых концепций этничности. **Результаты:** выявлены достоинства и недостатки исследования В. Зайончковского, показана практическая значимость сделанных им выводов, определена степень их важности для отечественной науки.

Ключевые слова: этнополитология; этничность; нациестроительство; суверенизация; федерализм; конституционный процесс; Башкортостан; Татарстан; Бурятия.

Сложные и противоречивые этнополитические процессы последнего десятилетия прошлого столетия, повлекшие за собой развал СССР, который, по выражению В.В. Путина, стал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», продолжают оказывать негативное инерционное влияние на современное развитие евразийского континента. Российской Федерации, несмотря на стремительный распад Советского Союза, удалось удержать свои этнонациональные регионы от потенциальной сецессии и сохранить единое федеративное пространство в «лихие» 1990-е годы. Вместе с тем именно первое постсоветское десятилетие, применительно к российским республикам, ознаменовалось самыми неоднозначными с точки зрения возможных последствий процессами нациестроительства, в том числе суверенизацией, политизацией этнообщественных движений, усилением напряженности и даже конфликтности в межэтнических отношениях.

Естественно, что этнический фактор политического развития в позднесоветской и постсоветской России вызвал к жизни не только бурный поток эмоциональных публикаций, эпатажных по своему смыслу, этнически ангажированных заявлений и всевозможных форумов, но и большое число исследований в области государственного и конституционного права, политологии, социологии межнациональных отношений и других научных направлениях.

По признанию большинства специалистов, занимающихся этими проблемами, значительную роль в постсоветских политических процессах, особенно на ранних этапах, сыграл этнический фактор, который был провозглашен некоторыми авторами основным разрушителем евразийского геополитического пространства. Даже беглый историографический анализ научных публикаций последней четверти XX в. показывает абсолютное доминирование среди них работ либо западных советологов, либо отечественных авторов, причем с преобладанием представителей этнонациональных окраин и регионов бывшего Советского Союза.

К сожалению, в современной российской историографии малоизвестными остаются работы авторов и научных школ из государств бывшего социалистического лагеря, хотя они демонстрируют глубокий анализ и приводят к весьма креативным выводам. Блестящим примером подобных работ, по нашему мнению, является основательная научная монография польского политолога и государственного деятеля В. Зайончковского¹ [1], которая пока не переведена на русский язык.

В настоящей статье авторы предлагают краткий анализ этнополитических разделов указанной весьма объемной книги, которая включает исследование исторических предпосылок и наиболее выдающихся персоналий, связанных с реализацией этнического аспекта советского и постсоветского нациестроительства в российских республиках.

Анализ теоретических основ работы В. Зайончковского показывает, что он является приверженцем своеобразной промежуточной модели теории этничности, находящейся где-то между примордиализмом и конструктивизмом. Это, с одной стороны, помогает ему избежать крайнего радикализма этих концепций, с другой – более репрезентативно представить реальную картину начального этапа и возможных перспектив этнополитического постсоветского развития в российских республиках.

Нам представляется, что польский исследователь предпринял оригинальную и продуктивную попытку изучения этнического фактора в развитии национально-государственного строительства применительно к национальным регионам России. При этом в рамках сложившейся в западной науке традиции автор акцентирует внимание на негативных сторонах и последствиях советской национальной политики – русификации, ассимиляции и др., не уделяя достаточного внимания другой стороне – созданию отсутствовавших в дореволюционной России институтов национально-государственного строительства, формированию литературных языков, коренизации бюрократического аппарата, пестованию широких слоев национальной интеллигенции европейского типа и другим направлениям национальной политики.

Осуществляя диахронный анализ реализации этнонациональной политики Советского государства на различных этапах его истории,

¹ Войцех Зайончковский (р. 1963) – Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Польша в Румынии (2008–2010), России (2010–2014) и КНР (с 2018 г.). Окончил исторический факультет Люблинского католического университета, в 1999 г. в Институте политических исследований Польской академии наук защитил диссертацию, на основе которой выпустил монографию о нациестроительстве у башкир, бурят и татар, о способах и формах постсоветского этнополитического развития этих народов. Автор нескольких книг о российской истории и политике.

польский автор подчеркивает, что каждому руководителю СССР были свойственны собственные императивы в отношении национального вопроса. Например, он считает, что И.В. Сталин последовательно реализовывал идею «стирания межнациональных различий»; Н.С. Хрущёв выдвинул концепцию «расцвета и сближения» социалистических наций с дальнейшей перспективой упразднения союзных республик и национальных регионов; Л.И. Брежнев, уделявший этнонациональной проблематике больше внимания, чем его предшественники, впервые попытался поставить изучение этих проблем на академическую основу. Вместе с тем он одним из первых признал наличие противоречий в осмыслении и решении национального вопроса в современном социалистическом обществе. Позицию Л.И. Брежнева поддержали, а затем развили Ю.В. Андропов и М.С. Горбачёв, во времена правления которого в стране начались самые ожесточенные межэтнические коллизии [1, с. 168–170].

Принимая в целом предложенную автором оценку эволюции основных этапов этнонациональной политики, нельзя согласиться с ней в частности в силу ее упрощенности. Например, и для сталинской эпохи, и для времени Н.С. Хрущёва были свойственны крайне противоречивые тенденции в решении этого вопроса. Достаточно вспомнить небывалый расцвет этнического развития советских народов в 1920-е годы и жесточайшие репрессии на основе обвинений в «буржуазном национализме» в отношении этнической интеллигенции в следующем десятилетии. Период оттепели характеризовался, с одной стороны, реабилитацией незаконно репрессированных советских народов, а с другой – незавершенностью этого процесса в отношении некоторых этнических групп (немцы Поволжья, крымские татары, турки-месхетинцы и др.). В целом нельзя не отметить, что проведенный автором анализ особенностей советской национальной политики в общегосударственном значении является зачастую обзорным и недостаточно глубоким, в отличие, например, от ряда других западных работ, авторы которых более скрупулезно подходят к анализу этой проблемы [2].

Спорным моментом в книге является тезис, поддерживаемый многими западными исследователями, будто причиной распада СССР был этнический фактор [1, с. 7, 219]. В связи с этим уместно привести слова видного российского этносоциолога М.Н. Губогло (который тоже прибегает к помощи зарубежных авторов), полагающего, что «главной причиной распада СССР был, конечно, не этнический фактор, а, помимо больших социально-экономических причин, конфликт между политическими элитами, в первую очередь между союзной и российской... С крушением

СССР потерпел крах не этнофедерализм, а система, которая была далека от действительного федерализма, возможного лишь в условиях демократического режима... Корни этнических конфликтов лежат не в природе государственного устройства, а в характере сложившихся под влиянием тех или иных факторов межнациональных отношений, в степени согласования или рассогласования интересов этнических групп. При их равноправии в экономической, политико-правовой и социально-культурной сферах сама по себе этнофедерация не порождает этнические конфликты» [3, с. 217]. Иначе говоря, национализм вполне совместим с правами человека [4, с. 162–163].

Вместе с тем В. Зайончковский довольно подробно и репрезентативно рассмотрел особенности нациестроительства в анализируемых им трех российских республиках, что заметно диссонирует с результатами проведенного им анализа общесоюзных реалий.

Исследуя особенности рекрутирования этнонациональной интеллигенции как основного, по его мнению, актора советского нациестроительства в республиках, политолог приходит к правильным выводам об основных источниках, способах и противоречиях этого процесса, в том числе о сельском по происхождению характере этой интеллигенции, о трудностях ее адаптации к условиям городской жизни, о фактическом отсутствии в городах институтов этнической социализации [1, с. 178–180]. Оригинальными являются выводы автора об особенностях мировоззрения национальной интеллигенции «в конце эпохи советского национализма», когда он выделяет такие ее группы, как «равнодушные» к своей этничности, «решившие обрусеть» и «критики советской национальной политики» [1, с. 185–188]. Несмотря на признаваемую самим автором упрощенность и, по нашему мнению, противоречивость предложенной им типологии, она обладает определенной научной новизной и отражает конкретные этнополитические реалии.

Новаторскими и отражающими действительное положение дел являются политологические описания протестной активности ряда представителей национальной интеллигенции с точки зрения их роли и участия в нациестроительстве [1, с. 188–191]. Тем самым автор довольно успешно развивает в своей работе получившие в последнее десятилетие широкую популярность методы политической элитологии.

Эксклюзивной можно считать и попытку польского ученого проанализировать не только характерное для зарубежной историографии противопоставление интересов русского и нерусских народов, но и стремление рассмотреть противоречия между нерусскими этническими группами

внутри многонациональных республик. Так, отдельный параграф рассматриваемой книги посвящен дискуссии о языковой ситуации и национальном составе населения северо-запада Башкирии [1, s. 202–205].

Наибольшую теоретическую и прикладную значимость, на наш взгляд, имеют выводы последней главы книги, в которой описываются национальные движения в Башкортостане, Бурятии и Татарстане в 1985–1995 годах. При этом весьма точно характеризуется сущность возникших в конце 1980-х годов многочисленных этнообщественных движений и объединений, их роль в развитии всеобщего демократического движения в стране и на местах, постепенная, но довольно радикальная политизация этих организаций по мере ослабления диктата коммунистической партии и контроля со стороны органов государственной безопасности. Правильно и довольно верно автор описывает различные этапы эволюции этнообщественных движений: от создания клубов по изучению родных языков и культуры до учреждения политических партий националистической ориентации [1, s. 224–231].

Отдельный и весьма обширный раздел книги В. Зайончковский посвятил проблемам «суверенизации» республик и борьбы автономных республик за свои права на начальном этапе постсоветского развития (чуть позднее на примере Башкортостана этот вопрос изучил немецкий политолог Й. Гревингхолт [5]). При этом ученый иногда приходит к довольно спорным выводам, например о том, что «Москва считала [правлящие политические элиты] более предсказуемыми, поэтому пошла на определенные уступки, чтобы не допустить во власть националистов» [1, s. 235].

К интересным итогам приводит приведенная исследователем сравнительная типология процесса «суверенизации» в трех исследуемых им республиках, которые определяли специфику этого явления: в Татарстане – как «несостоявшаяся независимость» (из-за успешного сдерживания республиканской правящей элитой требований национал-радикалов), в Башкортостане – как «крах башкиризации» (под которой автор понимает квотирование государственных должностей по этническому принципу и обязательное изучение населением языка титульной нации), в Бурятии – как «усеченный национализм» (не получивший полноценного развития в силу доминирования родоплеменной идентичности и иных проявлений трайбализма) [1, s. 235–240].

В целом исследование этнического аспекта в постсоветском националстроительстве российских республик, предпринятое автором анализируемой книги четверть века назад, имеет не только историографическую ценность, но и значение, во многом релевантное для анализа современ-

ных национальных явлений, а также для выработки прогностических моделей этнополитического развития. В качестве примера актуальности проделанной польским политологом работы можно привести недавние реновации некоторых рецидивов национальной политики эпохи Российской Империи и Советского Союза. Так, принятая в 2020 г. поправка к Конституции РФ объявила русский народ (а не всех граждан страны независимо от национальности) государствообразующим (ст. 68.1), что по мнению Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН противоречит ст. 29, не допускающей агитацию и пропаганду национального или языкового превосходства¹ [6, с. 124]. Нынешний возврат к архаичному принципу времен Российской Империи вновь продемонстрировал нерусским национальностям их второсортность и де-факто освободил нерусские этнические группы от ответственности за судьбу страны, ввел этническую сегрегацию, по сути, восстановив институт «инородцев», и потенциально активизировал ресентимент у «государствонеобразующих» этнических общностей [7, с. 9–12; 8, с. 218–220]. Конституционный Суд РФ, разъяснив, что это новое правовое положение «основано на объективном признании роли русского народа в образовании российской государственности»², тем самым, вопреки историческим фактам, отверг вклад остальных народов в становление государства, полноправными гражданами которого они, кстати, по той же Конституции являются. В связи с тем, что говорить о закате эпохи национализма пока рано, нельзя исключать периодическое обращение к не самым лучшим сторонам устройства дореволюционной России.

Работа В. Зайончковского выгодно отличается от сочинений других западных авторов в первую очередь лучшим знанием советских реалий, рациональным использованием достижений ведущих зарубежных теорий этнического феномена применительно к анализу конкретных российских регионов и умелым сочетанием нескольких методик политологического анализа. Политологические сюжеты монографии имеют эксклюзивное

¹ Степанов В.В., Филиппова Е.И., Функ Д.А. О дополнении в Конституцию Российской Федерации положения о русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=2008> (дата обращения 23.08.2021).

² Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2. С. 10.

значение как для дальнейших научных исследований проблемы, так и для использования результатов для формирования элементов прикладной политики. Все это вместе взятое позволило автору создать оригинальный по своим выводам научный труд, ознакомление с которым, несомненно, будет полезным для российских, особенно провинциальных, исследователей.

Библиографический список

1. Zajaczkowski W. W poszukiwaniu tozsamosci społecznej: Inteligencja baszkirska i tatarska wobec kwestii narodowej w Cesarstwie Rosyjskim i ZSRR. Lublin : IESW, 2001. 317 s.
2. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М. : РОС-СПЭН, 2011. 662 с.
3. Губогло М.Н. Идентичность. Идентификация (страницы научной биографии концептов) // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики : матер. сессии Науч. совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, Москва, 19 дек. 2017 г. / под ред. В.А. Тишкова. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 159–183.
4. Кисс Э. Национализм реальный и идеальный : этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтничных государствах : матер. междунар. конф. / отв. ред. В.А. Тишков. М. : Наука, 1994. С. 85–92.
5. Grävingholt J. Pseudodemokratie in Rußland: der Fall Baschkortostan. Bonn : Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2005. 262 s.
6. Олийнык И.Л., Дегтярева Л.Н. Конституционный принцип многонациональности народа и его роль в развитии государственной национальной политики // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : матер. V Междунар. науч. конф., Донецк, 17–18 нояб. 2020 г. Т. 8. Юридические науки. Ч. 1 / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 122–125.
7. Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М. : ЛУМ, 2020. 156 с.
8. Яхшиян О.Ю., Волох В.А. Поправки в Конституцию Российской Федерации как основа политики идентичности в Российской Федерации // Вестник университета. 2020. № 11. С. 217–224.

Дата поступления: 14.09.2021

GALLYAMOV Rushan Rakhimzyanovich

Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Philosophy, History and Law, Ufa Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa, Russia; gal-rushan@yandex.ru

KUCHUMOV Igor Vilsovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Research Officer, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia; ivku@yandex.ru

**POLISH POLITICAL SCIENTIST ON THE ETHNIC FACTOR
OF THE POST-SOVIET NATION-BUILDING
IN MULTINATIONAL RUSSIAN REPUBLICS**

The processes that led to the collapse of the USSR continue to affect the development of the post-Soviet space. Interest in this is maintained not only in Russian but also in foreign academic science. **Purpose:** to analyze a practically unknown in our country monograph by Polish researcher W. Zajonczkowski on the history of national policy and nation-building in the USSR on the example of Bashkortostan, Tatarstan and Buryatia, to reveal the author's exclusive viewpoint on the role and influence of the ethnic factor in these processes. **Methods:** the authors apply system analysis of the problem, diachronic study of ethno-political processes throughout several historical epochs, study of political and public personalities, comprehensive use of non-contradictory provisions of the world's leading concepts of ethnicity. **Results:** the achievements and shortcomings of the author's research are identified, the practical relevance of his conclusions is shown, the degree of their importance for national science is determined.

Keywords: ethnopolitology; ethnicity; nation-building; sovereignty; federalism; constitutional process; Bashkortostan; Tatarstan; Buryatia.

References

1. Zajonczkowski W. W poszukiwaniu tozsamosci spolecznej: Inteligencja baszkirska i tatarska wobec kwestii narodowej w Cesarstwie Rosyjskim i ZSRR. Lublin, IESW Publ., 2001. 317 s.
2. Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939 Ithaca, London, Cornell University Press Publ.,

2001. 496 p. (Russ. ed.: Martin T. The Empire of «Positive Action»: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2011. 662 p.).

3. Guboglo M.N. Identity. Identification (pages of scientific biography of concepts). In Tishkov V.A. (ed.). *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnacional'nyh otnoshenij i istorii nacional'noj politiki. Materialy sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam etnichnosti i mezhnacional'nyh otnoshenij, Moskva, 19 dekabrya 2017 goda* [Scientific research in the field of ethnicity, interethnic relations and the history of national politics. Proceedings of the session of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the complex problems of ethnicity and interethnic relations, Moscow, December 19, 2017]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 159–183. (In Russian).

4. Kiss E. Real and ideal nationalism: ethnic politics and political processes. In Tishkov V.A. (ed.). *Etnichnost' i vlast' v polietnicheskikh gosudarstvakh. Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Ethnicity and power in multi-ethnic states. Proceedings of the international conference]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 85–92. (In Russian).

5. Grävingholt J. Pseudodemokratie in Rußland: der Fall Baschkortostan. Bonn, Deutsches Institut für Entwicklungspolitik Publ., 2005. 262 s.

6. Oliynyk I.L., Degtyareva L.N. The constitutional principle of the multinationality of the people and its role in the development of state ethnic policy. In Bepalova S.V. (ed.). *Doneckie chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneck, 17–18 noyabrya 2020 goda* [Donetsk readings 2020: education, science, innovation, culture and modern challenges. Proceedings of the V International Scientific Conference, Donetsk, November 17–18, 2020]. Donetsk, 2020, vol. 8, pt. 1, pp. 122–125. (In Russian).

7. Barenboim P., Mishina E. *Uroki konstitucionnogo krizisa 2020* [Lessons from the 2020 Constitutional Crisis]. Moscow, Loom Publ., 2020. 156 p.

8. Yakhshiyan O.YU., Volokh V.A. Amendments to the Constitution of the Russian Federation as the basis of identity policy in the Russian Federation. *Vestnik Universiteta*, 2020, no. 11, pp. 217–224. (In Russian).

Received: 14.09.2021

УДК 342

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.2

МАЛЫЙ Александр Фёдорович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия; afm-10@mail.ru

НИГМЕТЗЯНОВ Алмаз Альбертович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия; diamondnig@mail.ru

НИКИТЕНКО Игорь Геннадиевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия; nikitenko2078@mail.ru

**НАРОДОВЛАСТИЕ – ФУНДАМЕНТ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Формы прямого волеизъявления народа многообразны, а их использование является основой функционирования демократического государства. Их исследование остается актуальным в силу объективного изменения общественных отношений и сопровождающих этот процесс политических технологий. **Цель:** акцентировать внимание на анализе законодательства, меняющегося в зависимости от политических установок, показать роль общества в формировании приоритетов развития тех или иных отношений, задействовать опыт зарубежных стран при анализе такой формы волеизъявления, как референдум. **Методы:** сравнения, описания, интерпретации, теоретические методы формальной логики. Использовались частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результатом** исследования стал вывод о том, что не существует альтернативы народовластию как конституционному принципу, позволяющему сбалансировать интересы всех слоев

общества. Важно учесть опыт иных стран, который дает богатый материал для анализа.

Ключевые слова: Конституция РФ; народовластие; демократия; субъекты Российской Федерации; выборы; референдум.

Массовые протестные выступления граждан многих стран в 2020 г. актуализируют обращение к основополагающим принципам, составляющим основу функционирования демократического государства. Народовластие является тем фундаментом, на котором стоит вся машина государственного управления. Невозможно исключить выборы из системы формирования органов государственной власти, как нельзя игнорировать волю народа, выраженную с использованием иных форм прямого волеизъявления.

Периодически проводимые выборы представительных органов власти, высших должностных лиц позволяют решить как минимум две задачи: а) оценить деятельность прежнего состава органов; б) сформировать состав коллегиального или единоначального органа власти.

Народовластие и демократия – это два взаимосвязанных явления, две стороны одной медали, поскольку «демократизм находит выражение прежде всего в народовластии...» [1, с. 74]. Демократические институты позволяют реализовать конституционный принцип народовластия, являющийся основополагающим в числе иных принципов организации и функционирования демократического государства. Он лежит в основе всей системы организации публичной власти и часто используется, в том числе судьями Конституционного Суда РФ, как весомый аргумент в системе доказательств, позволяющих обосновать ту или иную правовую позицию.

В соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 3)¹ формами волеизъявления народа выступают представительная и непосредственная демократия. Они находят закрепление также и в учредительных актах субъектов Российской Федерации.

Конституции и уставы субъектов Российской Федерации закрепляют традиционные формы народного волеизъявления, реализуемые через избираемые органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также институты непосредственной демократии. К числу

¹ Конституция РФ : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. № 144.

последних необходимо отнести: референдум, выборы; указы депутатам; отзыв населением депутата, выборного должностного лица; голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сходы и собрания граждан, обращения граждан; правотворческую инициативу; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания и др. [2].

Конституция Республики Татарстан¹ в ст. 3 повторяет содержание ч. 1, 2 и 3 ст. 3 Конституции РФ. Аналогичные положения, но с некоторой корректировкой, содержит ст. 2 Конституции Республики Мордовия². Так, ч. 1 ст. 2 провозглашает: «Источником власти в Республике Мордовия является многонациональный народ Российской Федерации». Конституция Республики Адыгея³ в ч. 2 ст. 2 закрепляет: «Народ Республики Адыгея осуществляет власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы».

Устав Краснодарского края⁴ в ст. 15 называет источником государственной власти в Краснодарском крае народ. «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти. Непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» (ст. 15). Аналогичные или сходные положения содержатся в учредительных документах других субъектов Российской Федерации. В отдельных уставах прямо не говорится о принадлежности власти народу, но закрепляются формы народовластия (Саратовская область⁵).

Законодательство субъектов Российской Федерации включает достаточно широкий спектр нормативных документов, обеспечивающих

¹ Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 // Советская Татария. 1992. № 246–247.

² Конституция Республики Мордовия (принята 21 сент. 1995 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_mordov/ (дата обращения 15.03.2021).

³ Конституция Республики Адыгея (принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_adig/ (дата обращения 16.03.2021).

⁴ Устав Краснодарского края [Электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnod/ (дата обращения 16.03.2021).

⁵ Устав (Основной Закон) Саратовской области от 02.06.2005 № 46-ЗСО [Электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_sarat/ (дата обращения 16.03.2021).

реализацию форм представительной и непосредственной демократии. В их числе выборное законодательство, определяющее порядок избрания депутатов представительного органа. Периодически проводимые выборы депутатов законодательного органа считаются основой демократического правления, что вполне справедливо. Однако законодательно закрепленная процедура избрания депутатов должна гарантировать не только реализацию активного избирательного права, но и возможность быть субъектом пассивного избирательного права. Перед гражданином может быть выстроена система барьеров в виде различных цензов (возраст, оседлость, гражданство и др.), но эти барьеры должны быть минимальными, не препятствующими получению регистрации в качестве кандидата в депутаты.

Выборы представительного органа в субъекте Российской Федерации – один из важнейших демократических институтов, посредством которого граждане участвуют в управлении делами государства. В субъектах Российской Федерации сложилась устойчивая система региональных выборов в законодательные органы государственной власти, гарантированная Конституцией РФ, конституциями и уставами субъектов Российской Федерации, федеральным и региональным законодательством. Отдельные положения избирательного законодательства подвергались и, вероятно, будут подвергаться критике [3, с. 48], но в целом система обеспечивает формирование представительных органов в соответствии с устоявшимися демократическими стандартами [4]. Более драматичной является процедура замещения должности главы субъекта Российской Федерации.

Разработка правового механизма избрания на высшую должность в субъекте Российской Федерации осуществляется с начала 90-х годов прошлого века и продолжается по настоящее время. Его незавершенность свидетельствует о сложности формирования демократических институтов в государстве, кардинально поменявшем принципы государственного и общественного устройства, о влиянии на этот процесс федеративного характера российского государства. В этот процесс вовлечены высшие органы государственной власти Российской Федерации, региональные политики, Конституционный Суд РФ, который в 1996 г. сформулировал правовую позицию, предопределившую порядок замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Федерации посредством всенародных выборов¹. Руководствуясь решением Суда, федеральный законодатель закрепил право жителей субъектов Российской Федерации самостоятельно избирать главу региона². Народ получил возможность оценивать кандидатов на высшую должность в субъекте на стадии предвыборной агитации и голосования. Но самое важное – избиратели получили возможность оценивать деятельность высшего должностного лица за период исполнения им полномочий. На очередных выборах имелась реальная возможность избрать нового главу, если деятельность прежнего не удовлетворяла граждан по каким-либо причинам.

Изменение федеральным законодателем порядка замещения должности и введение процедуры наделения полномочиями высшего должностного лица³ [5, с. 25] (фактическое назначение главы региона Президентом РФ) привело к отказу от принципа народовластия в формировании одной из ветвей государственной власти региона.

Отмена процедуры всенародного избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации существенно ограничила право населения участвовать (хотя и опосредованно) в региональном управлении. О понимании ущербности такой процедуры правящим политическим режимом свидетельствуют перманентные корректировки законодательства, приводящие к усилению подконтрольности главы региона как Президенту РФ, так и региональному парламенту. Но эти корректировки не могли обеспечить главного – политического доверия граждан. Глава региона воспринимался избирателями как ставленник Москвы, и любые негативные процессы в социально-экономической сфере, недовольство политическим курсом руководства страны в целом отражались на его популярности. Изначально отсутствовала связующая нить между гражданами и высшим должностным лицом, основой которой является причастность населения к назначению на должность главы субъекта Российской Федерации.

¹ См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края : постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 1.

² См.: Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 505.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 21.02.2014 № 19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8, ст. 739.

Практика показала, что нарушение принципа народовластия применительно к процедуре замещения должности главы региона повлияло на отношение народа к руководству страны в целом, стало одним из весомых аргументов в активизации оппозиционного движения. Низкий процент голосов, поданных за правящую партию на выборах депутатов Государственной Думы 2011 г., а затем и на выборах Президента РФ 2012 г. в ряде регионов, повлиял не только на изменение законодательства о политических партиях, но и привел к изменению законодательства о порядке замещения должности главы субъекта Российской Федерации.

Помимо выборов высшим выражением власти народа является референдум. В субъектах страны приняты и действуют законы о референдумах, проводимых на региональном уровне и в муниципальных образованиях. Следует отметить, что в настоящее время референдум как форма принятия решений в субъектах практически не используется. Исключение составляют обязательные референдумы, без проведения которых решение не может быть принято (голосование по объединению субъектов Российской Федерации).

Игнорирование субъектами Российской Федерации одного из основных институтов народного волеизъявления не свидетельствует о нарушении принципа народовластия. Скорее всего, причиной является отсутствие соответствующих традиций, а также трудоемкость (организационная и финансовая) проведения всенародного голосования. Помимо этого, ограниченные возможности субъектов Российской Федерации по принятию судьбоносных решений не стимулируют население к инициированию, а органы власти к стимулированию инициатив по проведению референдумов. Вряд ли следует упрекать субъекты Российской Федерации в том, что они не обращаются к референдуму как демократическому институту, способному наиболее адекватно отражать мнение граждан по различным вопросам государственной и общественной жизни.

Оценивая возможности и необходимость принятия законов посредством референдума, неплохо обратиться к опыту других стран. Исследуя практику использования референдума в штатах США, Ф. Закария отметил бурный рост числа инициатив по проведению референдумов в штате Калифорния. Если в 1960-е годы избирателям предлагалось выразить свое мнение по 88 проблемам, то в 1970-е годы цифра возросла до 181, а в 1980-е – до 257. К 1990-м годам число инициатив увеличилось до 378. «Только в 2000 году избиратели приняли решение по 204 законопроектам, которые касались всего, начиная со здравоохра-

нения и образовательной реформы и заканчивая правами гомосексуалистов и эвтаназией» [6, с. 205].

Оценивая бум проведения референдумов в Калифорнии, Ф. Закария обращает внимание на последствия реализации инициатив и принятых решений. Он пишет: «В Калифорнии возникла политическая система, настолько близкая к анархии, насколько это вообще возможно в цивилизованном обществе» [6, с. 209]. В результате реализации инициатив в штате 85 % бюджета находится вне контроля законодательной власти и губернатора. «Внушительная часть бюджета расписана заранее, законодатели ведут дебаты по поводу оставшихся 15 процентов. ... Инициативы попросту лишили весь процесс функциональных возможностей, наградив политиков ответственностью, но не полномочиями» [6, с. 210].

Проведение референдума требует значительных ресурсов, несопоставимых с принятием решения законодательным органом. Поэтому инициировать и провести голосование могут либо власти за счет бюджета, либо заинтересованные группы, обладающие мощными финансовыми ресурсами. В первом случае проще и дешевле провести законопроект через парламентские процедуры, во втором референдум будет проведен в интересах группы лиц, финансирующих кампанию по его инициированию и подготовке. Можно побудить избирателя проголосовать за то или иное решение, но будет ли оно соответствовать интересам населения? «Возможно, самым крупным парадоксом движения за внепарламентские инициативы и референдумы оказалась его неожиданная связь с деньгами, влияющими на политику» [6, с. 213].

Проводя сравнение использования тех или иных демократических институтов в различных странах, нельзя не учитывать особенности функционирования политических систем в каждой из них. Однако есть общие закономерности, которые влияют на реализацию принципа народовластия. Одной из таких закономерностей является усиливающееся давление на процесс принятия решений со стороны «групп интересов», обладающих значительными финансовыми ресурсами. В государстве с рыночной экономикой это неизбежно, поскольку конкурентная борьба в экономической сфере предполагает поиск всех возможных путей сохранения и приумножения получаемых доходов. Одним из наиболее стабильных каналов получения экономических предпочтений является участие в формировании и распределении бюджета. «Работа с бюджетом» – один из приоритетов многих представителей бизнес-структур. Не составляют исключение и законодательные органы субъектов Российской Федерации.

До сих пор остается актуальной оценка, данная региональному парламенту М. Афанасьевым: «В своем нынешнем виде региональные парламенты являются местом встречи власти и крупного капитала, где оформляется их корпоративная уния. Благодаря институту парламентского совместительства, промышленники и предприниматели, в том числе крупнейшие местные магнаты, получают мандаты законодателей. Это идеальный порядок для формирования частных клиентел и олигархических группировок, приватизирующих прерогативы публичной власти» [7, с. 14].

В соответствии с Конституцией РФ и учредительными актами субъектов Российской Федерации и в силу своей природы представительные органы призваны отражать интересы населения региона. В конечном итоге так оно и происходит. Но вопрос в том, насколько адекватно и эффективно с точки зрения защиты интересов региона осуществляется поиск баланса интересов населения и бизнес-сообщества? Можно ли законодательно и организационно обеспечить приоритет интересов народа и региона в целом, используя демократические инструменты? Не подменяется ли принцип народовластия псевдодемократическими процедурами, реализуемыми с применением демократического инструментария?

Исследуя различные стороны политической системы США, Ф. Закария ставит вопрос: так что же привело к упадку системы? [6, с. 176]. Можно привести несколько ключевых фраз из его книги, которые помогают понять суть произошедших в последние десятилетия изменений: «...теперь в Вашингтоне правят организованные группы лоббистов. ...Чем более открыта политическая система, тем легче она проницаема для денег, лоббистов и фанатиков. Суть изменений, произошедших в Вашингтоне, не в том, что политики отгородились от американского народа и не желают прислушиваться к его мнению. Проблема в том, что они ничего не делают сверх этого. Сегодня власть целиком ориентирована на погоню за общественным мнением. Она содержит армию экспертов, постоянно занятых "прощупыванием пульса" американского народа по каждому мыслимому и немыслимому поводу» [6, с. 177].

Изменение политического климата, вызванного информационной открытостью и возможностью «прощупывать мнение народа», меняет не только методы работы с потенциальными избирателями, но и ведет к изменению традиционных форм участия народа в управлении делами государства.

Политическая система в российских регионах обречена следовать по пути стран, где демократические институты из инструментов народовластия трансформируются в инструменты «групп интересов». Но это произойдет в том случае, если система манипулирования общественным мнением достигнет своего совершенства. Сегодня еще сохраняется возможность учесть практику (позитивную и негативную) зарубежных стран, чтобы избежать повторения их и собственных ошибок и просчетов.

Альтернативы народовластию, понимаемому как реальное участие народа в формировании органов власти, оценке деятельности властных структур, нет. Проявление народовластия возможно посредством использования различного инструментария, но использование форм прямого волеизъявления не должно приводить к негативным последствиям.

Библиографический список

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 1007 с.
2. Нудненко Л.А. Теория демократии. М. : Юристъ, 2001. 95 с.
3. Малый А.Ф. Смешанная избирательная система: существует ли она? // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 48–50.
4. Астафичев П.А. Народное представительство и парламентаризм: конституционные проблемы / под ред. Г.Н. Комковой. Орел : ОГУ : Тип. «Труд», 2004. 364 с.
5. Мещеряков А.Н. Наделение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации полномочиями: основные исторический этапы // Вестник Уральск. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 4. С. 24–31.
6. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами : пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Ладомир, 2004. 383 с.
7. Афанасьев М. Региональный вызов: правящие региональные группировки в российском политическом процессе // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе : матер. междунар. семинара. М. : Московск. обществ. науч. фонд, 1999. С. 9–16.

Дата поступления: 17.08.2021

MALYI Alexander Fedorovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Faculty, Kazan Federal University, Kazan, Russia; afm-10@mail.ru

NIGMETZYANOV Almaz Albertovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Faculty, Kazan Federal University, Kazan, Russia; diamondnig@mail.ru

NIKITENKO Igor Gennadievich

Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Faculty, Kazan Federal University, Kazan, Russia; nikitenko2078@mail.ru

**THE GOVERNMENT BY THE PEOPLE –
THE FOUNDATION OF A DEMOCRATIC STATE**

The forms of direct expression of the will of the people are diverse, and their use is the basis for the functioning of a democratic state. Their research remains relevant due to the objective changes in social relations and the accompanying political technologies. **Purpose:** to focus on the analysis of legislation that changes in the light of political considerations, to show the role of society in setting priorities for the development of particular relations, and to use the experience of foreign countries in analyzing such a form of expression of will as a referendum. **Methods:** the authors use comparison, description, interpretation, theoretical methods of formal logic. Special scientific methods such as legal-dogmatic and interpretation of legal norms are used. **Results:** the study concludes that there is no alternative to the government by the people as a constitutional principle that balances the interests of all segments of society. It is important to take into account the experience of other countries, which provides a wealth material for analysis.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; government by the people; democracy; constituent entities of the Russian Federation; elections; referendum.

References

1. Zorkin V.D. (ed.). *Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2011. 1007 p.

2. Nudnenko L.A. *Teoriya demokratii* [Democracy theory]. Moscow, YUrist" Publ., 2001. 95 p.
3. Maly A.F. A mixed electoral system: does it exist? *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2014, no. 6, pp. 48–50. (In Russian).
4. Astafichev P.A.; Komkova G.N. (ed.). *Narodnoe predstavitel'stvo i parlamentarizm: konstitucionnye problemy* [Representation of the people and parliamentarism: constitutional problems]. Oryol, Oryol State University Publ., Printing house «Trud» Publ., 2004. 364 p.
5. Meshcheryakov A.N. Procedures of giving powers to a highest-ranking official of the subject of the Russian Federation: main historical stages. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 4, pp. 24–31. (In Russian).
6. Zakaria F. The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad. New York, W.W. Norton & Company Publ., 2003. 256 p. (Russ. ed.: Zakaria F.; Inozemtsev V.L. (ed.). *The Future of Freedom: Illiberal Democracy in the United States and Beyond*]. Moscow, Lodomir Publ., 2004. 383 p.).
7. Afanasyev M. Regional challenge: ruling regional groupings in the Russian political process. *Transformaciya rossijskih regional'nyh elit v sravnitel'noj perspektive. Materialy mezhdunarodnogo seminara* [The transformation of Russian regional elites in a comparative perspective. International seminar proceedings]. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 1999, pp. 9–16. (In Russian).

Received: 17.08.2021

УДК 343.9

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.3

НЕСТЕРОВ Анатолий Васильевич

доктор юридических наук, профессор-консультант кафедры

уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Юридического института Российского университета

дружбы народов, г. Москва, Россия; nesterav@yandex.ru.

Статьи в БД Scopus/Web of Science: DOI: 10.3103/S0147688220020124

ВОЗМОЖНО ЛИ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ?

Развитие научно-технического прогресса, особенно в сфере создания инженерных продуктов, называемых технологиями искусственного интеллекта, привело к тому, что некоторые футурологи, форсайтеры и иные визионеры стали алармировать о конце эры правовых государств и будущем цифровом рабстве. **Цель:** рассмотреть вопросы, касающиеся метафор «цифровой концлагерь» и «цифровое рабство» с учетом принятия Федерального закона «О едином федеральном информационном ресурсе, содержащем сведения о населении Российской Федерации», а также иных законов, регулирующих правоотношения в так называемой цифровой среде, в частности связанной с персональными данными. Обсудить, что будет происходить с правами персоны (человека и гражданина), и как предотвратить превращение людей в цифровых рабов, у которых украли цифровую личность. **Методы:** системный и стандартные методы правового анализа. **Результаты:** показано, что указанные опасения не напрасны, но человеческая цивилизация не допустит власти роботов, мировой войны на самоуничтожение и возникновения того, что называют цифровым концлагерем. **Ключевые слова:** цифровая трансформация; виртуальное пространство; цифровые системы; смарт-экосистемы; цифровые права; алгоритмизация; смарт-законодательство.

Для ответа на вопрос, сформулированный в заголовке статьи, необходимо его уточнить следующим образом:

- 1) можно ли остановить научно-технический прогресс? – нет;
- 2) верно ли утверждение «если я ничего плохого не делаю, то чего мне бояться»? – нет;
- 3) опасаемся ли мы виртуальных мошенников? – да;

4) могут ли IT-бизнесы злоупотреблять правом, а чиновники правительственных ведомств превышать свои полномочия? – да;

5) могут ли граждане контролировать правительство, а правительство контролировать IT-бизнес? – да;

6) должны ли правоохранители обеспечивать правопорядок и безопасность государства в электронной среде? – да;

7) является ли цифровая эпоха эпохой или это этап развития научно-технического прогресса?

Из ответов на поставленные вопросы следует вывод: правовое государство может существовать при любых уровнях развития научно-технического прогресса, если граждане хотят этого. Достижения научно-технического прогресса – это только инструмент, который не должен выйти и не выйдет из-под контроля человечества. Далее рассмотрим аргументацию этих ответов.

Если исходить из того, что в правовом государстве должна действовать человекоцентрическая парадигма, то есть общечеловеческие ценности в виде свобод, прав и законных интересов людей должны лежать в центре внимания правительства, то приватность жизни персоны (человека и гражданина) и конфиденциальность персональных данных должны соблюдаться вне зависимости от того, какие достижения научно-технического прогресса используются ведомствами и (или) бизнесом [1]. Здесь приватность персоны подразумевается не только в действительном мире, но и в пространстве виртуальной сферы, существующей в интернет-инфраструктуре, как неприкосновенность персональных данных (данных, с помощью которых можно идентифицировать персону), а также данных о поведении персоны при посещении Интернета и (или) сайта [2].

Однако известны и другие мнения. Начнем с анализа публикации типичного представителя IT-бизнеса – гендиректора фирмы NtechLab – о технологии распознавания лиц, в которой он декларирует: «Если отвечать философски: на мой взгляд, понятие приватности нужно оставить в XX веке. В XXI оно не применимо. Все будут знать про вас все, это лишь вопрос времени. И вы от этого только выиграете»¹. Это стандартное мнение технократа и бизнесмена, который уверен, что программа любой сложности может работать без инцидентов. Но философия говорит об обратном, а практика на стороне философов. Кроме того, правительства под

¹ Кухаренко А. Понятие приватности нужно оставить в XX веке [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/longread/ntechlab-ceo/> (дата обращения: 12.09.2021).

давлением общественного мнения заставят не только IT-компании, но и IT-гигантов соблюдать нормы законодательства.

Хотя автор этой публикации считает, что в ближайшие 3–5 лет системы будут распознавать не только лица, но и такие уникальные параметры, как силуэт, рост, походку, он соглашается с тем, что люди, которые этого не хотят, будут придумывать, как обмануть самые совершенные алгоритмы. Пока видеофиксация не может решить несколько важных задач, чтобы говорить о ее безоговорочной победе над «щитом» от такого наблюдения за людьми.

Пока еще люди добровольно выкладывают в Интернете свои персональные данные, но эта ситуация уже начинает изменяться, так как они понимают, насколько это опасно.

Кроме того, многие согласны с электронной видеофиксацией в публичной сфере, в частности неправильно припаркованных автомобилей, их агрессивного движения в потоке. Однако никто не хочет, чтобы персональные данные «утекали» и ими пользовались мошенники и иные злоумышленники, в том числе зарубежные. Поэтому разработчикам придется искать баланс между безопасностью и правом персон на приватность.

То, что IT-бизнес стал глобальным и злоупотребляет правом, говорит лишь о том, что правовые системы государств пока еще недостаточно совершенны, а сами правоведы пока еще отстают от понимания того, что законы не должны быть метафоричными, то есть позволяющими юристам IT-бизнеса использовать их без учета законных интересов пользователей. С другой стороны, даже в правовом государстве некоторые политические силы могут использовать электронную среду для незаконной слежки за гражданами.

Непрерывно возрастает количество правонарушений и преступлений в электронной среде, о чем постоянно сообщают СМИ. Поэтому правоохранительные органы будут иметь возможность на законных основаниях получать доступ к закрытым (конфиденциальным) данным, в частности к персональным данным. Кроме того, технические сбои в работе Интернета все чаще приводят к инцидентам, которые происходят из-за его усложнения. Таким образом, электронная интернет-инфраструктура и виртуальные миры, продуцируемые с помощью смарт-эко-систем, не гарантируют их информационно-коммуникационную безопасность.

Далее остановимся на некоторых публикациях, авторы которых указывают на разнообразные возможные угрозы, которые могут созда-

вать цифровые технологии, в том числе искусственный интеллект. Например, П.В. Пивень цифровое рабство связывает с электронным тоталитаризмом, но считает, что оно может возникнуть и при ином государственном строе. Так, опыт блокировки аккаунта бывшего президента США Д. Трампа показал, что правила социальной сети могут быть выше, чем право [3].

Отдельные авторы указывают на то, что элита бизнес-коммуникаций или их ставленники в виде лидеров общественного мнения могут прийти к власти [4]. Другие концентрируют внимание на экспертократах [5], креатократах [6], нетократах [7]. Считается, что креатократия, для которой ценность представляет тайное знание и принадлежность к ограниченной группе избранных, будет претендовать на политическое лидерство, а нетократия станет следующей элитой, которая будет противостоять иерархической системе управления. Целью такой новой власти, в отличие от классической власти, является капитал не в виде вещественных ценностей, а в виде информации, с помощью которой внимания пользователей фокусируется на необходимых власти ценностях. Нетократы заинтересованы в сохранении информационных ресурсов для эксклюзивного использования; их они ставят выше экономической выгоды.

В некоторых публикациях декларируется, что на фоне развития IT-гигантов законодательная власть и правительство становятся несостоятельными регуляторами: «Очевидно, что это вызов для нынешней бюрократии» [8]. Так, американский футуролог Р. Курцвейл предсказывает, что в XXI в. появится «сильный искусственный интеллект», который может выйти из-под контроля человечества¹. Другие визионеры считают, что человечество самоуничтожится во время войны с помощью искусственного интеллекта, а также что совокупность властной элиты и глобального бизнеса создаст глобальный цифровой концлагерь, в котором люди будут находиться в качестве цифровых рабов.

Кроме футурологов, известны ученые, которые предлагают путь построения будущего общества с применением искусственного интеллекта. Так, Н. Бостром обосновал единственный, как он полагает, рецепт спасения мира от глобальной катастрофы – создание Всемирного Большого Брата [9]. Однако он оговаривает условие, что технический прогресс продолжится с ускорением. Это является слабостью гипотезы,

¹ Васильков А. Прогноз развития технологий до 2099 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.computerra.ru/226917/predictions-of-raymond-kurzweil/> (дата обращения: 12.09.2021).

так как экспоненциальный рост может закончиться логистической кривой или катастрофическим обвалом.

Все эти авторы не учитывают того, что в массовом сознании на смену одним идеям приходят другие, и это происходит инерционно и волнообразно. При этом законодательство имеет существенное значение в этих процессах. Если оно будет «умным», то есть понятным народу и алгоритмам, а его нормы будут стимулировать рациональное поведение, тогда эти процессы могут осуществляться эволюционно.

Например, рациональная политика Евросоюза в области сохранения окружающей среды привела к углеродному налогу, что заставляет другие страны добровольно последовать этому примеру в плановом порядке. Точно так же люди научатся ограничивать себя в просмотре сериальчиков на Netflix, видеороликов в TikTok, а также в «сидении» в соцсетях, а государства создадут суверенные секторы Интернета.

Никто в мире не хочет негативных последствий от применения научно-технических достижений, поэтому люди найдут правовые инструменты, как купировать такие угрозы, но запретить научно-технический прогресс нельзя. В конечном итоге только идеи в сознании людей заставляют их использовать достижения научно-технического прогресса в негативных целях. Однако люди способны договариваться, и это вселяет надежду на то, что рукотворный апокалипсис не наступит ни в цифровую эпоху, ни в следующие, названия которым люди придумают. То, что Солнечная система конечна, заставляет людей осознанно развивать научно-технический прогресс. Поэтому необходимо различать действительные и мнимые угрозы, которые могут возникать от применения цифровых технологий. Но сначала надо определиться с используемыми терминами. Например, «цифровая революция – это не столько технологическая трансформация, сколько социальная»¹, однако здесь необходимо уточнить, что цифровая трансформация – это про то, чтобы законодательство стало рациональным, понятным людям и алгоритмам.

Легализация цифровых прав в ГК РФ привела к тому, что правоведы стали обсуждать, как назвать такие права в публично-правовой сфере. Предлагается «использовать для публично-правового обозначения цифровых прав термин "двоичные (бинарные) права", который подчеркивает связь с цифровой передачей информации (binary), а также через игру слов оттеняет двойственность существования этих прав как online, так и offline» [10]. Наверное, нет смысла использовать термин

¹ Любимов А. Обоснован ли страх цифрового рабства [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/digital-slavery/> (дата обращения: 12.09.2021).

«двоичные права» для обозначения составляющей информационных прав, но автор этой публикации прав, что в основе всех дискретных электронных устройств используется двоичное отображение информации, вне зависимости от режима работы этих устройств. Однако новый этап развития научно-технического прогресса продуцирует виртуальные, а не двоичные или цифровые миры. Двоичность и цифровость – это только логические свойства этих миров.

С.Г. Чубукова обращает внимание на субъекта информационных прав в условиях цифровизации [11]. Известно много обозначений людей в современном цифровом обществе: цифровой, виртуальный, смарт, сетевой, интернет-человек, киборг, инфорг и т. д. На наш взгляд, лучше всего подходит наименование «онлайн-человек», так как именно благодаря онлайн-режиму он взаимодействует с виртуальным миром. В этом мире продуцируется его виртуальное отображение, называемое цифровым профилем, цифровой личностью, цифровым двойником и т. д. Поэтому необходимо определить, что такое цифровая «жизни-деятельность» (авторский термин. – *Прим. ред.*).

Слово «цифровой» применительно к компьютерам появилось в СССР благодаря Б.И. Рамееву и И.С. Бруку, которые в 1948 г. подали заявку на изобретение с названием «Автоматическая цифровая электронная машина» и в 1950 г. получили авторское свидетельство на него. Особенностью этой машины было использование полупроводниковых диодов, а сама машина появилась в 1953 г. Словосочетание «цифровая жизнь» стало популярным благодаря журналистам, которые исказили название статьи Being double digital («Двоичная цифровая жизнь») Н. Негропonte, опубликованной в журнале Wired в 1995 г.¹

В словосочетании «цифровая трансформация» ключевым является «трансформация» (в частности, нормативных правовых актов и нормативно-технических документов) под требования алгоритмизации. В связи с этим интересно обратить внимание на Распоряжение Правительства РФ²,

¹ Being Digital (фундаментальная статья Николоса Негропонтэ по цифровой экономике за 1995 год, часть 2) [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/philtech/blog/354418/> (дата обращения: 12.09.2021).

² Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378135/354474/ (дата обращения: 01.09.2021).

где появилось словосочетание «функциональная трансформация», подчеркивая, что и функциональность структур должна трансформироваться.

Цифровая трансформация представляет собой очередной, четвертый, этап автоматизации «жизни-деятельности» людей, который пришел на смену электронизации. Слово «цифровой» обозначает системы, в частности цифровые, которые называют блокчейном, так как в них используются цифровые метки, как цифровые подписи. Новый термин «цифровые инновации», скорее всего, будет заменен на «смарт-системы», так как именно они могут продуцировать виртуальные миры, которые воспроизводятся с помощью лазерной визуализации и акустического сопровождения. Пользователь может одновременно находиться в действительности и виртуальности.

Люди живут в действительном мире, но могут существовать и в виртуальном. Эти миры связаны, и анонимный пользователь может нанести вред конкретному субъекту через виртуальный мир и остаться безнаказанным. Можно принять норму в законе о наказании за такие действия, но пока нет инфраструктуры, с помощью которой правоохранители смогут идентифицировать злоумышленника и доказать его вину, закон не будет действовать. Поэтому в виртуальном мире должны быть виртуальные границы, а для этого законодательно определить, что это такое и чем они отличаются от цифровых границ, а заодно и сказать, существуют ли цифровые границы или это метафора.

Сейчас важнее создать безопасное виртуальное пространство сферы смарт-систем на электронно-цифровых платформах, чем бояться искусственного интеллекта. Как известно, в публикации Х. Дрейфуса еще в 1965 г. была высказана гипотеза о невозможности построения искусственного интеллекта [12], а в 2020 г. Р. Фьелланд доказал, что это принципиально невозможно сделать [13].

На наш взгляд, экзистенциальный риск потенциальной угрозы, исходящей от сильного искусственного интеллекта, можно рассматривать как мнимый, так как его принципиально нельзя построить, а вот действительные риски применения смарт-вирусов или смарт-систем вполне вероятны.

В связи с этим правоведа обсуждают так называемые цифровые права, к которым относятся права на информацию, а цивилисты, не дождавшись легальной дефиниции цифровых прав от информационного права, включили ее в ГК РФ. Вне зависимости от вида правоотношений – общественно-гражданских, частноправовых и (или) публично-правовых, – в которых принимает участие персона, в каждом из этих его прав

имеется информационная составляющая, базирующаяся на универсальных информационно-коммуникативных правах. Поэтому такие права персоны существуют и подлежат признанию, охране и (или) защите до тех пор, пока их реализация не приводит к противоречию с охраняемыми правами иных юридических субъектов (физических, юридических лиц и (или) публично-правовых образований).

Власть не допустит самоуправства IT-корпораций, а взрослые – затянувшегося инфантилизма молодежи. То же можно сказать о претензиях глобальных корпораций, так как уже видно, что глобализм выдыхается и ему на смену идет новый тренд.

В Федеральном законе «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» отмечено, что организация функционирования федерального регистра сведений о населении основывается на принципах «законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, применения организационных и технических мер по обеспечению безопасности содержащихся в федеральном регистре сведений о населении персональных данных»¹. Учитывая, что в практической деятельности возникают утечки персональных данных из баз данных различных ведомств, в этом пункте уделено внимание обеспечению централизованной безопасности персональных данных.

Напомним, что нормативные правовые акты, посвященные ведомственным базам данных, стали появляться давно и создавались для улучшения работы государственных и муниципальных электронных услуг. В том, что интернет-инфраструктура оказалась пространством всеобщего недоверия и происходят утечки персональных данных, виноваты идеалисты (отцы-основатели архитектуры Интернета). Поэтому обеспечение безопасности хранилищ персональных данных для предоставления публично-правовых сервисов, называемых цифровыми сервисами, вполне оправданно. Аналогичные процессы протекают и в других странах, которые создают «сервисные государства». Необходимо отметить, что в любом государстве осуществляется фиксация сведений о населении.

Обеспечение безопасности хранения и (или) передачи данных, а также программ, а стало быть, и их пользователей подразумевает наличие встроенных инструментов контроля и их соответствие стандартам и тре-

¹ О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации : федер. закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354474/ (дата обращения: 01.09.2021).

бованиям регуляторов. Однако как требования стандартов, так и законодательные нормы имеют недостатки, поэтому в системах безопасности кроме своих программно-аппаратных уязвимостей возможны и нормативные уязвимости. Неопределенность законов приводит к непониманию их норм гражданами и предметными специалистами организаций и бизнеса.

Наша уверенность в том, что человечество найдет ответ на все вызовы, возникающие при применении достижений научно-технического прогресса, базируется на докладе, который был опубликован в 2019 г. ООН¹. В нем под цифровым сотрудничеством подразумевается совместная работа, позволяющая справиться с влиянием, оказываемым цифровыми технологиями на общество, этику, законодательно-правовую сферу и экономику. Эта работа направлена на то, чтобы максимизировать выгоды и минимизировать вредные воздействия этого влияния. На уровне ООН появилась возможность искать консенсус между действующими лицами (стейкхолдерами) на «цифровом поле».

Выводы. Власть (бюрократы), бизнес (олигархи) и креатократы должны договориться, а не действовать, как «лебедь, рак да щука». Договариваться они должны в соответствии с «умными» законодательствами, нормативными правовыми актами и нормативно-техническими документами.

Библиографический список

1. Нестеров А.В. Правовая категория частной жизни и ее связь с категорией персональных данных в условиях цифровизации // Юридический мир. 2020. № 6. С. 24–28.
2. Нестеров А.В. Цифровизация общества и экономики: систематизация персональных данных в информационных системах // Научно-техническая информация. Сер.: Организация и методика информационной работы. 2020. № 6. С. 9–14.
3. Пивень П.В. Цифровое рабство или электронный рай? // Век глобализации. 2018. № 4. С. 107–113.
4. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ГУ ВШЭ, 2016. 214 с.
5. Ашкерев А.А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М. : Европа, 2009. 213 с.

¹ The age of digital interdependence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/pdfs/DigitalCooperation-report-for%20web.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).

6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
7. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.
8. Цзяньган Ван. Влияние IT-гигантов на политику // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 1. С. 131–135.
9. Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis // Global Policy. 2019. Vol. 10, iss. 4. P. 455–476.
10. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Ин-та государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 3. С. 122–146.
11. Чубукова С.Г. Цифровая трансформация системы субъектов информационного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 74–81.
12. Dreyfus H.L. Alchemy and Artificial Intelligence. RAND papers, 1965. 90 p.
13. Fjelland R. Why general artificial intelligence will not be realized // Humanities and Social Sciences Communications. 2020. Vol. 7, № 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-020-0494-4>.

Дата поступления: 14.09.2021

NESTEROV Anatoly Vasilievich

*Doctor of Law, Professor-Consultant of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; nesterav@yandex.ru.
Articles in the data base Scopus/Web of Science:
DOI: 10.3103/S0147688220020124*

**IS THE RULE-OF-LAW STATE POSSIBLE
IN THE DIGITAL AGE?**

The development of scientific and technological progress, especially engineering products, metaphorically called «artificial intelligence technologies», led to the fact that some futurologists, forecasters and other visionaries began to warn about the end of the era of rule-of-law states and the future «digital slavery». **Purpose:** to consider the issues related to the metaphors «digital concentration camp» and «digital slavery» taking into account the adoption of the Federal Law «On a Single Federal Information Resource Containing Information about

the Population of the Russian Federation», as well as other laws regulating legal relations in the so-called «digital environment», in particular, related to personal data. Therefore, legal scholars have a task to discuss what will happen to the rights of a person (a person and a citizen) so that humanity does not turn into «digital slaves», from whom the «digital identity» is stolen. **Methods:** the author applies a systematic approach and standard methods of legal analysis. **Results:** it is shown that these fears are not in vain, but human civilization will not allow the power of robots, a world war on self-destruction, and the emergence of what is called a digital concentration camp.

Keywords: digital transformation; virtual space; digital systems; smart ecosystems; digital rights; algorithmization; smart legislation.

References

1. Nesterov A.V. The legal category of private life and its relationship with the category of personal data in the context of digitalization. *YUridicheskij mir = Juridical World*, 2020, no. 6, pp. 24–28. (In Russian).

2. Nesterov A.V. Digitalization of society and economy: systematization of personal data in information system. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya: Organizaciya i metodika informacionnoj raboty = Scientific and Technical Information. Series: Organization and Methodology of Information Work*, 2020, no. 6, pp. 9–14. (In Russian).

3. Piven P.V. Digital slavery or digital heaven? *Vek globalizacii = Age of globalization*, 2018, no. 4, pp. 107–113. (In Russian).

4. Castells M. Communication power. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2009. 571 p. (Russ. ed.: Castells M. The Power of Communication. National Research University Higher School of Economics Publ., 2016. 214 p.).

5. Ashkerov A.A. *Ekspertokratiya. Upravlenie znaniyami: proizvodstvo i obrashchenie informacii v epohu ul'trakapitalizma* [Expertocracy. Knowledge management: production and circulation of information in the era of ultracapitalism]. Moscow, Europe Publ., 2009. 213 p.

6. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York, Basic Books Publ., 2002. 464 p. (Russ. ed.: Florida R. Creative Class: People Who Create the Future. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016. 384 p.).

7. Bard A., Zoderkvist J. Netocracy. London, Pearson Education Publ., 2002. 269 p. (Russ. ed.: Bard A., Zoderkvist J. Netocracy. The new ruling elite and life after capitalism. St. Petersburg, 2004. 252 p.).

8. Jiangang Wang. The impact of IT-giants on politics. *Medicina. Sociologia. Filosofia. Prikladnye issledovaniya = Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 2019, no. 1, pp. 131–135. (In Russian).

9. Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis. *Global Policy*, 2019, vol. 10, iss. 4, pp. 455–476.

10. Talapina E.V. Evolution of human rights in digital era. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 122–146. (In Russian).

11. CHubukova S.G. Digital transformation of information law subjects system. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 12, pp. 74–81. (In Russian).

12. Dreyfus H.L. *Alchemy and Artificial Intelligence*. RAND papers Publ., 1965. 90 p.

13. Fjelland R. Why general artificial intelligence will not be realized. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2020, vol. 7, no. 10. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41599-020-0494-4>.

Received: 14.09.2021

УДК 34.01

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.4

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Русской христианской гуманитарной академии, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Россия; fonduniver@bk.ru.

Статьи в БД Scopus/Web of Science: DOI: 10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Русской христианской гуманитарной академии, г. Санкт-Петербург, Россия; d.maslennikov@rhga.ru.

Статьи в БД Scopus/Web of Science: DOI: 10.1051/e3sconf/202125807017

МАКСИМОВ Александр Александрович

аспирант Юридического института (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия; sanchotaa@gmail.com

**ГЕГЕЛЬ О ДВУЕДИНОЙ, АБСТРАКТНО-КОНКРЕТНОЙ,
ПРИРОДЕ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ПРАВА:
ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА¹**

Учение Гегеля в XXI в. сохраняет свою актуальность для российской политико-правовой науки благодаря глубокой разработке категориального аппарата и методологического инструментария для выражения ценностной природы права и государства. Учение Гегеля о субъекте права, особенно представленное в его ранних работах, является одной из малоизученных, но при этом весьма значимых страниц его научного творчества, обращение к которым должно способствовать дальнейшему развитию современной системы правовых категорий. **Цель:** сравнительный анализ различных вариантов гегелевского учения о личности как субъекте права

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44055 «Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна».

и его генезисе с учетом особенностей естественно-правового и теологического подходов. **Методы:** логический, историко-генетический, историко-сравнительный, системный метод познания, а также методология теоретико-правовой компаративистики. **Результаты:** в поздней философской системе Гегель развивает учение о двуединой природе личности как субъекта права: в качестве конкретного субъекта личность опосредствует свое отношение с другими субъектами через единичную предметную вещь (качественная характеристика субъекта), как абстрактный субъект личность строит свои отношения с ними на основе признания в качестве равных субъектов свободы (количественная характеристика субъекта). Формой разрешения данного противоречия выступает мораль. В разные периоды своего научного творчества Гегель рассматривал генезис личности как субъекта права с естественно-правовой и с теологической стороны, включая идею Бога, выявляя при этом новые существенные аспекты понятия субъекта права, связанные с историческим развитием государства и становлением правового государства.

Ключевые слова: право; государство; субъект; личность; Гегель; теология; идея Бога; философия права.

Политико-правовой блок учения Гегеля был включен в его философскую систему, которая заключала в себе и одновременно воплощала собой детально проработанную спекулятивно-логическую методологию. Однако только в единстве с ранними философско-правовыми работами, представленными трактатами «Конституция Германии», «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве», «Система нравственности», «Йенская реальная философия» и др., содержание гегелевской философии права может быть и по достоинству оценено, и адекватно понято [1, с. 164–177]. И лишь в единстве с ранними работами зрелое гегелевское учение о праве и государстве по-настоящему составляет целостную правовую теорию [2; 3].

Зрелая система Гегеля, как известно, состоит из трех структурных элементов: логики, учения о природе и учения о духе. Последний включает в себя учение о субъективном духе, учение об объективном духе, учение об абсолютном духе. Логика является изложением диалектического гегелевского метода и одновременно учением о сущностных законах бытия, и в этом смысле слова – абсолютным методом [4, с. 317–322]. В понимании самого ученого она является наукой о всеобщем диалектическом единстве мышления и бытия [5, с. 178–187]. Филосо-

фия природы рассматривает объективный мир как совокупность этапов становления духа. Таким образом, учение о природе переходит в учение о субъективном духе, поскольку его Гегель понимал как «конечный дух» [6, с. 30, 31], «природный дух» [6, с. 40], или дух в его непосредственной природности.

В соответствии с методологическими установками Гегеля научное мышление, которое схватывает всякое содержание в первую очередь как процесс, как развитие, не может предпосылать понятие высшего (в данном случае – понятие «духа») какому-либо иному, менее развитому содержанию. В противном случае оно бы не было результатом развития. Значит, по логике Гегеля, развитие духа должно начинаться с чего-то противоположного его высшей форме, а таковым может быть только дух, взятый в его природной форме. Для Гегеля это единичный ощущающий и чувствующий субъект, еще не возвысившийся до уровня субъекта социального действия и не объективировавшийся в правовых отношениях. Разъясняя эту свою позицию, ученый писал: «Правда, его реальность в начале также должна уже быть абстрактной – только благодаря этому соответствует она идеальности духа, – но она по необходимости еще не опосредствованная, еще не положенная, следовательно, только сущая, внешняя духу, данная через природу. Мы должны, поэтому, начинать с духа, который еще пленен природой, еще связан со своей телесностью, еще не есть дух, обладающий у-себя бытием, – мы должны начинать с еще не свободного духа. Процесс развития природного духа состоит в том, что природный дух овладевает природой, починает ее себе и становится свободным от ее господства. Он становится "свободным духом"» [6, с. 40].

Отметим, что в учении о развитии природного духа к свободному духу Гегель, по сути, рассматривает тот же процесс овладения человеком природой, что и в своем раннем трактате «Йенская реальная философия» (1805–1806). С той лишь разницей, что в ранней рукописи он рассматривал этот процесс с его объективной стороны, а именно как процесс трудового воздействия человека на природу, как производительный труд, как процесс создания материальных условий своего существования и как процесс освобождения человека от своей материальной зависимости от природы. Логическим результатом анализа этого процесса был переход к анализу института семьи как единицы не только моральных отношений (отношений любви, как о них писал Гегель), но и как элементарной единицы хозяйственных отношений в обществе, особенно в обществе, основанном на натуральном хозяйстве [7].

Таким образом, генетическими элементами отношений права, выходящих в системе «естественного состояния», для Гегеля являются, во-первых, сам субъект права, здесь – это конкретный человек; во-вторых, труд, который направлен только на удовлетворение потребности членов семьи, то есть соответствует тому, что мы называем натуральным хозяйством, но потенциально может развиваться при условии всеобщего разделения труда до уровня товарного производства («он [индивид] сам сделал [этот свой продукт] бытием для [удовлетворения] потребности других, тогда как в семейном владении он, напротив, сохранял его для себя» [6, с. 325]); в-третьих, внутреннее единство субъектов, положенное в форме любви, составляющей сущность и действительную скрепу семейных отношений. Результатом становления единства всех трех элементов выступает социальное пространство взаимного признания индивидами друг друга в качестве свободных, независимых и равных субъектов взаимных отношений. Эти отношения, закрепляясь формально и легитимируясь властью государства, утверждаются как отношения права.

Признание в трактате «Йенская реальная философия» выступает, таким образом, как особая форма бытия человека, называемая Гегелем «бытие в признанности» (*Annerkantssein*). В самом общем виде Гегель определяет право именно через категорию признания («Это признание есть право» [8, с. 316]), а становление права определяет через «борьбу за признание». Проблематика борьбы за признание получила развернутое изложение также в «Феноменологии духа» и является предметом, к которому нередко обращаются гегелеведы, занимающиеся историей правовых учений [9, с. 30–34].

Рассматривая вопрос о генезисе субъекта права в своих поздних произведениях, в «Энциклопедии философских наук» и «Философии духа», Гегель отходит от логики ранних рукописей и исследует этот процесс преимущественно с субъективной стороны. Здесь генезис субъекта права раскрывается, прежде всего, как процесс овладения человеком качествами своей души, ощущениями и чувствами, возвышения над своей чувствительностью, подчинения ее своему сознанию и воле и через это – как процесс становления человека в качестве разумного, владеющего собой и потому свободного субъекта гражданских, правовых и политических отношений.

Именно об этом говорит Гегель в параграфе, трактующем право как явление духовной сущности: «Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и

система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [10, с. 67]. Здесь результатом является «личность» (Person) как специфическая социальная характеристика человека. Этапы генезиса такой «личности» зафиксированы, соответственно, в Антропологии, Феноменологии и Психологии в «Энциклопедии философских наук» [11, с. 184–192].

В таком качестве личность оказывается, прежде всего, субъектом той сферы политико-правовых отношений, которые Гегель называет абстрактным правом. Нужно отметить, что личность, как она выступает в трактовке Гегеля, – это субъект социальный. Качества человека как личности, как субъекта правовых отношений Гегель не связывает ни с его телесными особенностями, ни с особенностями антропологическими (такими как способность к ощущению, чувству, созерцанию, восприятию и т. п.). В то же время он не сводит личность и к чистой абстракции самосознания, к осознанию себя человеком как таковым, к абстракции своей свободной сущности.

В действительности, понятие личности у Гегеля является диалектическим единством двух противоположностей: с одной стороны, всей полноты человеческих телесных, антропологических и психологических качеств, описанных в предшествующем материале «Энциклопедии философских наук», а с другой стороны, указанной абстракции свободной сущности. Об этом говорится в следующем фрагменте, где Гегель определяет это исходное для своего учения о праве понятие: «В личности заключено, что я в качестве этого представляю собой полностью определенное во всех аспектах (во внутреннем произволе, влечении, вожделении, равно как и по непосредственному внешнему наличному бытию) и конечное, однако совершенно чистое соотношение с собой, и тем самым знаю себя в конечности бесконечным, всеобщим и свободным» [10, с. 97].

Субъект права, таким образом, по Гегелю, двуедин. Он одновременно и единичен и всеобщ, и абстрактен и конкретен. Но если его единичная и конкретная природа может быть дана налично и дана эмпирически, то с всеобщей и абстрактной природой дело обстоит прямо противоположным образом. Дана она может быть только в мышлении, а значит, налично существовать может только в социальных отношениях между теми, кто обладает способностью мышления, а именно во взаимодействии человека с другими людьми, в акте коммуникации и в многочисленных актах перекрещивающихся коммуникаций, по Гегелю, как раз и образующих ткань правоотношений, если целью этих коммуникаций является признание, а результатом – «бытие в признанности».

Думаем, мы будем ближе к точной интерпретации содержания понятия личности как субъекта права и как исходной клеточки развития логики права в «Философии права», если учтем аналогичную трактовку этого материала в «Йенской реальной философии». Здесь Гегель также говорит о бытии личности, но понятие бытия уже на этапе этого раннего произведения имело для него строгое категориальное значение. Говоря не о бытии вообще, не о бытии как таковом, а о бытии какого-либо особенного предмета, нужно было указать и особенность наличного бытия этого предмета или явления, на способ его бытия.

Так, говоря о бытии личности как субъекта права, Гегель указывает на акт призвания как способ ее бытия. Поскольку личность существует во взаимодействии со многими личностями и эта множественность доказывается Гегелем (вслед за Фихте, считавшим в своей работе «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» это доказательство одной из главных задач теории права [12, с. 59–78]), постольку речь идет не о единичном акте «признания», а о «признанности» как некоторой длительности, как результате процесса. Таким образом, способ бытия личности в «Йенской реальной философии» определяется как «бытие в признанности» (*Annerkantsein*). И это содержание, скорее, даже не предваряет, а конкретизирует то, о чем идет речь в «Философии права». Поэтому стоит признать, что тексту поздней «Философии права» Гегеля недостает глубокого и содержательного понятия «бытия в признанности», оставшегося в ранней рукописи.

Поскольку акт признания, как подчеркивает Гегель, всегда опосредован конечной вещью [10, с. 101], а договор носит спорадический, связанный только с этим единичным актом характер, то он имеет чисто количественную природу. Вещь в отношениях акта признания составляет, напротив, материальный, то есть качественный, момент этого отношения.

В сфере чистой логики Гегель показывает, как чистое качество переходит в количество. Здесь мы также можем наблюдать переход от определенного лица, связанного с определенной же вещью, то есть от некоторого качества, к более существенному типу отношений, заключающихся в отношении к другому лицу, где первоначальное отношение к вещи – это лишь опосредующий способ перехода к социальным отношениям. Там, где проявилась социальная природа вещных отношений, последние уже в соответствии с требованиями методологии сферы сущности показывают свою «несущественность», показывают, что они лишь форма явления, знак социально-правовых отношений (вещные отношения здесь, как выражается Гегель, «zu Grunde gehen», что по-

немецки одновременно означает и «погибнуть», и «уйти в основание», то есть стать основанием чего-либо. Гегель охотно использует эту труднопереводимую игру слов [13, с. 280]).

В аспекте методологии анализа правовых явлений это проявившее себя как более существенное, чем вещное содержание межличностной коммуникации, социальная природа ее отношения имеет, по Гегелю, чисто количественную характеристику, основанную на количественном же определении, а именно на определении равенства и неравенства: «В личности разные лица равны между собой, если говорить о разных лицах там, где еще нет таких различий. Но это бессодержательное, пустое, тавтологичное предложение, ибо лицо в качестве абстрактного и есть еще не обособленное и не положенное в определенном различии. Равенство есть абстрактное рассудочное тождество, которое прежде всего имеет в виду рефлектирующее мышление, а тем самым и духовная посредственность вообще, когда оно встречается с отношением единства к различию. Здесь равенство было бы лишь равенством абстрактных лиц как таковых, вне которых именно поэтому остается все, что относится к владению, этой почве неравенства» [10, с. 107].

Здесь обнаруживает себя и «действует» двойственная, абстрактно-конкретная природа личности как субъекта права, о которой мы сказали, давая свой анализ и интерпретацию гегелевскому определению личности (Person). Как конкретный человек личность овладевает конкретной вещью и предлагает ее для обмена конкретному же человеку. И здесь имеют место отношения, связанные с качествами вещей и самого человека. Как абстрактная личность он выступает субъектом правовых отношений. И здесь уже имеют место чисто количественные характеристики, о чем говорилось в предыдущем абзаце.

По сути, в «Философии права» Гегель переносит на правовую почву ту диалектику абстрактного и конкретного, которую он двадцать лет назад в «Йенской реальной философии» рассматривал на материале политической экономии [14, с. 436–442]. В «Философии права» речь идет о различии абстрактного и конкретного моментов в определении личности как субъекта права. В «Йенской реальной философии» она шла о различии абстрактного и конкретного труда человека, создающего вещи как объект правовых отношений. Если в «Йенской реальной философии» значительное внимание уделяется проблематике абстрактного и конкретного труда как политико-экономической основе правовой теории (а также вопросам механизации труда как формы утверждения его «абстрактности» в живой реальности общественной жизни), то в поздних вариантах философии пра-

ва это содержание упоминается только мельком: «Труд, делающийся вместе с тем более абстрактным, влечет за собой, с одной стороны, вследствие своего единообразия легкость работы и увеличение производства, с другой – ограничение каким-нибудь одним умением и тем самым безусловную зависимость от общественной связи. Само умение становится вследствие этого механическим и делает возможной замену человеческого труда машиной» [6, с. 343]. Еще через четверть века К. Маркс, опираясь уже на зрелые варианты учения Гегеля о праве, восстановит политико-экономическую проблематику абстрактного и конкретного труда, чтобы отсюда на новом витке «отрицания отрицания» снова перейти к политико-правовой проблематике.

Заметим также, что в приведенном фрагменте, посвященном правовому «бытию в признанности», Гегель говорит о том, что «все, что относится к владению», осталось «вне» этих «абстрактных лиц», именно потому мы имеем дело здесь уже с абстрактными лицами, а именно с такими, от которых абстрагированы все качества, кроме чисто количественного отношения равенства с другими, которое будет положено в основу юридического равенства.

Развитие гегелевской философии права и развитие трактовки вопросов генезиса субъекта права [15; 16, с. 97–142; 17, с. 19–21; 18, с. 62–69; 19, с. 296–298] определялось общей логикой перехода от одного варианта философской системы к другому. Для ранней системы, воплощенной в «Системе нравственности» и в «Йенской реальной философии», это был объективный процесс материального производства, освобождающего человека от природной зависимости. Начальным субъектом такого производства в форме естественного (натурального, как принято выражаться) хозяйства была семья – первый субъект свободы, скрепленный узами морали. Личность как субъект права формировалась путем абстрагирования от субъекта морали своих качеств потенциального объекта «признания». В основных чертах эта логика дедукции субъекта права раннего Гегеля была близка соответствующей логике Аристотеля [20; 21].

Логика зрелой философской системы, системы «Энциклопедии философских наук» и «Философии права», вела от генезиса качеств свободной личности («свободного духа») в недрах природного человека, человека души, к определениям человека, утверждающегося в процессе взаимопризнания с Другим в качестве равного, свободного субъекта. Это субъект той сферы, которую Гегель называл «абстрактным правом» и которую еще следует развить до уровня сферы семьи, где человек опреде-

ляется уже как субъект моральных отношений. Далее Гегель развивает определения человека до уровня субъекта отношений гражданского общества и государства, где он становится субъектом всемирной истории.

На склоне лет Гегель искал в синтезе философии и богословия новую форму своей системы. Вариант ее мы можем видеть в «Лекциях по философии религии» и в «Лекциях о доказательстве бытия бога» [22, с. 73–85]. То, что в «Философии права» было результатом развития содержания, здесь, наоборот, выступило источником генезиса права. А именно: единый процесс всемирной истории как процесс развития государства, развития общества и развития человека. К вопросу о смысле этой истории Гегель подходил с богословских позиций, концентрируя его в Священной Истории Богочеловека, отсылающей нас к образу вечности и вечных ценностей [23, с. 35–36]. Богочеловек здесь выступает образом совершенной личности, самым своим существованием обеспечивающей возможность права, правовых отношений и правового государства [24, с. 223]. Этот, третий, вариант логики построения философии права у Гегеля только намечен. Ученый не успел придать ему развернутую форму, что, однако, не снижает общей ценности того импульса, который был в целом дан теологией последующей философско-правовой мысли.

Библиографический список

1. Философско-правовое содержание ранних работ Г.В.Ф. Гегеля / Сальников В.П. [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 1. С. 164–177.
2. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 155–164.
3. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф. по конституц. праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2017. С. 138–144.
4. Pippin R.V. Hegels realm of shadows: logic as metaphysics in the Science of logic. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2018. 352 p.
5. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178–187.

6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 3. Философия духа. М. : Мысль, 1977. 470 с.
7. Сальников В.П., Масленников Д.В., Исмагилов И.Р. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в «Йенской реальной философии» Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. 2016. № 12. С. 181–188.
8. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 1. 630 с.
9. Schaber P. Recht als Sittlichkeit. Eine Untersuchung zu den Grundbegriffen der Hegelschen Rechtsphilosophie. Würzburg : Königshausen und Neumann, 1989. 155 s.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
11. Лукашин Е.В., Масленников Д.В. Антропологическое единство человека как генетическая предпосылка рефлексивной интуиции права // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 184–192.
12. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М. : Канон+, 2014. 391 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. : Мысль, 1974. 451 с.
14. Лёвит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб. : Фонд «Университет» : Владимир Даль, 2002. 672 с.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Перечитывая Гегеля. Размышления к 200-летию «Философии права» // Теория государства и права. 2021. № 2 (22). С. 67–88.
16. Идея свободы. Право. Мораль: классическая и постклассическая философия права : моногр. / И.А. Ананских [и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук С.И. Захарцева. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
17. Идея справедливости в традициях постклассической философии права : науч. изд. / Р.Ф. Исмагилов [и др.] ; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012. 176 с.
18. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.) : моногр. СПб. : Фонд «Университет», 2017. 324 с.
19. Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность : моногр. М. : Проспект, 2020. 576 с.
20. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 201–208.

21. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19–26.

22. Масленников Д.В. Единство мышления и бытия в гегелевских «Лекциях о доказательстве Бытия Божия» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, № 2. С. 73–85.

23. Богатырёв Д.К. Религии и идеологии : моногр. СПб. : РХГА, 2019. 190 с.

24. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с. DOI 10.17513/np.467.

Дата поступления: 13.09.2021

SAL'NIKOV Victor Petrovich

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Russian Christian Academy for the Humanities, Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and the Presence», St. Petersburg, Russia; fonduniver@bk.ru. Articles in the data base Scopus/Web of Science: DOI: 10.17150 / 2500-4255 2020.14 (3) .371-378

MASLENNIKOV Dmitry Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg, Russia; d.maslennikov@rhga.ru. Articles in the data base Scopus/Web of Science: DOI: 10.1051 / e3sconf / 202125807017

MAKSIMOV Alexander Alexandrovich

Post-Graduate Student of the Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg, Russia; sanchomaa@gmail.com

**HEGEL ON THE DUAL, ABSTRACT-SPECIFIC NATURE
OF THE PERSONALITY AS A SUBJECT OF LAW: NATURAL
LAW AND THEOLOGICAL FOUNDATIONS OF GENESIS**

Hegel's doctrine in the XXI century remains relevant for the Russian politico-legal science due to the deep development of the categorical apparatus and methodological tools for expressing the value nature of law and state. Hegel's

doctrine of the subject of law, especially presented in his early works, is one of the little-studied, but at the same time very significant part of his scientific work, the appeal to which should contribute to the further development of the modern system of legal categories. **Purpose:** to carry out a comparative analysis of the various versions of the Hegelian doctrine of the personality as a subject of law and its genesis, taking into account the peculiarities of natural law and theological approaches. **Methods:** the authors use logical, historical-genetic, historical-comparative, systemic method of cognition, as well as the methodology of theoretical and legal comparative studies. **Results:** in the late philosophical system, Hegel develops the doctrine of the dual nature of the personality as a subject of law: as a specific subject, a person mediates his relationship with other subjects through a single objective thing (qualitative characteristics of the subject), as an abstract subject, a person bases his relations with them on recognition as equal subjects of freedom (quantitative characteristics of the subject). The way to resolve this conflict is through morality. During various periods of his scientific work, Hegel considers the genesis of the personality as a subject of law from a natural law and theological point of view, including the idea of God, while identifying new substantive aspects of the concept of the subject of law, related to the the historical development of the state and the formation of the rule-of-law state.

Keywords: law; state; subject; personality; Hegel; theology; idea of God; philosophy of law.

References

1. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G., Ismagilov R.F. Philosophical and legal content of the early works of G.W.F. Hegel. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2017, no. 1, pp. 164–177. (In Russian).

2. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. The philosophy of I. Kant and G.W.F. Hegel: reflection of beginnings of justice and rights. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2016, no. 5, pp. 155–164. (In Russian).

3. Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Hegel on sovereignty as a constitutional value. In Liverovsky A.A., Sal'nikov V.P. (eds.). *Metodologiya sovremennogo konstitucionalizma: konstitucionalizaciya pozitivnogo prava; konstitucionnaya aksiologiya proporcional'nosti. Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii po konstitucionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20–22 maya 2016 goda* [Methodology of modern constitu-

tionalism: constitutionalization of positive law; constitutional axiology of proportionality. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference on Constitutional Law, St. Petersburg, May 20–22, 2016]. St. Petersburg, Foundation «University» Publ., 2017, pp. 138–144. (In Russian).

4. Pippin R.B. Hegels realm of shadows: logic as metaphysics in the Science of logic. Chicago, London, The University of Chicago Press Publ., 2018. 352 p.

5. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. On the question of the meaning of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in rightness. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2018, no. 2, pp. 178–187. (In Russian).

6. Hegel G.W.F. Encyklopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Verlag von Duncker und Humblot, 1845. 528 s. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Moscow, Mysl' Publ., 1977, vol. 3. 470 p.).

7. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Ismagilov I.R. Development of the theoretical and methodological foundations of political and legal science in the «Jena real philosophy» GWF. Hegel. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2016, no. 12, pp. 181–188. (In Russian).

8. Hegel G.W.F. *Raboty raznyh let* [Works of different years]. Moscow, Mysl' Publ., 1972, vol. 1. 630 c.

9. Schaber P. Recht als Sittlichkeit. Eine Untersuchung zu den Grundbegriffen der Hegelschen Rechtsphilosophie. Würzburg, Königshausen und Neumann Publ., 1989. 155 s.

10. Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Berlin, 1821. 440 s. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. Philosophy of law. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.).

11. Lukashin E.V., Maslennikov D.V. The anthropological unity of man as the genetic background of reflective right intuition. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2016, no. 5, pp. 184–192. (In Russian).

12. Fichte J.G. Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre. Jena, Leipzig, Ch. E. Gabler Publ., 1796. 284 s. (Russ. ed.: Fichte J.G. The basis of natural law according to the principles of science. Moscow, Canon+ Publ., 2014. 391 p.).

13. Hegel G.W.F. Encyklopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Verlag von Duncker und Humblot, 1845. 528 s. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Moscow, Mysl' Publ., 1977, vol. 3. 451 p.).

14. Löwith K. Von Hegel zu Nietzsche. Der revolutionäre Bruch im Denken des neunzehnten Jahrhunderts. Zürich, New York, 1941. 464 p. (Russ. ed.: Leviticus K. From Hegel to Nietzsche. A Revolutionary Turn in 19th Century Thinking. St. Petersburg, Foundation «University», Vladimir Dal Publ., 2002. 672 p.).

15. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Reading Gegel. Reflections on the 200th anniversary of the «Philosophy of law». *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and Law*, 2021, no. 2 (22), pp. 67–88. (In Russian).

16. Ananskih I.A., Gribov I.N., Zakhartsev S.I., Zorina N.V., Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Lezhneva O.YU., Mazurin S.F., Makov B.V., Maslennikov D.V., Mirzoev A.K., Petrov P.A., Polivko E.A., Prokofiev K.G., Pyleva O.V., Chudin-Kurgan F.O.; Zakhartsev S.I. (ed.). *Ideya svobody. Pravo. Moral': klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava* [The idea of freedom. Law. Morality: classical and postclassical philosophy of law]. Moscow, YUritinform Publ., 2020. 288 p.

17. Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I., Sal'nikov M.V., Petrosyan L.K., Chernyaeva A.V.; Sal'nikov V.P. (ed.). *Ideya spravedlivosti v traditsiyah postklassicheskoy filosofii prava* [The Idea of Justice in the Traditions of Postclassical Philosophy of Law]. St. Petersburg, Foundation «University» Publ., 2012. 176 p.

18. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. *Pravo i spravedlivost': istoricheskie traditsii i sovremennye modeli. (Istoriko-pravovoj analiz teoreticheskikh issledovanij aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX–XXI vv.)* [Law and Justice: Historical Traditions and Contemporary Models. (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX–XXI centuries)]. St. Petersburg, Foundation «University» Publ., 2017. 324 p.

19. Frolova E.A. *Racional'nye osnovaniya prava: klassika i sovremennost'* [Rational Foundations of Law: Classics and Modernity]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 576 p.

20. Verkhovodov E.V., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. «Natural law» and «virtue» in the writings of Aristotle. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2015, no. 8, pp. 201–208. (In Russian).

21. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural-legal tradition. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2016, no. 9, pp. 19–26. (In Russian).

22. Maslennikov D.V. Unity of thought and being in Hegel's «Lectures on the proof of the existence of God». *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii = Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2020, vol. 21, no. 2, pp. 73–85. (In Russian).

23. Bogatyryov D.K. *Religii i ideologii* [Religions and ideologies]. Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019. 190 p.

24. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskij. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyah metafiziki prava* [Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of the speculative logical foundations of metaphysics of law]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2019. 376 p. DOI 10.17513/np.467.

Received: 13.09.2021

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT
OF SECTORAL LEGISLATION**

УДК 349.6

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.5

ГИЗЗАТУЛЛИН Равиль Хасанович

доктор юридических наук, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия; ravil73@mail.ru.

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.1016/j.jssas.2020.12.002; 10.17221/99/2020-JFS

**ПРАВА ГРАЖДАН НА СВОБОДНЫЙ ДОСТУП
К ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)**

Право свободного доступа граждан к природным ресурсам для удовлетворения личных, бытовых потребностей является одним из неотъемлемых прав, обусловленных естественной зависимостью человека от природы, являющейся основой его жизнедеятельности. **Цель:** рассмотреть теоретические вопросы о существенных характеристиках права общего природопользования, его содержание на современном этапе правового регулирования; проанализировать действующее законодательство, регулирующее право свободного доступа граждан к пользованию природными ресурсами. **Методы:** общенаучные: системного анализа, сравнения, формальной логики; специальные правовые: понятийно-правовой, сравнительно-правовой, толкования правовых норм. **Результаты:** исследование позволило установить, что право свободного доступа граждан к ресурсам природы не во всех случаях является общедоступным, то есть распространяется на всех граждан. Удовлетворение собственных нужд в процес-

се природопользования, осуществляемого гражданами, не является признаком, характерным исключительно для права общего природопользования. В отдельных случаях оно связано и с осуществлением специального природопользования, возникающего на основании заключения договора или решения органа власти. Выявлены дефекты и пробелы законодательства в части регулирования ограничений права свободного доступа граждан к природным ресурсам и ответственности за его нарушение.

Ключевые слова: права граждан; природа; природные ресурсы; свободный доступ граждан к природным ресурсам; общее природопользование; специальное природопользование; ограничение права общего природопользования.

Закрепление права граждан на доступ к использованию природных ресурсов для удовлетворения личных, бытовых потребностей на бесплатной основе обусловлено двумя важнейшими обстоятельствами. Первое носит объективный характер и предопределено естественной зависимостью человека от природы. Ресурсы природы обладают всем необходимым потенциалом, способным удовлетворить разнообразные потребности человека, и в первую очередь физиологические, обусловленные его биологической сущностью. Как указывает М.М. Бринчук, чтобы жить, человек не может не пользоваться атмосферным воздухом, водой, продуктами питания, в том числе производимыми природой [1, с. 155]. Второе обстоятельство лежит в правовой плоскости. Хотя право граждан на доступ к пользованию ресурсами природы не имеет прямого конституционного закрепления, тем не менее оно вытекает из содержания ч. 1 ст. 9 Конституции РФ: природные ресурсы в Российской Федерации используются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Правовые возможности доступа граждан к пользованию природными ресурсами установлены и детально урегулированы в природоресурсном законодательстве. Кроме того, некоторые общие положения предусмотрены в гражданском законодательстве.

Рассматриваемые права граждан установлены как в рамках общего, так и в рамках специального природопользования. К первым относятся свободное и бесплатное пребывание в лесах и заготовка и сбор для собственных нужд пищевых (ягоды, орехи, грибы и др.) и недревесных (валежник, береста, кора деревьев, мох и др.) лесных ресурсов (ст. 11 Лесного кодекса РФ, далее – ЛК РФ); доступ к водным объектам общего пользования (поверхностные водные объекты, находящиеся в

государственной и муниципальной собственности) и бесплатное их использование для личных и бытовых нужд (п. 2 ст. 6 Водного кодекса РФ, далее – ВК РФ); использование береговой полосы водных объектов общего пользования для передвижения и нахождения около них, в том числе для осуществления любительского рыболовства и причаливания плавучих средств (п. 8 ст. 6 ВК РФ); свободное и бесплатное осуществление любительского рыболовства на общедоступных водных объектах (п. 1 ст. 6 Федерального закона «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее – ФЗ «О рыболовстве»); свободное нахождение и передвижение на земельных участках, находящихся в государственной и муниципальной собственности (п. 1 ст. 262 ГК РФ), и на земельных участках общего пользования в составе земель населенных пунктов (п. 12 ст. 85 Земельного кодекса РФ, далее – ЗК РФ); использование для собственных нужд правообладателями земельных участков имеющих в их границах общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод, а также строительство подземных сооружений на глубину до пяти метров (ч. 1 ст. 19 Закона РФ «О недрах»); пользование без специального разрешения и на бесплатной основе животным миром в научных, культурно-просветительских, воспитательных, рекреационных и эстетических целях без изъятия из среды обитания посредством наблюдения, фотографирования и других методов исследования (ст. 44 Федерального закона «О животном мире»).

Ко второй разновидности прав граждан на доступ к природным ресурсам, то есть в рамках специального природопользования, относятся: осуществление любительской и спортивной охоты для личного потребления продукции охоты, а также в рекреационных целях (ст. 1 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»); предоставление гражданам земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства и индивидуального жилищного строительства (ст. 39.3, 39.6 ЗК РФ); заготовка древесины для собственных нужд (ст. 30 ЛК РФ).

Правовые категории «общее природопользование» и «специальное природопользование», их содержание и отличия были выработаны и обоснованы в эколого-правовой науке. По мере развития правового регулирования общественных отношений в сфере природопользования отдельные теоретические аспекты, касающиеся сущностных характеристик природопользования, требуют уточнения.

Критерием разграничения права природопользования на общее и специальное является основание возникновения такого права [2, с. 69]. Общее природопользование является общедоступным. Право граждан на такое пользование природными ресурсами возникает непосредственно из закона. Что касается доступа граждан к пользованию природными ресурсами в рамках специального природопользования, то помимо того, что оно предусмотрено в законе, для его реализации требуется выполнение ряда юридически значимых условий (наличие решения органа государственной или муниципальной власти о предоставлении природного ресурса в пользование или в собственность, заключение договора, соглашения, наличие разрешения и т. д.). Еще одно отличие общего и специального природопользования заключается в том, что первое осуществляется на бесплатной основе, а второе на возмездной основе в виде платы по договору купли-продажи лесных насаждений, земельного налога и т. д.

По общему правилу, правом общедоступного природопользования в соответствии с законодательством наделены граждане. В частности, на это прямо указывается в ЛК РФ (ст. 11) и ВК РФ (ст. 6). Также прямое указание на граждан как субъектов права общего природопользования содержится в ФЗ «О рыболовстве» (п. 1 ст. 6). Несмотря на то что ЗК РФ прямо не называет граждан в качестве субъектов свободного и бесплатного пользования землями или земельными участками, выделение в нем земельных участков общего пользования в составе земель населенных пунктов фактически признает право свободного нахождения граждан на таких участках и передвижения по ним.

Иначе право общего природопользования по субъектному составу сформулировано в Законе РФ «О недрах». В нем говорится, что правом использования для собственных нужд общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод, имеющих в границах земельного участка, а также строительства подземных сооружений на глубину до пяти метров наделены правообладатели земельного участка (собственники, арендаторы, землевладельцы и землепользователи). Поскольку правообладателями являются не только граждане, но и другие субъекты, например, юридические лица, то очевидно, что в данном случае правом общедоступного пользования недрами обладают не только граждане. Разумеется, при условии, что такое использование недр не сопряжено с предпринимательской деятельностью.

Также субъектный состав не ограничивается только гражданами и в рамках общедоступного пользования животным миром. Мы уже упоминали, что Федеральный закон «О животном мире» допускает без

специального разрешения и на бесплатной основе пользование животным миром без изъятия из среды обитания в научных, культурно-просветительских и иных установленных в законе целях (ст. 44). Очевидно, что пользование животным миром в научных целях может осуществляться, например, научно-исследовательскими учреждениями, то есть юридическими лицами.

Общее природопользование рассматривается как право свободного доступа к природным ресурсам, распространяющееся на всех граждан. Именно поэтому в теории экологического права при характеристике данной разновидности природопользования говорится о его общедоступности. Однако по мере развития правового регулирования общественных отношений были выделены права на свободный доступ к природным ресурсам отдельных категорий граждан с привязкой к соответствующим территориям. Речь идет о коренных малочисленных народах Севера, Сибири, Дальнего Востока и их общинах, а также о лицах, не относящихся к указанным народам, но постоянно проживающих в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности (далее – коренные малочисленные народы). В соответствии с законодательством коренные малочисленные народы наделены правом на охоту для целей обеспечения ведения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Она осуществляется ими без каких-либо разрешений, но ограничена объемом добычи охотничьих ресурсов, необходимым для удовлетворения личного потребления (ст. 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее – ФЗ «Об охоте»). Данное право, как было указано, не распространяется на всех граждан, но поскольку использование охотничьих ресурсов является непосредственно вытекающим из закона и, как следует из смысла содержания ст. 19 Закона «Об охоте» и ст. 333.1 и 333.2 НК РФ, также и бесплатным, оно, несомненно, относится к разновидности прав на общее природопользование.

В эколого-правовой литературе отмечается, что для права общего природопользования, помимо таких признаков, как общедоступность и бесплатность, характерен и такой признак, как удовлетворение в процессе его осуществления собственных нужд пользователя. На это, в частности, указывает М.М. Бринчук: «...регулируя право общего природопользования, законодательство ограничивает его пределами, связанными с удовлетворением при этом собственных нужд» [2, с. 174]. Действительно, в ЛК РФ, в Законе РФ «О недрах» прямо оговаривается, что

пользование лесами и недрами без использования специального разрешительного порядка осуществляется для собственных нужд. В других упомянутых законодательных актах данная формулировка не применяется, но говорится о личных и бытовых целях, что, в общем-то, представляет собой не что иное, как собственные нужды.

Однако анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что личное потребление, собственные нужды не всегда являются характеризующим свойством исключительно общедоступного и бесплатного природопользования. Так, в ЛК РФ (ст. 30) установлено *право граждан на заготовку древесины для собственных нужд*. Хотя заготовка древесины гражданами для собственных нужд и не рассматривается как вид предпринимательской деятельности, она осуществляется на основании заключения договора купли-продажи лесных насаждений, что исключает не только общедоступность, но и бесплатность данного вида лесопользования, осуществляемого гражданами¹.

Согласно Федеральному закону «О личном подсобном хозяйстве» (п. 2, ст. 2) личное подсобное хозяйство ведется гражданами *в целях удовлетворения личных потребностей*. Но при этом земельный участок, на котором ведется личное подсобное хозяйство, должен быть предоставлен гражданину и (или) приобретен им в установленном порядке. Как видим, и в данном случае, несмотря на цель, связанную с личными потребностями, общедоступность землепользования не предусмотрена.

Отсутствует режим общего доступа к природопользованию и в рамках любительской и спортивной охоты, несмотря на то что она осуществляется гражданами также *в целях личного потребления продукции охоты*. Согласно ФЗ «Об охоте» любительская и спортивная охота в закрепленных охотничьих угодьях осуществляется на основании заключения договора об оказании услуг в сфере охотничьего хозяйства и при наличии путевки, а в общедоступных охотничьих угодьях – при наличии разрешения на добычу охотничьих ресурсов.

¹ Исключением является заготовка древесины лицами, ведущими традиционный образ жизни, относящимися к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, осуществляемая ими в местах своего традиционного проживания и хозяйственной деятельности. Указанные лица имеют право на бесплатную заготовку древесины для собственных нужд, исходя из установленных законами субъекта Российской Федерации нормативов, а на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения – исходя из нормативов, установленных федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находятся такие особо охраняемые природные территории (ст. 30 ЛК РФ).

Также следует обратить внимание и на то, что не всегда право общедоступного природопользования не предполагает получения экономической выгоды. Так, законодательством предусмотрено право коренных малочисленных народов использовать продукцию охоты, полученную в результате охоты без специального разрешения и на бесплатной основе, не только для личного потребления, но и для реализации специализированным организациям (п. 3 ст. 19 ФЗ «Об охоте»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что право общего природопользования всегда характеризуется тем, что вытекает непосредственно из закона и не требует дополнительных правовых оснований (договоров, лицензий и т. д.), а также тем, что оно осуществляется на бесплатной основе. Что же касается такого признака, как удовлетворение личных, бытовых потребностей (собственные нужды), не преследующего цели получения финансовой выгоды, то он, как было указано, свойствен не только праву общего природопользования, но и праву граждан на доступ к природным ресурсам в рамках специального природопользования.

В эколого-правовой науке высказана позиция, суть которой сводится к тому, что в современных условиях интересы населения в пользовании ресурсами природы должны рассматриваться главным образом сквозь призму доступности природопользования, а не ограничиваться правовыми возможностями граждан в рамках права общего природопользования [3, с. 40–41]. Принимая во внимание активное вовлечение природных ресурсов в сферу предпринимательской деятельности посредством их предоставления в пользование юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, приведенная позиция имеет определенную целесообразность в контексте практической возможности реализации гражданами предоставленных им действующим законодательством прав на доступ к природным ресурсам. Вместе с тем представляется, что хотя специальное природопользование, осуществляемое гражданами, как и общее природопользование, направлено на удовлетворение личных потребностей, вопрос доступа граждан к пользованию природными ресурсами в первую очередь должен рассматриваться именно в контексте прав, предоставленных им в рамках общего природопользования, основанного на общедоступности и бесплатности использования, поскольку именно они, в отличие от аналогичных прав граждан, осуществляемых в рамках специального природопользования, предопределены естественными потребностями человека, позволяющими удовлетворять его личные физиологические и рекреационные потребности при взаимодействии с природой.

дой – естественной основой его жизнедеятельности. Поэтому в научной правовой литературе говорится о том, что именно право на общее природопользование – земле-, недро-, водопользование, пользование атмосферным воздухом, растительным и животным миром – должно быть отнесено, наряду с правом на благоприятную окружающую среду, к категории естественных прав человека [1, с. 154–155].

Право общедоступного пользования природными ресурсами не является абсолютным и может быть ограничено по основаниям, предусмотренным в законодательстве, что вполне обоснованно. Но одно дело, когда основаниями ограничения являются публичные (общественно значимые) интересы (обеспечение пожарной безопасности в лесах, сохранение естественных экологических систем, обеспечение безопасности граждан и др.), и совсем другое дело, когда то или иное ограничение связано с интересами лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, направленную на извлечение прибыли от использования ресурсов природы, являющихся публичной собственностью и основой жизни и деятельности народа Российской Федерации и, по общему правилу, находящихся в режиме общедоступности. Очевидно, что в этом случае и потенциально и реально имеет место конфликт интересов граждан в свободном доступе к природным ресурсам и природопользователей-предпринимателей.

В этой связи в эколого-правовой литературе обращается внимание на то, что с признанием и фактическим существованием частной собственности на землю, широким вовлечением земельных и других природных ресурсов в оборот через их предоставление в специальное пользование субъектам предпринимательской деятельности возникают, и нередко, случаи неправомерных ограничений права общедоступного природопользования. Например, правообладатели земельных участков, прилегающих к общедоступным поверхностным водным объектам или их береговой полосе, самовольно занимают береговую полосу и тем самым ограничивают право граждан на свободное передвижение по ней, арендаторы лесных участков устанавливают ограждения, препятствующие свободному проходу по лесу, вводится плата за вход в городские парки и т. д. [4, с. 5; 5, с. 3]. Наличие фактов незаконных ограничений права общего природопользования, устанавливаемых собственниками и иными правообладателями земельных участков или арендаторами лесных участков, во многом объясняется отсутствием четкой и понятной законодательной регламентации.

Мы уже указывали, что граждане имеют право свободного пребывания в лесах. Вместе с тем согласно ЛК РФ такое пребывание может

быть запрещено или ограничено в лесах, расположенных на землях обороны и безопасности, землях особо охраняемых природных территорий и землях иных категорий, если доступ граждан в них запрещен или ограничен в соответствии с федеральными законами (п. 4 ст. 11). Пребывание граждан в лесах может быть ограничено и в целях обеспечения пожарной и санитарной безопасности, а также безопасности граждан при выполнении работ (п. 5 ст. 11). Из содержания п. 6 ст. 11 следует, что запрещение или ограничение пребывания граждан в лесах по иным основаниям не допускается.

В п. 8 ст. 11 ЛК РФ установлено, что лица, которым предоставлены лесные участки (арендаторы лесных участков и пр.), не вправе препятствовать как доступу граждан на эти лесные участки, так и заготовке, сбору для собственных нужд находящихся на них пищевых и недревесных лесных ресурсов, за исключением случаев, которые мы указали.

Вместе с тем п. 8 ст. 11 ЛК РФ предусматривает, что предоставленные гражданам и юридическим лицам лесные участки могут быть огорожены в случаях, предусмотренных ЛК РФ.

Возведение ограждений допускается, например, на лесных участках, предоставленных для ведения охотничьего хозяйства (п. 4 ст. 36 ЛК РФ). Допустимость возведения ограждений в данном случае вполне объяснима как с точки зрения защиты интересов арендаторов лесных участков для ведения охотничьего хозяйства, так и с точки зрения обеспечения безопасности граждан и обеспечения ветеринарной безопасности. Но при этом, как представляется, остается не ясным ряд моментов. Возводятся ли ограждения вдоль границ всего арендованного лесного участка или только в местах разведения и содержания охотничьих ресурсов в полувольных условиях? Если они возводятся по всей границе лесного участка, то ведет ли это к полному ограничению доступа граждан на данный лесной участок, либо предусматривается возможность прохода через него? Если речь идет о полном ограждении без права прохода, что представляется вполне обоснованным в целях обеспечения безопасности граждан, то встает вопрос о необходимости информирования населения о соответствующих ограничениях, тем более если речь идет о больших по площади лесных участках. Действующее законодательство не дает на эти вопросы однозначных ответов.

Возникают вопросы и при обеспечении безопасности граждан во время пребывания в лесах при выполнении на лесных участках работ (заготовка древесины, добыча полезных ископаемых, строительство и эксплуатация водохранилищ, гидротехнических сооружений и т. д.). Е.Н. Аба-

нина, основываясь на анализе законодательства, справедливо указывает, что обеспечение безопасности проведения работ в лесах – обязанность арендатора. Чтобы ее исполнить, они вправе устанавливать специальные знаки, шлагбаумы и т. д. Но при этом, как показывает судебная практика, арендаторы зачастую выходят за пределы предоставленных прав и фактически устанавливают ограждения не в непосредственных местах и на территориях, где проводятся соответствующие работы, а на границах всего арендованного участка, что является незаконным. Соответственно, право граждан на пребывание в лесу ограничивает не закон, а арендатор лесного участка, неверно истолковавший свои права [6, с. 39].

Логично, что в подобных случаях встает вопрос не просто об устранении незаконных препятствий для свободного передвижения граждан в лесах, но и о необходимости привлечения таких арендаторов к юридической ответственности. Однако если обратиться к содержанию КоАП РФ, мы увидим, что в нем не установлена ответственность арендатора лесного участка, нарушившего право граждан на свободное пребывание в лесах. Имевшаяся ранее норма – ч. 4 ст. 8.25 КоАП РФ, – являвшаяся, по сути, единственной правовой основой привлечения лиц, нарушающих условия договора аренды лесного участка, в том числе и в части возведения не предусмотренных договором ограждений, и тем самым нарушающих положения ст. 11 ЛК РФ в части свободного доступа граждан в леса, была упразднена. В этой связи обратим внимание на то, почему это произошло.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О признании утратившей силу части 4 статьи 8.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» указано, что законопроект направлен на устранение избыточности в правовом регулировании в части установления ответственности за нарушение условий гражданско-правовых договоров, которые заключаются в соответствии с требованиями лесного законодательства. Избыточность проявлялась в том, что наряду с предусмотренными постановлениями Правительства РФ от 21 сентября 2015 г. № 1003 «О типовом договоре аренды лесного участка» и от 31 октября 2015 г. № 1178 «О типовом договоре купли-продажи лесных насаждений» использованием неустойки как средства обеспечения исполнения принятых обязательств по договору аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и договору купли-продажи лесных насаждений применяется и административная ответственность согласно ч. 4 ст. 8.25 КоАП РФ. По мнению авторов законопроекта, данное обстоятельство влечет ответственность, несо-

размерную экономическим последствиям соответствующих нарушений¹. Если исходить с позиций защиты экономических интересов арендаторов, то подход, выраженный в проекте закона, обоснован. Однако с точки зрения защиты прав граждан на свободное пребывание в лесах налицо ослабление механизма их правовой защиты. Вполне очевидно и то, что, упраздняя ч. 4 ст. 8.25 КоАП РФ, следовало ввести норму об ответственности за нарушение прав граждан, предусмотренных ст. 11 ЛК РФ.

Схожая ситуация имела место и в случае с правом на свободный доступ граждан к водным объектам общего пользования и их береговой полосе. Отсутствие мер юридической ответственности способствовало многочисленным фактам нарушения данного права. Ситуация изменилась лишь в 2013 г. после включения в КоАП РФ нормы, установившей административную ответственность за несоблюдение условия обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе.

В связи с указанными обстоятельствами очевидно, что правовая регламентация ограничений или запретов на право свободного доступа граждан к природным ресурсам должна быть урегулирована детально и без использования таких формулировок, как, например, «на водных объектах общего пользования могут быть запрещены забор (изъятие) водных ресурсов для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, купание ... а также установлены иные запреты *в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации*». Дело в том, что подавляющее большинство граждан не обладают необходимыми правовыми знаниями. Тем более они не обладают навыками работы с нормативными правовыми актами, в частности толкования правовых норм и их сопоставления, для уяснения того, в каких случаях, где и когда их право на свободное и бесплатное природопользование может быть ограничено или запрещено. Детальная и понятная любому гражданину правовая регламентация, не допускающая двойного толкования, необходима и потому, что в данном случае речь идет о естественном праве каждого на пользование природной основой своей жизни для удовлетворения личных, бытовых потребностей.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О признании утратившей силу части 4 статьи 8.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/176187-7> (дата обращения: 09.07.2021).

Библиографический список

1. Бринчук М.М. Законы природы и общества : моногр. : в 2 ч. М. : Юрлитинформ, 2015. Ч. 2. 408 с.
2. Бринчук М.М. Экологическое право : учебник. 4-е изд. М. : Эксмо, 2010. 672 с.
3. Васильева М.И. Право граждан на доступ к природным ресурсам (проблемы реализации) // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 40–49.
4. Васильева М.И. Право граждан на доступ к природным ресурсам (общетеоретическое и межотраслевое обоснование) // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 5–14.
5. Гриц Д.К. Общее землепользование в системе земельных правоотношений : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2017. 18 с.
6. Абанина Е.Н. Ограничения права на благоприятную окружающую среду в лесном законодательстве // Вестник Омской юрид. акад. 2017. Т. 14, № 3. С. 36–39.

Дата поступления: 20.09.2021

GIZZATULLIN Ravil Khasanovich

Doctor of Law, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Professor of the Department of Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia; ravil73@mail.ru. Articles in data base Scopus/Web of Science: DOI: 10.1016/j.jssas.2020.12.002; 10.17221/99/2020-JFS

RIGHTS OF CITIZENS TO FREE ACCESS TO NATURAL RESOURCES (THEORETICAL AND LEGAL REGULATION ISSUES)

The right of citizens to free access to natural resources for their personal and domestic needs is an inalienable right deriving from the natural dependence of man on nature, which is the basis of his life. **Purpose:** to examine theoretical issues concerning the substantive characteristics of the right to use general natural resources and its content at the current stage of legal regulation; to analyze current legislation, governing the right of citizens to free access to

natural resources. **Methods:** such general scientific methods as system analysis, comparison, formal logic and such special legal methods as conceptual-legal, comparative-legal, interpretation of legal norms are applied. **Results:** the study makes it possible to establish that the citizens' right to free access to natural resources is not always available to the public, that is, to all citizens. Meeting one's own needs in the process of natural resource use carried out by citizens is not an exclusive feature of the right to general use of natural resources. In some cases, it also involves the implementation of special use of natural resources resulting from a treaty or a decision of a governing body. Deficiencies and gaps in legislation have been identified with regard to the regulation of restrictions on the right of citizens to free access to natural resources and the responsibility for violating them.

Keywords: rights of citizens; nature; natural resources; free access of citizens to natural resources; general use of natural resources; special use of natural resources; restriction of the right to general use of natural resources.

References

1. Brinchuk M.M. *Zakony prirody i obshchestva* [The laws of nature and society]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2015, pt. 2. 408 p.
2. Brinchuk M.M. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. 4th ed. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 672 p.
3. Vasilyeva M.I. Citizens' Right to Access to Natural Resources (Implementation Issues). *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 8, pp. 40–49. (In Russian).
4. Vasilyeva M.I. The right of citizens to access to natural resources (general theoretical and cross-sectoral substantiation). *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 3, pp. 5–14. (In Russian).
5. Grits D.K. *Obshchee zemlepol'zovanie v sisteme zemel'nyh pravootnoshenij. Avtoref. Kand. Diss.* [General land use in the system of land legal relations. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2017. 18 p.
6. Abanina E.N. Limitations of the Right to a Healthy Environment in the Forest Legislation. *Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2017, vol. 14, № 3, pp. 36–39. (In Russian).

Received: 20.09.2021

УДК 347

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.6

ГОРОХОВА Светлана Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента
международного и публичного права Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия; Swettalana@yandex.ru*

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ АСПЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ

Статья посвящена анализу некоторых организационно-правовых аспектов регулирования контрактной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. **Целью** исследования является выявление правовых и правоприменительных аспектов, препятствующих эффективному осуществлению государственных закупочных процедур в Российской Федерации. Для достижения поставленной цели автор на основе диалектического подхода использует всю совокупность общенаучных и частнонаучных **методов**, уделяя особое внимание тематическим статистическим данным. Делается **вывод** о нестабильности законодательства в сфере закупок, его процедурном уклоне, неурегулированности вопроса об определении начальной (максимальной) цены контракта, монополизации закупок малого объема ЕАТ, а также о необходимости пересмотра подходов к определению эффективности закупочных процедур и о повышении ответственности заказчиков в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: закупки; контрактная система; государственный заказчик; поставщик; эффективность закупок.

На протяжении последних семи лет средний удельный вес государственных и корпоративных закупок в совокупном объеме номинального ВВП составлял в среднем 28,5 % (в 2020 г. – 27 %). В сферу закупок ежегодно вовлекаются более 100 тыс. заказчиков и 400 тыс. поставщиков. Качество системы закупок и ее эффективность в определяющей степени зависят от учета отраслевой специфики в процессе планирования закупок, организации и проведения процедур закупок, формирования условий контрактов и их исполнения [1].

Созданная в России контрактная система (система государственных и корпоративных закупок) есть результат трансформации действо-

вашего ранее закона о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд посредством его дополнения опытом передовых с точки зрения развитости экономической системы иностранных государств в соответствующей сфере [2] и расширения охвата правового регулирования с включением в систему закупок стадий планирования, проведения контрольных мероприятий и осуществления мониторинга закупочных процедур [3].

На текущий момент закупочная деятельность в рамках расходования бюджетных средств регулируется Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ)¹. Данный закон конструировался и обсуждался более двух лет и действует чуть более десяти лет. Однако утверждать, что желаемый уровень эффективности закупочной деятельности публичной власти достигнут, к сожалению, пока нельзя, так как эмпирический опыт применения данного закона в течение указанного срока демонстрирует наличие целого ряда не устраненных проблем и систематическое появление новых вопросов.

Кроме того, законодательство о контрактной системе в сфере закупок состоит, конечно, не из одного названного закона, а характеризуется сложностью, запутанностью и перманентной изменчивостью. Так, средний интервал между внесениями изменений в Федеральный закон № 44-ФЗ на протяжении всего срока действия не превышал 1,5 месяцев. А если учитывать и изменения в подзаконных актах, сопряженных с указанным законом, то правовое регулирование закупочной деятельности подвергалось изменениям каждые две недели. В итоге за это время в Федеральный закон № 44-ФЗ было внесено 77 изменений и принято более 300 постановлений Правительства РФ. В настоящее время действует свыше 100 постановлений Правительства РФ, принятых в развитие Федерального закона № 44-ФЗ, более половины которых изменялись три и более раз. Так, Постановление Правительства РФ от 4 февраля 2015 г. № 99, регулирующее установление дополнительных требований к участникам закупок отдельных видов товаров, работ, услуг, менялось и дополнялось семнадцать раз, Постановление от 23 декабря 2015 г. № 1414, регулирующее порядок ведения реестра контрактов, изменено шестнадцать раз, порядок

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14 (ч. 1), ст. 1652.

функционирования ЕИС в сфере закупок менялся восемь раз¹. Это сильно осложняет деятельность и заказчиков, и всех иных участников закупочных процедур.

Большинство норм Федерального закона № 44-ФЗ регламентируют процедурные аспекты их реализации, в то время как на регулирование непосредственного исполнения контракта направлено только три законодательных положения. Хотя именно исполнение контракта – цель всей закупочной деятельности. К тому же с позиции опасности возникновения коррупциогенных факторов здесь самые высокие риски. При этом принцип ответственности за результативность обеспечения публичных нужд, эффективность закупок (согласно которому заказчики должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд), предусмотренный ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 44-ФЗ, является декларативным, поскольку порядок реализации этого принципа в законодательстве не раскрывается.

В то же время контрактная система ориентирована на повышение эффективности закупок через увеличение конкуренции и получение максимальной экономии средств бюджетов всех уровней.

В соответствии с позицией регулятора контрактной системы (Минфин России) в качестве общего показателя уровня конкуренции рассматривается среднее количество заявок, поданных на один лот, а в качестве показателя эффективности закупок – величина относительной экономии предусмотренных финансовых средств по результатам заключения контрактов. Однако очевидно, что оценка конкуренции только по одному показателю «Среднее количество поданных заявок на один лот» является недостаточной и объективно не может характеризовать состояние конкуренции в государственных закупках.

Отдельные отрасли экономики, которые, по данным Росстата, конкурентны (например, «Производство элементов электронной аппаратуры и печатных схем (плат)», «Производство прочих транспортных средств и оборудования», «Производство железнодорожных локомотивов и подвижного состава»), не всегда являются таковыми в сфере государственных закупок, имеют признаки высококонцентрированных. При этом в ряде случаев имеет место обратная ситуация, когда закупки оказываются конкурентными в неконкурентных отраслях экономики (по

¹ О порядке функционирования единой информационной системы в сфере закупок : постановление Правительства РФ от 23.12.2015 № 1414 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.08.2021).

данным Росстата), в связи с чем можно предположить, что конкуренция в этих закупках происходит между торгово-посредническими организациями. С учетом изложенного в целях обеспечения добросовестной конкуренции между участниками закупок требуется анализ конкурентной среды на постоянной основе, результаты которого можно эффективно использовать при принятии управленческих решений по регулированию закупочной деятельности на неконкурентных рынках. Также считаем целесообразным разработать комплексную систему показателей, так как единственный применяемый в настоящее время показатель объективно не может характеризовать состояние конкуренции в государственных закупках. В этих целях могут применяться дополнительные показатели рыночной концентрации в отраслевом и ценовом разрезах (индекс Херфиндала – Хиршмана и коэффициент рыночной концентрации) на рынке закупок¹.

Практика закупочной деятельности показывает, что с увеличением размера НМЦК снижается экономия. По данным Федерального казначейства, относительная экономия по итогам закупок в 2020 г. составила 6,2 % (в 2019 г. – 6,1 %). При этом в 2020 г. в закупках до 10 млн рублей экономия достигала 10–14 %, а там, где цена контракта свыше 100 млн рублей, экономия варьировалась в диапазоне от 4,2 до 1,98 %. В закупках, участниками которых являются СМП и СОНКО, при начальной (максимальной) цене контракта до 500 тыс. рублей экономия составляет 19,41 %, тогда как в диапазоне от 15 до 20 млн рублей – 8,83 %. Использование показателя относительной экономии как одного из критериев эффективной закупки представляется не всегда оправданным, поскольку его величина в значительной степени зависит от обоснованности самой начальной (максимальной) цены контракта, что в первую очередь зависит от достоверности используемых источников для определения цен. Средние показатели конкуренции и экономии, которые принято использовать в целях оценки эффективности закупок, не дают объективного представления об их эффективности [4].

В этом ключе показательны данные проведенного по итогам 2019 г. опроса заказчиков и поставщиков, имеющих достаточный опыт участия в государственных закупках, по оценке значимости маркеров, отражающих эффективность закупок. Так, большинство респондентов (81 % за-

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xо0vq4unq199jwxnr9mprow972c.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).

казчиков и 69 % поставщиков) полагают, что эффективная закупка – это в конечном счете поставка качественного товара. При этом почти половина опрошенных заказчиков (55 %) и поставщиков (42 %) отметили в качестве главного критерия срок исполнения контракта. Высокую конкуренцию и снижение цены при осуществлении закупки посчитала существенными лишь небольшая доля опрошенных¹.

В 2019 г. в процессе деятельности, реализуемой Правительством РФ в соответствии с Концепцией повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг., Федеральный закон № 44-ФЗ изменялся восемь раз, в его развитие принято 55 подзаконных актов. При этом большая часть изменений была направлена на процессуальное упрощение осуществления закупок. 2 июля 2021 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий системное совершенствование порядка определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), способов такого определения и осуществляемых процедур². В частности, сокращение конкурентных способов определения поставщика до трех – конкурс, аукцион и запрос котировок. Порядок их проведения теперь описывается с использованием единой терминологии, что должно предотвратить имевшие ранее место спорные ситуации. Это, безусловно, позитивные изменения, хотя и не решающие всего комплекса проблем. Так, обоснованность начальных (максимальных) цен контрактов существенно влияет на эффективность закупок, а обязательный для применения нормативный акт, регулирующий процесс их формирования, отсутствует. Еще одной проблемой является то, что действующее законодательство в сфере закупок ограничивает доступ к информации о закупках малого объема (данные по ним не размещаются в ЕИС), что не позволяет осуществлять их внешний контроль.

Отметим, что с 1 марта 2019 г. федеральные заказчики осуществляют «малые» закупки на платформе «Единого агрегатора торговли «Березка» (ЕАТ). По информации операторов электронных площадок,

¹ Результаты опроса, проведенного Институтом анализа предприятий и рынков ВШЭ в рамках проекта «Поведение экономических агентов на рынках государственных закупок и развитие предприятий в переходных экономиках» [Электронный ресурс] URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 02.07.2021 № 360-ФЗ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012> (дата обращения: 10.08.2021).

на протяжении трех лет они развивают сервисы электронных магазинов для государственных (муниципальных) и корпоративных заказчиков, которые обладают аналогичными с ЕАТ ресурсами. По их мнению, монополизация рынка малых закупок через ЕАТ может привести к снижению эффективности закупок малого объема¹. Вместе с тем опыт осуществления заказчиками малых закупок с применением ЕАТ может быть учтен при поэтапном переходе контрактной системы к закупке товаров с использованием электронных магазинов, где закупки планируется осуществлять по категориям, предусмотренным в Каталоге товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (КТРУ), содержащем на текущий момент 26 рубрик, включающих более 65 тыс. позиций наиболее востребованных товаров (работ, услуг).

В Основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2024 г. закреплены меры, направленные на развитие контрактной системы в сфере закупок, включая каталогизацию, перевод большинства процедур в электронный вид, достижение контролепригодного ценообразования, упрощение процедур закупок и упорядочение полномочий органов контроля². Анализ реализации указанных мер показал следующее. По данным Минфина России, основным направлением развития КТРУ в 2020 г. стало дополнение его товарами, включенными в перечень конкурентоспособной российской продукции [6]. Однако КТРУ не покрывает всех потребностей заказчиков. По итогам 2020 г. с использованием Каталога размещено закупок на 1,6 трлн рублей, или 16 % от всех закупок, в 2019 г. – на 1,2 трлн рублей, или 12 % от общего числа объявленных закупок. Сложный процесс добавления позиций в Каталог, медленная наполняемость не позволяют использовать его как универсальный инструмент описания объекта закупки.

Конечно, за последние годы возможности ЕИС существенно расширились, тем не менее ее функционал до сих пор не до конца отвечает требованиям электронизации закупок. Следует, однако, отметить, что с 1 января 2020 г. в ЕИС во исполнение поручения Президента РФ от 4 де-

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf> (дата обращения: 29.07.2021).

² Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г. (утв. Правительством РФ 29.09.2018) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.08.2021).

кабря 2019 г. № Пр-2472 появилась возможность формировать и подписывать документы о приемке товаров, работ, услуг в электронной форме.

Тем не менее работа ЕИС остается недостаточно стабильной. Так, в 2019 г. время регламентных работ с остановкой сервисов ЕИС составило 1435 часов. Это примерно 59 дней, или 16,2 % от общего периода работы ЕИС в 2019 г. Регламентные работы без остановки сервисов составили только 426 часов, или 17 дней. Также в два раза увеличилось количество инцидентов в ЕИС (в 2019 г. – 168 392, в 2018 г. – 81 477)¹.

Подводя итог, отметим, что в целях повышения эффективности контрактной системы необходим ее переход с процедурных рельсов на пути увеличения результативности закупки, а также усиление адаптивности к нюансам закупок разных видов товаров, работ и услуг. Также следует разработать комплексную систему показателей оценки эффективности закупок, поскольку единственный применяемый в настоящее время показатель объективно не может характеризовать состояние конкуренции в государственных закупках. В этих целях могут применяться дополнительные показатели рыночной концентрации в отраслевом и ценовом разрезах (индекс Херфиндаля – Хиршмана и коэффициент рыночной концентрации) на рынке закупок. Необходимо также рассмотреть вопрос о разработке нормативного правового акта, регулирующего общий порядок формирования НМЦК с учетом отраслевой специфики закупочных процедур.

Библиографические ссылки

1. Горохова С.С. О некоторых организационно-правовых аспектах состояния рынка государственных (муниципальных) и корпоративных закупок в Российской Федерации // Юридические исследования. 2021. № 8. С. 11–27.

2. Попова А.В. Конституционное право зарубежных стран : краткий курс лекций. М. : Юрайт, 2016. 168 с.

3. Система государственных закупок: теоретический и практический аспекты : моногр. / Л.И. Юзвович [и др.] ; под ред. Л.И. Юзвович, Н.Ю. Исаковой. Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2019. 233 с.

4. Рузманкин С. Совершенствование публичного управления государственными закупками по результатам аудита в сфере закупок //

¹ Письмо Федерального казначейства от 31.01.2020 № 14-00-05/1684 [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 10.08.2021).

Оптимизация закупочной деятельности и развитие экономики в условиях цифровизации : сб. науч. док. и эссе. М., 2021. С. 74–80.

5. Баракина Е.Ю., Мальцева В.А. Экспортная конкурентоспособность российских товаров: вопросы правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 64–67.

Дата поступления: 07.09.2021

GOROKHOVA Svetlana Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Swettalana@yandex.ru

ON CERTAIN LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF PUBLIC PROCUREMENT IN RUSSIA

The paper is devoted to the analysis of certain organizational and legal aspects of the regulation of the contract system in the field of procurement for state and municipal needs. The **purpose** of the study is to identify legal and enforcement issues that impede the effective implementation of public procurement procedures in the Russian Federation. In order to achieve this purpose, the author uses a dialectic approach, applying a whole range of general and specific scientific **methods**, with a special focus on topical statistics. **Results:** the conclusion is drawn about the instability of the procurement law, its procedural bias, the unresolved issue of determining the initial (maximum) contract price, monopolization of procurement of small quantities of SET (single trade aggregate). It is concluded that there is a need to review approaches to determining the effectiveness of procurement procedures and to increase the responsibility of customers in this area.

Keywords: procurement; contract system; state customer; supplier; procurement efficiency.

References

1. Gorokhova S.S. On certain organizational-legal aspects on the market of state (municipal) and corporate procurement in the Russian Federation. *YUridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2021, no. 8, pp. 11–27. (In Russian).

2. Popova A.V. *Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 168 p.

3. YUzovovich L.I., Isakova N.YU., Istomina YU.V., Kharzhavin K.E., Gogolina I.N.; YUzovovich L.I., Isakova N.YU. (eds.). *Sistema gosudarstvennyh zakupok: teoreticheskij i prakticheskij aspekty* [Public procurement system: theoretical and practical aspects]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2019. 233 p.

4. Ruzmankin S. Improving Public Administration of Public Procurement Based on the Results of Audit in the Field of Procurement. *Optimizaciya zakupочноj deyatel'nosti i razvitie ekonomiki v usloviyah cifrovizacii. Sbornik nauchnyh dokladov i esse* [Optimization of procurement activities and development of the economy in the context of digitalization. Collection of scientific reports and essays]. Moscow, 2021, pp. 74–80. (In Russian).

5. Barakina E.YU., Maltseva V.A. Export competitiveness of Russian goods: issues of legal regulation. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2018, no. 6, pp. 64–67. (In Russian).

Received: 07.09.2021

УДК 343.9

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.7

ИВАНОВ Анатолий Викторович

преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности

Краснодарского университета МВД России,

г. Краснодар, Россия; iv_tol@inbox.ru

О ПУТЯХ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ОСНОВАМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье анализируются основные формы обучения экспертов-криминалистов органов внутренних дел Российской Федерации. Рассмотрены вопросы, связанные с особенностью организации образовательной деятельности, педагогического процесса, применения методов и приемов обучения слушателей основам криминалистической экспертизы и др. Даны предложения по организации на должном уровне персональной педагогической деятельности. **Цель:** анализ некоторых проблем подготовки экспертных кадров для МВД России и формулирование предложений по их преодолению. **Методы:** диалектический, анализа, синтеза, сравнения, индукции, дедукции, структурный, моделирования. **Результаты:** в ходе анализа существующих форм организации образовательной деятельности при подготовке экспертных кадров для МВД России выявлены некоторые проблемы и сформулированы предложения по их преодолению, направленные на повышение качества обучения.

Ключевые слова: организация образовательной деятельности; метод обучения; прием обучения; криминалистическая экспертиза; эксперт-криминалист.

В условиях повышенного внимания правоохранительных органов, судов, адвокатуры и иных структур к использованию специальных знаний, в частности к судебной экспертизе, вызывает опасение низкое качество судебных экспертиз, производимых судебно-экспертными организациями [1, с. 127]. Одним из путей решения этой проблемы, исключающим экспертные ошибки, является качественная подготовка и переподготовка экспертных кадров [2, с. 159].

Обучение основам экспертно-криминалистической деятельности в образовательных организациях высшего образования МВД России имеет

свои особенности, которые заключаются в специфичности преподаваемых дисциплин и практико-ориентированном подходе. Данный подход в большей степени основан на изучении прикладных наук, которые, по определению В.Н. Хрусталёва, являются системой знаний, имеющих выраженную практическую ориентацию, и отличаются от фундаментальных наук, не имеющих определенных практических целей и, по сути, предназначенных для познания окружающего мира, открытия фундаментальных законов бытия и приращения фундаментальных знаний [3, с. 44–45].

Принципиальной с точки зрения рассмотрения комплекса проблем организации научных криминалистических исследований и подготовки научно-педагогических кадров в области уголовного судопроизводства является констатация того факта, что судебная экспертология – это прикладная наука, в задачи которой изначально для организации процесса производства криминалистических экспертиз входит неременная практическая реализация результатов научных исследований. И следует согласиться с мнением Е.Р. Россинской, утверждающей, что судебный эксперт должен обладать как знаниями теории базовой науки и судебной экспертологии, так и практическими навыками применения современных экспертных технологий и методик судебных экспертиз [4, с. 106].

Все методы и приемы обучения основам криминалистической экспертизы должны быть практически значимыми, а основную часть материала должны составлять практические занятия (не менее 70 %). Данный вид занятий для будущих экспертов-криминалистов является самым важным, он немислим без участия преподавателя, имеющего за плечами богатый опыт экспертно-криминалистической деятельности. Несомненно, что теоретическая подготовка также важна, но умение обсуждать теоретические криминалистические вопросы не идет ни в какое сравнение с реальной готовностью сразу после обучения на высоком профессиональном уровне проводить криминалистические экспертизы. По мнению А.М. Зинина, как раз недостаточное количество практических занятий является причиной нецелесообразности обучения экспертным специальностям в заочной форме [5, с. 31].

Одной из проблем организации обучения экспертов-криминалистов в целом является естественная текучесть квалифицированного преподавательского состава в образовательных организациях высшего образования МВД России. Получение педагогической квалификации приходящими на смену ему практическими сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) занимает значительный период времени. Сотрудникам ЭКП, решившим посвятить себя пе-

дагогической деятельности, следует учитывать свои возможности в общении с аудиторией, работе с документацией и оргтехникой, способности к саморазвитию, умение работать с различными источниками информации, так как отсутствие педагогического мастерства вряд ли позволит сразу организовать проведение занятий на должном уровне.

Для начала рассмотрим понятие формы организации образовательной деятельности. Это внешняя сторона организации учебного процесса, которая зависит от поставленных целей, внутреннего содержания, используемых методов и средств обучения, наличия материального обеспечения, состава участников. Другими словами, это способ упорядочения взаимодействия участников учебного процесса в течение периода обучения.

В настоящее время сложились следующие формы организации обучения основам криминалистической экспертизы и другим направлениям экспертно-криминалистической деятельности:

1) высшее образование, реализуемое в очной (дневной) форме, подразумевает прохождение слушателем службы в органах внутренних дел по контракту, в ходе которой он ежедневно посещает занятия и сдает соответствующие экзамены;

2) дополнительное профессиональное образование, реализуемое в форме повышения квалификации, – способ профессионального обучения сотрудников ЭКП органов внутренних дел отдельным направлениям экспертно-криминалистической деятельности. При такой форме слушатель уже является действующим сотрудником ЭКП, имеет стаж по определенной экспертной специальности, в определенный краткий период времени ежедневно посещает занятия и сдает соответствующие экзамены. Цель такого обучения – совершенствование компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, с повышением профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации;

3) дополнительное профессиональное образование, реализуемое в форме профессиональной переподготовки, – способ профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел отдельным направлениям экспертно-криминалистической деятельности. Слушатель является действующим сотрудником ЭКП, не имеет стажа по определенной экспертной специальности, в течение срока переподготовки ежедневно посещает занятия и сдает соответствующие экзамены. Цель такого обучения заключается в получении компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретения новой квалификации¹.

¹ В рассматриваемом случае – для получения права самостоятельного производства одного из направлений криминалистической экспертизы.

Две последние формы организации образовательной деятельности в настоящее время проводят в форме стажировки – деятельности по приобретению опыта работы или повышению квалификации по экспертной специальности, а также работы по ней в течение конкретного срока для наделения или продления права самостоятельного производства судебных экспертиз. Стажировка предполагает обучение сотрудника без отрыва от производства и является одной из форм повышения квалификации.

Нормативно-правовыми актами определяется, что дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки могут реализовываться в форме стажировки полностью или частично, причем место ее проведения определяется организацией, осуществляющей образовательную деятельность, на основании предложений руководителей региональных ЭКЦ МВД России и по согласованию с ними¹.

Проблемными в данном случае являются следующие моменты:

- отсутствие в ЭКЦ материальной базы для проведения групповых занятий;
- ежедневное отвлечение сотрудников ЭКЦ на занятия со слушателями;
- отсутствие у ЭКЦ необходимой лицензии, дающей право осуществлять образовательную деятельность².

На наш взгляд, организация обучения по программе дополнительного профессионального образования, реализуемого в форме профессиональной переподготовки, ничем не должна отличаться от процесса очного обучения при изучении основ любой криминалистической экспертизы, то есть без стажировки. И в этом могло бы оказать существенную помощь дополнительное образование в форме магистратуры [6, с. 307].

Что касается организации обучения по программе дополнительного профессионального образования, реализуемого в форме повышения квалификации, мы согласны с мнением А.М. Зинина, считающего,

¹ Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 05.05.2018 № 275 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.05.2021).

² Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2021).

что его основой должно быть выполнение усложненных задач, разбор конкретных экспертных ситуаций из личной практики преподавателя и слушателей [5, с. 30]. Здесь как альтернативу частичной стажировке можно предложить участие в занятии опытных сотрудников ЭКП, но только как дополнительных преподавателей.

Необходимо также упомянуть про дистанционную форму организации образовательной деятельности, использующуюся по всем трем описанным формам, то есть про получение образования, когда взаимодействие преподавателя и слушателя происходит на расстоянии, с помощью интернет-технологий. В ходе дистанционного обучения используются все присутствующие учебному процессу компоненты (цели, содержание, формы, методы, средства обучения). Такое обучение должно заканчиваться кратковременной стажировкой и сдачей экзамена в головном судебно-экспертном учреждении, где затем обучаемый будет получать соответствующий документ на право самостоятельного выполнения судебных криминалистических экспертиз [5, с. 30].

На наш взгляд, дистанционная форма обучения по экспертным специальностям применима только для начального этапа подготовки – получения некоторого объема теоретических знаний. Как считает А.М. Зинин, в отличие от дистанционного обучения, практикуемого в ряде вузов страны, при подготовке экспертов главную роль играют практические занятия, которые могут быть продуктивными только под руководством эксперта-наставника [5, с. 31].

Таким образом, исключительно дистанционное обучение и кратковременная стажировка в головном судебно-экспертном учреждении не позволяют за время обучения получить достаточного опыта для производства судебных экспертиз по любому из направлений.

Программы дистанционной формы профессиональной переподготовки для начального этапа обучения разработаны в Московском университете МВД России им. В.Я. Кикотя. Такая форма организации образовательной деятельности должна быть применена повсеместно, хотя при ее реализации возникают проблемы, касающиеся наличия достаточного количества квалифицированного преподавательского состава, осуществляющего обучение, и технического обеспечения в территориальных экспертных подразделениях. Так, в Краснодарском университете МВД России разработаны и апробированы программы дистанционной формы повышения квалификации по экспертным специальностям «10.1. Дактилоскопическая (исследование папиллярных узоров рук и ног человека)» и «24.1. Трактологическая (исследование следов зубов, губ, ногтей человека, следов

обуви, транспортных средств, орудий и инструментов, производственных механизмов на изделиях массового производства, одежды и ее поврежденных, узлов и петель, целого по частям, запирающих механизмов и сигнальных устройств и других следов» исключительно в дистанционной форме. Оба курса представлены в интуитивно понятном интерфейсе системы MOODLE и рассчитаны на 1,5 месяца обучения без отрыва от исполнения служебных обязанностей. В результате такая форма была признана неприемлемой, так как проверка материалов слушателей в электронной форме неудобна и занимает неоправданно большое количество времени у преподавателя. К слову сказать, время на проверку преподавателем подготовленных слушателями учебных заключений экспертов в его отчете по учебной нагрузке не предусмотрено. Предполагается проверка материалов на практических занятиях, но, как показывает практика, времени для этого недостаточно.

В педагогической деятельности, связанной с преподаванием дисциплин и реализацией программ по экспертно-криминалистической тематике, подходы к выбору формы организации педагогического процесса и методов обучения зависят от целей и условий образовательного процесса.

Так, выбор формы организации педагогического процесса и метода обучения зависит от установок современной дидактики; особенностей конкретной дисциплины (целей, задач и содержания материала) и методики ее преподавания, зависящих от специфики получаемых в итоге профессиональных навыков; времени, отведенного на изучение курса; возрастных особенностей и уровня подготовленности слушателей; материальной оснащенности учебного заведения; профессионализма преподавателя, зависящего от уровня теоретической и практической подготовленности, педагогического мастерства и личных качеств.

В современном практико-ориентированном обучении основам экспертно-криминалистической деятельности сложилась практика проведения занятий с использованием следующих форм организации педагогического процесса: аудиторные, выездные и внеаудиторные занятия, в ходе которых применяются словесные, наглядные и комбинированные методы.

В процессе обучения доведение информации и научных знаний с использованием источников разных видов должно органично переплетаться с примерами личного практического опыта экспертно-криминалистической деятельности. Отсутствие у преподавателя практического опыта негативно влияет на его авторитет среди слушателей. Как

справедливо отмечает В.Н. Хрусталёв, во многих вузах криминалистику преподают случайные люди, делая это непрофессионально, сводя смысл занятий к чтению лекционного материала, без выработки умений и навыков в рамках соответствующих компетенций, способности и потребности применять полученные знания в повседневной профессиональной деятельности. По мнению В.Н. Хрусталёва, «нужно уяснить очевидную истину: учить будущих хирургов оперировать должны опытные хирурги-профессионалы, а не те, которые лишь читали, как проводятся операции» [2, с. 46]. Мы считаем, что будущий преподаватель криминалистической экспертизы также должен иметь устойчивый навык ее производства, ему следует отдавать себе отчет о важности данной работы.

Эффективность любого занятия зависит от соблюдения требований к изложению материала, основным из которых является наличие логично построенного плана. Этот план вместе с названием темы и ее актуальностью дается слушателям в самом начале. Лекционный материал следует сопровождать мультимедийными материалами, примерами из личной практики сотрудника ЭКП. В ходе семинара необходимо наблюдать за интересом слушателей, в случае его снижения рекомендуется придать общению большую артистичность и эмоциональность, задать слушателям вопрос, предполагающий ответ из их личного опыта, или же привести интересный пример с возникавшей когда-либо проблемой и попросить слушателей решить ее самостоятельно.

В подготовке экспертов-криминалистов наибольшее значение имеет такая форма организации педагогического процесса, как практическое занятие, позволяющее сформировать у слушателя навык производства криминалистических экспертиз. Практические занятия показывают, как можно совместить теорию с практикой, обучая самостоятельной работе с приборами и оборудованием, материалами и реактивами, а также анализу процесса исследования и формированию выводов.

При проведении практических занятий задачами преподавателя являются: организация выполнения заданий в соответствии с методикой преподавания; постановка целей и расстановка приоритетов; обеспечение методическими пособиями, необходимым раздаточным материалом и оборудованием. Самый важный момент при этом – ориентировать слушателей на самостоятельное решение всех возникающих по ходу производства учебной экспертизы проблем, причем постоянно ограничивая их по времени. Преподавателю необходимо контролировать работу каждого слушателя и оказывать индивидуальную помощь.

В курсе обучения основное количество практических занятий приходится на производство учебных экспертиз и обучение работе с экспертно-криминалистическими учетами. В процессе каждого такого занятия лучше организовать попарное выполнение слушателями учебных экспертиз посредством тренинга, под которым понимают выполнение одного мысленного или практического действия с целью овладения навыком, а при многократном выполнении – повышения его качества. Такой метод обучения является универсальным, применяющимся при изучении любой дисциплины на любом ее этапе. Особенности дисциплины и характер задач, которые озвучивает на занятии преподаватель, влияют на характер, содержание и методику тренинга. Попарное выполнение учебной экспертизы дает возможность слушателям общаться, помогать друг другу, дискутировать и приходиться к единому мнению.

В ходе тренинга слушатели учатся самостоятельно мыслить и выполнять практическую работу, направленную на развитие логики, памяти и концентрации внимания, правильности построения речевых оборотов и применения специальной терминологии. Такая работа проводится с учебными объектами и следами при проведении учебных экспертиз, направлена на закрепление полученных знаний и получение практического навыка производства криминалистических экспертиз. Учебные объекты для каждой учебной группы лучше готовить новые. Во-первых, это дает возможность обучающимся сотрудникам закрепить и получить навыки работы на месте происшествия под руководством опытного преподавателя; во-вторых, не позволит им использовать учебные материалы, подготовленные слушателями курсов, прошедшими обучение ранее.

На первом занятии, рассмотрев образец учебной экспертизы, рекомендуется в интерактивной форме обсудить все требования, предъявляемые к современному заключению эксперта, ход проведения всех стадий и этапов экспертного исследования. Проверку подготовленных учебных материалов рекомендуется проводить вместе со слушателями в виде контрольно-проверочной или систематизирующей беседы, отмечая ошибки, которые им надлежит устранить, и давая рекомендации по стилистике изложения текста.

Особое внимание хочется уделить такой достаточно информативной и эффективной форме организации педагогического процесса, как выездное занятие в виде учебной экскурсии в ЭКП. Эта форма, являясь составной частью организации образовательной деятельности, позволяет приобретать устойчивые знания о производстве судебных экспертиз, спо-

способствует развитию наблюдательности и умению классифицировать, сравнивать и анализировать теоретические сведения на основе визуальных впечатлений. Учебные экскурсии должны иметь четкую учебно-познавательную цель и проводиться под руководством преподавателя и сотрудника ЭКП, назначенного руководителем регионального ЭКЦ МВД России. Сотрудникам, проводящим экскурсию, рекомендуется довести информацию о направлении их деятельности в случае возникновения вопросов, а также дать объяснение, провести беседу.

Такие занятия важны также для подготовки слушателей к выполнению служебных обязанностей. В ходе экскурсии они получают информацию о состоянии экспертно-криминалистической деятельности в целом, возможностях выполняемых судебных экспертиз, уровне технической оснащенности, требованиях законодательства и ведомственных нормативных правовых актов к профессиональной подготовке сотрудников, о методическом обеспечении производства судебных экспертиз.

Необходима и такая форма организации педагогического процесса, как самостоятельная работа, которая преследует цель дать время слушателю самостоятельно проанализировать учебный материал и подвести итоги. Самостоятельная работа заключается чаще всего в чтении учебного материала и литературы, конспектировании, зарисовке опорных схем, изготовлении иллюстраций к тексту конспекта, подготовке материалов к семинару (доклады, рефераты, сообщения и т. п.).

Таким образом, подготовка высококвалифицированных компетентных экспертов-криминалистов должна проводиться на более высоком практико-ориентированном дидактическом уровне. Преподавательская деятельность при подготовке кадров для ЭКП должна быть реформирована путем применения комплексного подхода, состоящего в следующем:

- отмена организации образовательной деятельности в форме стажировки как не отвечающей современным нормативно-правовым документам;
- обучение необходимо осуществлять исключительно в образовательных организациях высшего образования МВД России, эпизодически привлекая наиболее подготовленных сотрудников ЭКП разных уровней;
- переаттестовать профессорско-преподавательский состав, преподающий судебную экспертизу, повысить требования к его квалификации и организовать обязательное и регулярное повышение его квалификации в ЭКЦ МВД России;

– укрепить кадровый состав образовательных организаций высшего образования МВД России, осуществляющий обучение основам судебной экспертизы и другим направлениям экспертно-криминалистической деятельности.

Библиографический список

1. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 126–131.
2. Майлис Н.П. Моя профессия – судебный эксперт. М. : Щит-М, 2006. 168 с.
3. Хрусталёв В.Н. Криминалистическая практика и криминалистическая дидактика: гармоничное сосуществование или конфронтация? // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступл. и докл. участников конф. III Международный пенитенциарный форум, Рязань, 21–23 нояб. 2017 г. : в 8 т. Рязань : Акад. права и управления Федер. службы исп. наказаний, 2017. Т. 6. С. 44–47.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 576 с.
5. Зинин А.М. Значение экспертной дидактики для процесса обучения судебных экспертов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 1. С. 30–31.
6. Моисеева Т.Ф. Формы подготовки судебных экспертов: преимущества и недостатки // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е.Р. Россинской : матер. Междунар. науч.-практ. конф. к юбилею ученого, эксперта, педагога, Москва, 27 нояб. 2019 г. М. : Проспект, 2019. С. 306–308.

Дата поступления: 06.09.2021

IVANOV Anatoly Viktorovich

*Lecturer at the Department of Forensic Science, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia; iv_tol@inbox.ru*

ON WAYS TO IMPROVE THE PROVISION OF BASIC FORENSIC TRAINING

The paper analyzes the existing basic forms of training for forensic experts of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The issues related to the peculiarity of the forms of organizing educational activities, forms of organizing the pedagogical process, the use of methods and techniques for teaching students the basics of forensic expertise are considered. Some suggestions for organizing personal pedagogical activities at the proper level are given. **Purpose:** to analyze some problems in the training of experts for the Ministry of Internal Affairs of Russia and to formulate proposals for overcoming them. **Methods:** the author uses dialectic, analysis, synthesis, comparison, induction, deduction, structural, modeling methods. **Results:** when analyzing the existing forms of organization of educational activities in the training of experts for the Ministry of Internal Affairs of Russia, some problems have been identified and proposals have been formulated to improve the quality of education. **Keywords:** organization of educational activities; teaching method; training method; forensic expertise; forensic expert.

References

1. Aminev F.G. On some problems of forensic activities in the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 4 (42), pp. 126–131. (In Russian).
2. Majlis N.P. *Moya professiya – sudebnyj ekspert* [My profession is a forensic expert]. Moscow, SHCHit-M Publ., 2006. 168 p.
3. Khrustalev V.N. Forensic Practice and Forensic Didactics: Harmonious Coexistence or Confrontation? *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. Sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov konferencii III Mezhdunarodnyj penitencijarnyj forum, Ryazan', 21–23 noyabrya 2017 goda* [Crime, punishment, correction. Collection of abstracts of speeches and reports of conference participants III International Penitentiary Forum, Ryazan, November 21–23, 2017]. Ryazan, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2017, vol. 6, pp. 44–47. (In Russian).

4. Rossinskaya E.R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2020. 576 p.

5. Zinin A.M. Value of the expert of didactics in the process of training of forensic experts. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2016, no. 1, pp. 30–31. (In Russian).

6. Moiseeva T.F. Forms of training for forensic experts: advantages and disadvantages. *Razvitie kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy v trudah professora E.R. Rossinskoj. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii k yubileyu uchenogo, eksperta, pedagoga, Moskva, 27 noyabrya 2019 goda* [The development of forensic science and forensic expertise in the works of Professor E.R. Rossinskaya. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference for the anniversary of the scientist, expert, teacher, Moscow, November 27, 2019]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 306–308. (In Russian).

Received: 06.09.2021

УДК 342

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.8

МУРАТШИН Фларит Рашитович

*доктор юридических наук, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета, судья Конституционного Суда Республики Башкортостан в отставке,
г. Уфа, Россия; Flaritmurat@yandex.ru*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ (УСТАВНЫЕ) СОВЕТЫ ПРИ ПАРЛАМЕНТАХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

В статье раскрыты причины принятия на федеральном законодательном уровне централизованного решения об упразднении в субъектах Российской Федерации конституционных (уставных) судов и образовании вместо них конституционных (уставных) советов при региональных парламентах. На основе отечественного и зарубежного опыта проведен сравнительный анализ полномочий названных органов конституционного контроля, предложено авторское видение того, какими могут быть образуемые взамен конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации конституционные (уставные) советы при региональных парламентах. **Цель:** выработка концептуальных основ и научно обоснованных рекомендаций по формированию в субъектах Российской Федерации новых органов конституционного контроля – конституционных (уставных) советов при региональных парламентах. **Методы:** теоретические методы формальной и диалектической логики, исторический метод, метод сравнения, аксиологический метод. **Результаты:** сделан вывод о том, что централизованная замена в Российской Федерации конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации конституционными (уставными) советами при региональных парламентах может быть оправданна при условии проведения реорганизации в плановом режиме, последовательно, при активном взаимодействии с федеральными органами власти.

Ключевые слова: конституционный совет; конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов Российской Федерации; конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации; конституционный контроль; предварительный конституционный контроль.

Как известно, в конце прошлого года на основе обновленной Конституции страны существенным изменениям подверглась система российских судов. В частности, определилась дальнейшая судьба органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации.

Так, ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» предусмотрено упразднение до 1 января 2023 г. всех существующих на региональном уровне конституционных и уставных судов (п. 3). Пунктом 4 названной статьи установлен запрет на принятие органами конституционной юстиции субъектов Федерации новых дел к производству, а все принятые дела должны быть завершены до упразднения данных органов правосудия, причем не позднее 1 января 2023 г. Также запрещено назначать новых судей конституционных и уставных судов субъектов Федерации (п. 5 ст. 5). Вместе с тем названный Федеральный конституционный закон предоставил субъектам Российской Федерации право создавать вместо упраздняемых органов конституционной юстиции конституционные (уставные) советы, действующие при их законодательных (представительных) органах (п. 7 ст. 5)¹.

Чем же вызван этот в юридическом отношении довольно жесткий и централизованный способ упразднения существующих региональных органов конституционного правосудия и их замена абсолютно новыми структурами, призванными осуществлять конституционный контроль? Думается, данный шаг продиктован прежде всего тем, что институт региональных конституционных (уставных) судов в том виде, в котором он сложился в Российской Федерации, в полной мере себя не оправдал. Сегодня уже смело можно заключить, что надежды, которые возлагали более двадцати лет назад учредители института региональной конституционной юстиции на конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации, так и не реализовались. Конституционные и уставные суды не стали необходимым атрибутом государственного обустройства субъектов Российской Федерации, привычным звеном системы их государственных органов, не нашли свою нишу в осуществлении правосудия на региональном уровне.

Сейчас только в тринадцати субъектах Российской Федерации существуют собственные конституционные (уставные) суды, причем

¹ О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы : федер. конституц. закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

раньше их было гораздо больше. Так, созданный в Мордовии в 1992 г. на основе Закона Мордовской ССР «О Конституционном Суде Мордовской ССР» Конституционный Суд данной республики был упразднен менее чем через два года, а соответствующий закон признан утратившим силу. Подобная печальная участь постигла и Уставный суд Челябинской области, который в 2014 г., после трех лет работы, был ликвидирован. В 2018 г. парламент Республики Бурятия принял решение об исключении из Конституции республики положения о собственном Конституционном суде, отменил соответствующий республиканский закон и ликвидировал Конституционный суд Бурятии [1, с. 29].

Говоря о причинах того, почему институт регионального конституционного судопроизводства не получил ожидаемого развития, можно отметить следующее.

На наш взгляд, это в первую очередь связано с тем, что конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации, несмотря на предложения ученых-конституционалистов и практиков принять специальный федеральный закон о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации [2, с. 6–9; 3, с. 7], обязывающий все субъекты Федерации сформировать такие органы правосудия, так и не стали неотъемлемым звеном нынешней российской судебной системы. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» формирование конституционных (уставных) судов отдал на откуп субъектам Федерации, наделив их правом, а не обязанностью создавать эти суды¹. В результате, как было сказано, только в некоторых субъектах, в основном в республиках, были сформированы и осуществляют свою деятельность (порой достаточно эффективно) подобные органы конституционной юстиции.

Установленная законодательно на федеральном уровне необязательность формирования региональных конституционных и уставных судов не позволила этим судебным органам найти свое место в осуществлении конституционного контроля. Сложилась ситуация, когда субъекты Федерации могли преспокойно обходиться и без таких судов. Да и правовая практика пошла по пути «приспособления» к такому положению дел. Так, еще в 2007 г. Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений (утратило силу 24 декабря 2018 г.) указал, что в случае отсутствия в том или ином субъекте Российской Федерации конституционного

¹ О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31.12.1996 № 1-ФЗК [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

(уставного) суда вопрос о соответствии его конституции (уставу) тех или иных региональных нормативных правовых актов может быть разрешен судом общей юрисдикции¹. На деле это привело к практике «перетягивания одеяла» между региональными органами конституционного контроля и судами общей юрисдикции по рассмотрению многих конституционно-правовых вопросов, а в конечном итоге – к реальной утрате органами конституционной юстиции российских регионов собственного предмета ведения и вытеснению названных органов конституционного контроля из единого правового поля страны.

В этих условиях неудивительно, что руководство абсолютного большинства субъектов Российской Федерации воздержалось от реальных шагов по учреждению собственных органов конституционного контроля и не проявило должной заинтересованности в этом. Учитывая российский бюрократический менталитет, основанный на «указаниях сверху», в условиях отсутствия таких указаний руководители многих субъектов Федерации заняли выжидательную позицию и не стали спешить с учреждением своих органов конституционной юстиции до «особых распоряжений».

В отдельных же субъектах Российской Федерации, где подобные судебные органы были образованы, некоторые из их решений вызвали «недовольство» со стороны федеральных органов власти, а иногда даже федеральное вмешательство. В качестве примера можно привести решения Уставного суда Челябинской области², Конституционного суда Республики Ингушетия³. А в Бурятии сложилась конфликтная ситуация

¹ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

² По делу о соответствии Уставу (Основному Закону) Челябинской области отдельных положений статьи 2, пунктов 2 и 3 статьи 4 Закона Челябинской области от 28 ноября 2002 г. № 114-З О «О транспортном налоге» в связи с жалобой гражданки Андреевой Н.П. : постановление Уставного суда Челябинской области от 12.02.2013 № 001/13-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантРегион» (дата обращения: 05.03.2021).

³ По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» в связи с запросом депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия : постановление Конституционного Суда Республики Ингушетия от 30.10.2018 № 19-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантРегион» (дата обращения: 05.03.2021).

между региональным Конституционным судом и руководством республики, приведшая к ликвидации Конституционного суда¹.

Помимо прочего, учреждение собственных конституционных или уставных судов, как известно, связано с определенными организационными и финансовыми издержками, решением кадровых вопросов. Если для крупных экономически развитых субъектов Федерации (например, Республика Татарстан, Республика Башкортостан) это не проблема, то в иных регионах решение таких вопросов сопряжено с большими трудностями.

Таким образом, на наш взгляд, указанные обстоятельства явились основанием для принятия на федеральном уровне централизованного решения о ликвидации образованных в ряде субъектов Российской Федерации конституционных и уставных судов. Вместо них федеральный законодатель предусмотрел возможность создания на региональном уровне конституционных советов при парламентах субъектов Российской Федерации. Попытаемся разобраться, какова юридическая природа этих советов, что общего между ними и конституционными (уставными) судами и чем они отличаются?

Главное, что объединяет подлежащие упразднению органы конституционного правосудия и образуемые вместо них конституционные и уставные советы, – их предназначение – осуществление *конституционного контроля*, под которым обычно понимается разновидность правоохранительной деятельности, заключающейся в организации в установленной форме проверки по содержанию и форме правовых документов или действий властных структур, включая органы государственной власти и местного самоуправления, с точки зрения их соответствия нормам Конституции [4, с. 9]. Конституционный контроль, как отмечают исследователи, в одних случаях осуществляется государственными органами общей компетенции (например, главами государства, парламентами, судами общей юрисдикции), в других – специализированными структурами [5, с. 91].

Если говорить об осуществлении конституционного контроля судебными инстанциями, то впервые такой способ появился в США. В 1803 г. Верховный суд этой страны при решении конкретного дела впервые продекларировал высшую юридическую силу Конституции над другими правовыми актами и отметил, что любой закон, принятый Кон-

¹ Не договорились: Правительство Бурятии и народный хурал рассудит Конституционный суд России [Электронный ресурс] // Коммерсантъ (Иркутск). 2005. № 155. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/602543> (дата обращения: 27.02.2021).

грессом, если он не соответствует положениям Конституции, будет считаться неконституционным¹.

Существуют две модели конституционного контроля: американская и европейская [6, с. 29]. Для американской модели характерно осуществление конституционного контроля высшей инстанцией судов общей юрисдикции. Для европейской – наличие специального органа конституционного контроля (например, Конституционный совет во Франции, Конституционный суд в Италии, Конституционный трибунал в Польше и др.).

Система органов конституционного контроля современной России сложилась в соответствии с требованиями европейской модели. На сегодняшний день ее образуют Конституционный Суд РФ и, как уже отмечалось, подлежащие в скором времени упразднению органы конституционного правосудия субъектов Федерации.

В случае, если вместо конституционных и уставных судов субъектов Федерации, как предполагается, будут созданы конституционные советы при региональных парламентах, произойдет существенное усложнение российской системы конституционного контроля, в которой получат отражение элементы как американской, так и европейской модели.

Таким образом, предложенные федеральным законодателем для учреждения при региональных парламентах конституционные советы – это тоже специализированные органы конституционного контроля, нацеленные на осуществление контроля за содержанием и формой принимаемых в субъекте Российской Федерации правовых актов и деятельностью органов публичной власти с позиций соответствия или несоответствия нормам конституций и уставов регионов, но, в отличие от конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, не относящиеся к структурам судебной ветви власти.

Тогда в чем же специфика в осуществлении конституционного контроля конституционными советами при региональных парламентах, имеется ли опыт создания схожих органов в нашей стране и за рубежом?

Да, такой опыт имеется. Одним из подобных органов, на наш взгляд, являлся Комитет конституционного надзора СССР, который был сформирован в 1990 г. на основе законов СССР от 23 декабря 1989 г. № 074-1 «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Ос-

¹ Верховный суд США: W. Marbury v. J. Madison [Электронный ресурс] // Библиотекарь.Ру : сайт. URL: <http://www.bibliotekar.ru/3-1-11-konstitucii/14.htm> (дата обращения: 04.11.2020).

новного закона) СССР»¹ и «О конституционном надзоре СССР»², но прекратил свою деятельность в конце декабря 1991 г. в связи с развалом Союза ССР.

О принадлежности Комитета конституционного надзора СССР к структурам законодательной власти свидетельствует то, что данный орган формировался Съездом народных депутатов СССР на десятилетний срок из числа специалистов в области политики и права в составе Председателя, заместителя Председателя и 25 членов Комитета, представлявших все субъекты страны.

К наиболее важным полномочиям Комитета конституционного надзора СССР относилось, прежде всего, право проверки на предмет соответствия конституционным нормам законопроектов и ранее принятых Съездом народных депутатов страны, ее Верховным Советом, палатами парламента, Генеральным прокурором СССР и некоторыми другими государственными органами и общественными организациями правовых документов. Комитет наделялся также правом разрешения спорных вопросов, возникающих между союзным центром и союзными республиками, между союзными республиками и другими национально-территориальными образованиями, и правом законодательной инициативы.

Свои решения Комитет оформлял в виде заключений, которые рассылались правотворческому органу (то есть органу, принявшему документ), органу, обратившемуся в Комитет, Президиуму Верховного Совета СССР.

По юридической силе заключения Комитета представляли собой общеобязательные правовые решения, которые приостанавливали действие оспоренного акта (или его части) вплоть до устранения указанных Комитетом недостатков. Для этого устанавливался трехмесячный срок. Если недостатки в срок не устранялись, Комитет обращался с представлением в парламент или правительство с требованием об отмене неконституционного акта.

Результаты деятельности Комитета конституционного надзора СССР таковы: всего было вынесено более 40 заключений, из них в

¹ Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР : закон СССР от 23.12.1989 № 974-1 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2021).

² О конституционном надзоре в СССР : закон СССР от 23.12.1989 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2021).

18 случаях оспоренные акты признаны не соответствующими конституционным нормам и положениям международного права, в 12 случаях оспоренные акты признаны утратившими силу, в 2 случаях приостановлено действие таких актов, в 2 случаях Комитет обязал прокуратуру внести соответствующие протесты [7, с. 110].

Как показал анализ, подобные органы конституционного контроля существовали в России и на региональном уровне. Примером может служить Уставная палата Иркутской области. Данный орган конституционного контроля был сформирован в мае 1996 г. в соответствии с Уставом Иркутской области и Законом Иркутской области от 15 марта 1996 г. «Об Уставной палате»¹. Однако реально палата начала работу только в июле 1997 г. и просуществовала всего около года.

В состав Уставной палаты входили шесть советников. Назначались они законодательным органом области по представлению губернатора. Требования к кандидатуре советника: лицо, обладающее высокой квалификацией в области права, не моложе 30 и не старше 65 лет, с высшим юридическим образованием и стажем работы по юридической специальности не менее 8 лет.

Уставная палата наделялась правом разрешать вопросы о соответствии Уставу области областных законов, нормативных актов Законодательного собрания, губернатора области, администрации области; уставов местного самоуправления, нормативных актов органов местного самоуправления; договоров и соглашений между органами государственной власти области, с одной стороны, и органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти других субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, с другой стороны; о соответствии действий должностных лиц исполнительных органов государственной власти Уставу области. Также в ведении Уставной палаты находились вопросы по спорам о компетенции между органами государственной власти области и органами местного самоуправления; о наличии в действиях губернатора области оснований для отрешения его от должности; о толковании Устава области.

Поскольку Уставная палата обладала статусом лишь экспертно-консультативного органа, ее заключения имели не обязательный, а лишь рекомендательный характер. Заключения направлялись в качестве ин-

¹ Об Уставной палате : закон Иркутской области от 15.03.1996 № 15-оз [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2021).

формации губернатору области, в Законодательное собрание, должностным лицам администрации области, сторонам, в областные судебные инстанции и прокурору области. В то же время органы, которым направлялись эти заключения, обязаны были рассмотреть их в месячный срок.

Также представляет интерес зарубежный опыт формирования и организации работы аналогичных органов конституционного контроля. Примером может служить Конституционный совет Франции, сформированный в 1958 г., сразу же после принятия очередной Конституции этой страны. Он состоит из девяти членов, назначаемых на девять лет без права переназначения. Каждые три года одна треть совета подлежит обновлению [8, с. 52].

Полномочия Конституционного совета Франции в целом схожи с полномочиями органов конституционного правосудия, но все же значительно уже. Так, Конституционный совет может высказать свое мнение о конституционности проекта закона, проходящего обсуждение в парламенте, причем на всех стадиях обсуждения, или даже недавно принятого парламентом закона, но не вправе их отменить, тем более не может отменить действующие законы.

Кроме осуществления конституционного контроля за принимаемыми законами Конституционный совет Франции наделен полномочиями разрешать споры о разграничении полномочий между законодательной и исполнительной властью, следить за проведением референдумов и выборов президента, депутатов и сенаторов и т. д.

Как видим, наглядно прослеживается ограниченность функций Конституционного совета Франции по сравнению с конституционными судами, что не делает его, как признают исследователи, в полной мере гарантом соблюдения Конституции [8, с. 144].

Из сказанного следует, что помимо конституционных и уставных судов конституционный контроль может осуществляться и иными специализированными органами, не относящимися к судебной ветви власти. Эти органы могут именоваться по-разному: советы, палаты, комитеты и т. д. Как правило, они создаются законодательными органами власти государства (либо субъекта федерации), прежде всего, для повышения качества разрабатываемых или уже принятых законов и иных правовых актов, обеспечения соответствия их требованиям конституции (или устава). Этим определяется и принадлежность таких органов конституционного контроля к законодательной ветви власти и, следовательно, подконтрольность парламентам.

В отличие от конституционных (уставных) судов правовой статус органов конституционного контроля, подконтрольных парламентам, и их роль в осуществлении конституционного контроля, думается, все же менее значительны. Это, на наш взгляд, проявляется в следующем.

Во-первых, полномочия органов конституционного контроля при парламентах, как показывает анализ компетенции рассмотренных государственных структур, в значительной степени ограничены в сравнении с полномочиями органов конституционного правосудия, и в основном сводятся к осуществлению надзора за соответствием разрабатываемых парламентом законопроектов и проектов иных законодательных актов требованиям конституции (или устава). Иными словами, главное направление деятельности таких органов – осуществление предварительного конституционного контроля.

Предварительный конституционный контроль – это деятельность компетентных органов по даче заключения о соответствии законопроектов требованиям конституции (устава) еще до вступления их в силу после принятия парламентом или даже до процедуры голосования в парламенте. Если законопроект будет признан противоречащим конституции, то он снимается с голосования и возвращается своему инициатору или же просто не подписывается высшим должностным лицом. Наиболее развит институт предварительного конституционного контроля во Франции, где Конституционный совет наделен самыми широкими полномочиями по проверке конституционности законопроектов на всех этапах их прохождения в парламенте [9, с. 39]. Однако очевидно, что предварительный конституционный контроль не охватывает всего многообразия понятия «конституционный контроль» и не направлен на обеспечение соответствия требованиям конституции (или устава) уже действующих правовых актов.

Во-вторых, самостоятельности органов конституционного контроля при парламентах на порядок меньше, чем у конституционных и уставных судов. Само выражение «при парламентах» говорит о том, что такие органы конституционного контроля, по сути, являются подведомственными структурами органов законодательной власти, подконтрольными последним.

В-третьих, сказанное обуславливает и юридическую силу решений органов конституционного контроля при парламентах. Как показал анализ правового статуса Конституционного совета Франции и Уставной палаты Иркутской области, заключения этих органов, в отличие от решений конституционных и уставных судов, как правило, носят не обяза-

тельный, а лишь рекомендательный и информационный характер. Напротив, решения органов конституционного правосудия имеют обязательное значение для всех без исключения субъектов права, являются окончательными, не подлежащими обжалованию или пересмотру кем-либо.

В-четвертых, имеются существенные расхождения в процедуре осуществления конституционного контроля теми и другими органами. Конституционные и уставные суды рассматривают дела в процедуре конституционного судопроизводства с соблюдением всех установленных законодательством процессуальных требований: принятие обращений к производству, соблюдение процессуальных сроков, проведение открытых судебных заседаний с приглашением сторон, заинтересованных лиц, экспертов, переводчиков, провозглашение судебных решений, их официальное опубликование т. д. Порядок же рассмотрения вопросов органами конституционного контроля при парламентах так детально не урегулирован.

В-пятых, значительно ниже и статус членов органов конституционного контроля при парламентах по сравнению с правовым положением судей, установленным Законом РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации»¹.

Несмотря на существующие объективные отличия в правовом статусе двух разновидностей органов конституционного контроля (органов конституционного контроля, образуемых при парламентах, и конституционных и уставных судов), учитывая предстоящий процесс создания при парламентах субъектов Российской Федерации конституционных (уставных) советов, попытаемся сформулировать некоторые рекомендации по их формированию.

Для того чтобы конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов Российской Федерации не постигла участь региональных конституционных и уставных судов, на наш взгляд, необходимо на федеральном уровне законодательно закрепить не возможность, а прямую обязанность субъектов Федерации формировать указанные органы, осуществляющие конституционный контроль. Как уже отмечалось, одной из причин неразвитости института конституционного правосудия на региональном уровне явилась как раз необязательность создания конституционных (уставных) судов в субъектах Федерации. Если

¹ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2021).

решение этого вопроса вновь отдать на откуп субъектам Федерации, то есть большая вероятность того, что и на этот раз теперь уже новый институт конституционного контроля не получит широкого распространения и не даст ожидаемого результата.

Учреждая конституционный или уставный совет, каждый субъект Российской Федерации должен разработать и принять отдельный закон об этом органе конституционной юстиции, расписать его правовой статус, состав совета, порядок рассмотрения обращений, определить юридическую силу решений совета, последствия их невыполнения и т. д., аналогично тому, как это предусмотрено в региональных законах о конституционных или уставных судах.

При определении правового статуса конституционного (уставного) совета важно обеспечить его максимальную независимость и самостоятельность. Несмотря на то что эти органы будут учреждаться региональными парламентами и существовать при них, необходимо обеспечить определенную независимость и от законодательной власти. Примером тому могут служить, в частности, контрольно-счетные палаты субъектов Федерации, которые формируются законодательной ветвью власти, но в то же время обладают существенной независимостью при принятии решений.

Также важно на законодательном уровне закрепить правовой статус членов конституционных (уставных) советов, подобно тому как это сделано применительно к судьям органов конституционного правосудия или аудиторам контрольно-счетных палат субъектов Российской Федерации. Это можно осуществить в тех же региональных законах о конституционных (уставных) советах.

Таким образом, в попытке централизованной замены в масштабах всей страны не оправдавших себя в полной мере конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации конституционными (уставными) советами при региональных парламентах, в принципе, ничего негативного нет. Такие органы при соблюдении указанных нами требований могут оказаться вполне эффективными. Однако важно, чтобы такая реорганизация не была отдана на откуп самим субъектам Российской Федерации, проходила в плановом режиме, последовательно, при активном взаимодействии с федеральными органами власти. Только тогда эти специфичные по своей природе органы контроля смогут в полной мере реализовать свой потенциал и содействовать повышению качества принимаемых на региональном уровне законов и иных правовых актов, спо-

способствовать укреплению режима законности и обеспечению правопорядка, гарантировать дополнительную защиту прав и свобод граждан.

Библиографический список

1. Муратшин Ф.Р. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации // Вестник Уфимск. юрид. ин-та МВД России. 2020. № 2. С. 28–34.
2. Цалиев А.М. Судебная власть в системе разделения властей субъекта Российской Федерации // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 6–9.
3. Цалиев А.М., Качмазов О.Х. Дальнейшее развитие конституционных (уставных) судов – актуальная задача судебной реформы // Российский судья. 2009. № 4. С. 5–9.
4. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России : моногр. М. : ИГиП РАН, 1995. 175 с.
5. Портнова Е.В. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ как органы судебного конституционного контроля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 88–94.
6. Василевич Г.А. Конституционное правосудие. Минск : Право и экономика, 2012. 326 с.
7. Страшун Б.А. Эволюция института конституционного контроля в России: от надзора к правосудию // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1. С. 106–120.
8. Князев С.Д. Конституционный совет Франции на современном этапе // Конституционный совет Франции на современном этапе : сб. ст. М. : Юрист, 2015. 268 с. URL: [file:///C:/Users/1/Downloads/Antonov-sbornik%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/1/Downloads/Antonov-sbornik%20(2).pdf).
9. Брежнев О.В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 36–43.

Дата поступления: 13.03.2021

MURATSHIN Flarit Rashitovich

Doctor of Law, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia; Flaritmurat@yandex.ru

**CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COUNCILS
ATTACHED TO THE PARLIAMENTS IN THE
CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION:
TO BE OR NOT TO BE?**

The paper explains the reasons for the centralized decision taken at the federal legislative level to abolish constitutional (statutory) courts in the constituent entities of the Russian Federation and to replace them with constitutional (statutory) councils attached to regional parliaments. The comparative analysis of the powers of the above-mentioned constitutional control bodies is carried out based on national and foreign expertise. The author suggests his own concept of constitutional (statutory) councils attached to regional Parliaments instead of constitutional (statutory) courts in the constituent entities of the Russian Federation. **Purpose:** to formulate conceptual framework and science-based recommendations for the formation in the constituent entities of the Russian Federation new constitutional control bodies – constitutional (statutory) councils attached to regional Parliaments. **Methods:** the author uses theoretical methods of formal and dialectical logic, historical methods, comparative methods, axiological methods. **Results:** the author concludes that the centralized replacement of the constitutional (statutory) courts in the constituent entities of the Russian Federation with constitutional (statutory) councils attached to regional Parliaments can be justified if the reorganization is carried out in a planned manner, consistently, with active cooperation with the federal authorities.

Keywords: constitutional council; constitutional (statutory) councils attached to the Parliaments in the constituent entities of the Russian Federation; constitutional (statutory) courts in the constituent entities of the Russian Federation; constitutional control; preliminary constitutional control.

References

1. Muratshin F.R. The constitutional control in the constituent entities of the Russian federation: status and prospects. *Vestnik Ufimskogo yuridi-*

cheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 2, pp. 28–34. (In Russian).

2. Tsaliev A.M. Judicial power in the system of separation of powers of a constituent entity of the Russian Federation. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2009, no. 2, pp. 6–9. (In Russian).

3. Tsaliev A.M., Kachmazov O.Kh. Further development of constitutional (charter) courts – topical task of judicial reform. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*, 2009, no. 4, pp. 5–9. (In Russian).

4. Shulzhenko YU.L. *Konstitucionnyj kontrol' v Rossii* [Constitutional control in Russia]. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995. 175 p.

5. Portnova E.V. Constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation as bodies of judicial constitutional control. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2018, no. 2, pp. 88–94. (In Russian).

6. Vasilevich G.A. *Konstitucionnoe pravosudie* [Constitutional justice]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2012. 326 p.

7. Strashun B.A. Evolution of the institution of constitutional review in Russia: from supervision to justice. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2016, no. 1, pp. 106–120. (In Russian).

8. Knyazev S.D. The Constitutional Council of France at the present stage. *Konstitucionnyj sovet Francii na sovremennom etape. Sbornik statej* [The Constitutional Council of France at the present stage. Digest of articles]. Moscow, YUrist Publ., 2015. 268 p. Available at: [file:///C:/Users/1/Downloads/Antonov-sbornik%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/1/Downloads/Antonov-sbornik%20(2).pdf).

9. Brezhnev O.V. Preliminary Constitutional Review and its Implementation in Russia: Problems of Theories and Applications. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 36–43. (In Russian).

Received: 13.03.2021

УДК 343.34

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.9

НОВИКОВ Валерий Анатольевич

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики Юридического института
Российского университета транспорта,
г. Москва, Россия; nva-2007@mail.ru*

ЗАНЯТИЕ ЛИЦОМ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены актуальные вопросы уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. Ответственность за такое деяние была введена Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ путем дополнения УК РФ статьей 210¹. Для характеристики состава данного преступления законодателем использованы понятия «преступная иерархия» и «высшее положение в преступной иерархии», не определенные в действующих нормативных правовых актах, что затрудняет применение рассматриваемой уголовно-правовой нормы. В ряде научных публикаций отмечается, что введение уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии не согласуется со ст. 8 УК РФ, которая в качестве единственного основания ответственности указывает общественно опасное деяние, содержащее все признаки состава преступления, а не статус лица в криминальном мире. **Цель:** на основе современных научных представлений и судебной практики, сравнения отечественного законодательства с аналогичными правовыми нормами других государств дать толкование указанных оценочных понятий и на этой основе определить круг общественно опасных действий, которые могут быть инкриминированы лицу, привлекаемому к ответственности в соответствии со ст. 210¹ УК РФ. **Методы:** анализа и синтеза, обобщения, сравнительно-правовой, формально-логический, юридико-догматический и другие методы научного познания. **Результаты:** на основе проведенного исследования автор делает вывод о том, что не сам статус криминального лидера, а обусловленная высшим положением в преступной среде распорядительная деятельность по упорядочению организованной преступности на свободе и в местах исполнения наказаний является основанием

ответственности в соответствии со ст. 210¹ УК РФ. Также обозначен примерный круг лиц, которых следует рассматривать в качестве субъектов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ.

Ключевые слова: преступная иерархия; высшее положение в преступной иерархии; преступное сообщество; преступная организация; организованная преступность; «вор в законе».

Преступность в Российской Федерации приобретает все более опасные организованные формы. Руководство криминальными объединениями сосредоточено в руках лиц, обладающих определенным статусом в среде профессиональных преступников. Благодаря своим лидерским качествам, а нередко и интеллектуальным способностям, уголовные авторитеты организуют и направляют деятельность лиц, которые в преступной иерархии имеют более низкий статус.

Руководители организованной преступности, как правило, лично не участвуют в совершении планируемых преступлений, вследствие чего их привлечение к уголовной ответственности проблематично. Имея доступ к значительным денежным средствам и иным материальным ресурсам, регулярно поступающим в фонд взаимопомощи в криминальной среде, а также получая доходы от легального бизнеса, они предпочитают не рисковать своей свободой. Их деятельность в преступных сообществах в основном имеет организационный и распорядительный характер. Для обеспечения собственной безопасности проводится работа, направленная на установление коррупционных связей в правоохранительных органах и судах, продвижение своих представителей в органы государственной власти и управления.

На вершине организованной преступности находятся так называемые «воры в законе» – идеологи преступного образа жизни и хранители воровских традиций. Находясь на свободе, они вовлекают в совершение преступлений лиц молодого возраста, внедряют в их сознание воровские убеждения и тем самым подготавливают благоприятную почву для воспроизводства организованной преступности. В местах лишения свободы они подчиняют своей воле осужденных, отрицательно настраивая их по отношению к администрации исправительных учреждений, притесняют и дискредитируют лиц, вставших на путь исправления. «Воры в законе» выступают в качестве своеобразных «третейских судей», разрешая конфликты, периодически возникающие между криминальными сообществами и их участниками.

С целью усиления борьбы с деятельностью главарей организованной преступности был принят Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ¹. В пояснительной записке к проекту данного закона, в частности, отмечается, что благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности. При этом уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии не предусмотрена. С учетом этого было предложено дополнить УК РФ статьей 210¹, устанавливающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Как справедливо отмечают В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков, появление в УК РФ ст. 210¹ УК РФ является результатом эволюции организованной преступности, которая достигла высшей фазы своего развития [1, с. 469].

Понятие «занятие высшего положения в преступной иерархии» не ново для отечественного уголовного законодательства. Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ² в ст. 210 УК РФ была включена часть 4, установившая ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 и 1¹ данной статьи, лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Прошло более десяти лет, но данная норма так и не заработала в полную силу. Практика привлечения лидеров организованной преступности к ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ за указанный период времени представлена лишь единичными судебными решениями.

Так, по приговору суда Ч. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 163, ч. 4 ст. 210 УК РФ. По совокупности преступлений ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 17 лет с отбыванием его в исправительной колонии строгого режима. По эпизоду обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, суд, обосновывая занятие подсудимым высшего положения в преступной иерархии, в частности, отметил в приговоре, что Ч., являясь так называемым «вором в законе» и занимая в преступной иерархии высшее положение,

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части противодействия организованной преступности : федер. закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 14 (ч. I), ст. 1459.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и в ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса РФ : федер. закон от 03.11.2009 № 245-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45, ст. 5263.

создал на территории Алтайского края преступное сообщество, состоящее из нескольких организованных групп¹.

Понятия «преступная иерархия» и «высшее положение в преступной иерархии» являются оценочными, так как они не определены в нормативных правовых актах. Данное обстоятельство существенно усложняет процессуальную деятельность по привлечению лидеров организованной преступности к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ. В связи с этим Т.В. Якушева отмечает, что термин «преступная иерархия» имеет криминологическое происхождение и не вполне пригоден для уголовно-правового регулирования ответственности [2, с. 729].

В работах криминологов под преступной иерархией понимается своеобразный табель о рангах для лиц, исповедующих преступную идеологию и придерживающихся норм и правил поведения, принятых в преступном сообществе. В связи с этим В.В. Бычков отмечает, что самую высшую ступень в криминальной среде занимают «воры в законе», которые вправе делегировать свои полномочия особо доверенным лицам – «положенцам» или «смотрящим». Субъектами преступлений, предусмотренных ст. 210¹ УК РФ, он предлагает считать и этих лиц, а также держателей фондов взаимопомощи в криминальной среде и «блатных» [3, с. 29, 31].

В преступной иерархии после «воров в законе» на более низкой ступени действительно стоят «положенцы» и «смотрящие». «Положенец» – уголовный авторитет, назначаемый «вором в законе» для осуществления от его имени контроля над определенной территорией или объектом (исправительной колонией, следственным изолятором и др.). Он вправе осуществлять распорядительные действия, регулирующие вопросы внутренней жизни криминальной среды. «Положенец» организует и контролирует сбор средств в фонд взаимопомощи в криминальной среде, назначает «смотрящих» за отдельными населенными пунктами или объектами, разрешает конфликты, которые не в силах урегулировать «смотрящие».

«Блатными» в местах лишения свободы называют лиц, которые в повседневной жизни придерживаются воровских понятий, отрицательно настроены по отношению к администрации исправительных учреждений, являются злостными нарушителями режима отбывания наказания.

¹ Архив Алтайского краевого суда. Уголовное дело № 2-1/2017.

Из числа наиболее авторитетных «блатных» в местах заключения назначаются «положенцы» и «смотрящие».

Появление в УК РФ нормы об ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии вызвало обоснованную критику со стороны ряда авторов научных публикаций. Суть претензий состоит в том, что даже высокий статус лица в криминальном мире не может служить основанием уголовной ответственности. Так, по справедливому замечанию А.В. Шеслера, введение ответственности за принадлежность к лидерам криминальной среды противоречит ст. 8 УК РФ, которая в качестве основания уголовной ответственности предусматривает совершение общественно опасного деяния, а не социальный статус лица [4, с. 118].

Н.Г. Кадников отмечает, что дополнение УК РФ статьей 210¹ является признанием того, что наряду с деянием, содержащим признаки состава преступления, основанием уголовной ответственности является и опасное состояние личности. Имеет место нежелательный переход к положениям социологической школы уголовного права [5, с. 53].

Нельзя не согласиться с мнением А.В. Бриллиантова и А.Д. Щербакова, которые полагают, что в УК РФ включена категория, происходящая из тюремной субкультуры, неизвестная отечественному законодательству, вследствие чего трудно понять, что представляет собой лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, а также определить критерии деяния как преступного [6, с. 93].

Фундаментальное положение, основанное на идеях классической школы уголовного права и закрепленное в ст. 8 УК РФ, о том, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, игнорировать нельзя. Следовательно, необходимо разобраться в том, какие общественно опасные действия могут охватываться составом преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ.

В связи с этим представляется интересной точка зрения А.В. Катанова и Р.Р. Румянцевой, которые считают, что объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, образует деятельность, связанная с занятием лицом высшего положения в преступной иерархии [7, с. 58].

Верховный Суд РФ в п. 24 Постановления Пленума от 10 июня 2010 г. № 12 обратил внимание на то, что, решая вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам следует устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии.

Для этого необходимо выяснять, в чем конкретно выразились действия по созданию или руководству преступным сообществом, координации преступной деятельности, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также иные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе¹.

По нашему мнению, данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ представляется не совсем точным. Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии предлагается устанавливать на основе анализа объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ (руководство преступным сообществом, координация действий, создание устойчивых связей между организованными группами и т. п.).

В связи с появлением в УК РФ ст. 210¹ для квалификации деяния по ч. 4 ст. 210 УК РФ необходимо установить, что гражданин уже ко времени совершения данного преступления занимал высшее положение в преступной иерархии, к примеру, прошел инициацию и был объявлен «вором в законе». Принятие Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ привело к тому, что преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 210 УК РФ, во всех случаях будет образовывать реальную совокупность с преступлением, предусмотренным ст. 210¹ УК РФ. Если следовать разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, которое дано в п. 24 Постановления от 10 июня 2010 г. № 12, то виновное лицо понесет наказание дважды за одни и те же действия – по ч. 4 ст. 210 и по ст. 210¹ УК РФ. В связи с изменением уголовного закона п. 24 необходимо исключить из данного Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Высшее положение в преступной иерархии лицо занимает не по причине руководства организованной группой, бандой или преступной организацией, а вследствие особого статуса в криминальном мире, который формируется в течение всей жизни и обусловлен множеством обстоятельств (наличием судимостей за ранее совершенные преступления, временем, проведенным в местах лишения свободы, поведением в местах заключения, строгим следованием «воровскому закону» и т. п.).

Принятию лица в касту «воров в законе» предшествует его многолетняя противоправная деятельность. И это не только совершение пре-

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) и участии в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8. С. 12.

ступлений, за которые уголовный авторитет уже понес или должен понести наказание. Как уже отмечалось, лидеры преступного мира помимо совершения конкретных деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ, осуществляют также организационно-управленческую деятельность, которую можно охарактеризовать как стратегическое руководство уголовной средой на свободе и в местах отбывания наказания. В исправительных учреждениях они подчиняют себе осужденных, требуя от них соблюдения воровских понятий, поощряют нарушения режима отбывания наказания, притесняют активистов и иных лиц, вставших на путь исправления.

Применительно к ст. 210¹ УК РФ под занятием лицом высшего положения в преступной иерархии следует понимать в целом его управленческую деятельность, направленную на обеспечение функционирования организованной преступности. Поэтому для признания такого лица виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, необходимо установить, что ко времени задержания оно имело влияние на лиц с более низким статусом в преступной иерархии и проявляло активность в распорядительной деятельности, направленной на поддержание организованной преступности.

На наш взгляд, этот вопрос правильно урегулирован в УК Украины. Законом от 4 июня 2020 г. № 611-IX он был дополнен статьями 255¹, 255², 255³. В частности, ст. 255¹ предусмотрена ответственность за установление или распространение в обществе преступного влияния. В соответствии с примечанием 1 к ст. 255 УК Украины под преступным влиянием понимают любые действия лица, которые благодаря его авторитету, другим личным качествам способствуют, побуждают, координируют или иным образом воздействуют на преступную деятельность, а также действия, состоящие в распределении средств, имущества или других активов (доходов от них) с целью обеспечения такой деятельности. Наказание установлено в виде лишения свободы на срок от 7 до 10 лет с конфискацией имущества. Те же действия, совершенные в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах или в исправительных учреждениях, влекут наказание в виде лишения свободы на срок от 9 до 15 лет с конфискацией имущества или без таковой.

Субъектом данного преступления является лицо, которое имеет повышенное преступное влияние, в том числе статус «вора в законе». В соответствии с примечанием 2 к ст. 255 УК Украины под лицом, имеющим повышенное преступное влияние, в том числе находящимся в статусе «вора в законе», понимают лицо, которое благодаря своему авторитету, другим

личным качествам или возможностям осуществляет преступное влияние и координирует преступную деятельность других лиц, осуществляющих преступное влияние.

В тех случаях, когда в силу возраста, болезни или по другим причинам «вор в законе» отошел от дел, его формальное пребывание в этом статусе в силу малозначительности деяния может и не представлять общественной опасности, что является основанием для прекращения уголовного преследования в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

В борьбе с «ворами в законе» положительных результатов удалось добиться правоохранительным органам Республики Грузия, и этот опыт заслуживает внимания. 20 декабря 2005 г. был принят Закон «Об организованной преступности и рэкете». Одним из достоинств данного документа является то, что в нем определены следующие основные понятия: «воровское сообщество», «деятельность воровского сообщества», «член воровского сообщества», «вор в законе», «воровская разборка», «воровской сход». В соответствии со ст. 3 данного закона «вором в законе» считается лицо, которое в любой форме осуществляет управление или (и) организацию воровского сообщества или с использованием методов деятельности воровского сообщества осуществляет управление или (и) организацию определенной группы лиц. Как видно из определения, общественная опасность нахождения в статусе «вора в законе» связывается с его управленческой и организационной деятельностью в криминальных сообществах. Такая трактовка вполне согласуется со ст. 7 УК Грузии, в которой сказано, что основанием уголовной ответственности является противоправное и виновное деяние.

Законом от 28 апреля 2006 г. УК Грузии был дополнен статьей 223¹, предусматривающей ответственность за членство в воровском сообществе (ч. 1) и пребывание в положении «вора в законе» (ч. 2). За пребывание в положении «вора в законе» установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 10 лет со штрафом, что согласно ч. 3 ст. 12 УК Грузии соответствует категории тяжкого преступления.

Своевременные законодательные решения и воля политического руководства Грузии позволили правоохранительным органам этого государства привлечь к уголовной ответственности значительное число «воров в законе». Остальные были вынуждены покинуть пределы республики, без особых проблем обосновавшись в Российской Федерации и на территории других государств.

Отличительной чертой законодательства Грузии является то, что оно ориентировано исключительно на борьбу с «ворами в законе». В ст. 210¹ УК РФ для характеристики субъекта преступления используется другое понятие – «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Понятие «вор в законе» является условным. Уголовные авторитеты, заслужившие такой статус, называют себя «ворами», «бродягами». В дореволюционной России они именовались «иванами». В советское время их стали называть «паханами». Терминология, используемая для обозначения лиц данной категории, большого значения не имеет. Не исключено, что практика применения ст. 210¹ УК РФ со временем приведет к тому, что уголовная терминология полностью выйдет из оборота или будет заменена другими словами.

Введение уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии вызвало в криминальных кругах некоторую тревогу, поскольку стало представлять угрозу для личной свободы. В соответствии со ст. 210¹ УК РФ суд может назначить наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом до пяти миллионов рублей. В связи с этим М.В. Максименко отмечает, что осужденные в местах заключения стали реже использовать понятия «вор в законе», «бродяга», «положенец», «смотрящий», заменяя их другими словами [8, с. 53].

Пока не ясно, как введение уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии повлияет на поведение уголовных авторитетов, но очевидно, что число желающих стать частью преступной «элиты» должно поубавиться. До недавнего времени «воры в законе» не скрывали свой статус от правоохранительных органов. Во время задержания оперативными сотрудниками или на допросе у следователя они, как правило, сообщали о своей принадлежности к воровской «элите», прекрасно осознавая, что это им ничем не грозит. С появлением ст. 210¹ УК РФ их поведение несколько изменилось. Они стали уклоняться или отказываться от ответа на данный вопрос, что уже является положительным признаком. Последовательная и системная деятельность правоохранительных органов по привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210¹ УК РФ, должна если не разрушить полностью, то существенно ослабить систему управления, которая долгие годы выстраивалась «ворами» в преступной среде.

Как уже отмечалось, в преступной иерархии организационно-распорядительные полномочия осуществляют в основном три категории уголовных авторитетов: «воры в законе», «положенцы» и «смотрящие».

Указанных лиц и следует рассматривать в качестве специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, с некоторыми уточнениями, которые касаются «смотрящих» в местах лишения свободы, то есть лиц, отвечающих за организацию доставки денег и продовольствия из фондов взаимопомощи в криминальной среде, поскольку таких «смотрящих» вряд ли можно причислить к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

В связи с этим для привлечения к ответственности по ст. 210¹ УК РФ следователь и суд не должны ограничиваться только установлением статуса лица в преступной иерархии. Необходимо обосновать, что виновное лицо, пользуясь своим положением, активно осуществляет управленческую деятельность в воровских сообществах на свободе и в местах заключения, участвует в выработке и распространении директивных решений, требует их выполнения от остальных участников организованных преступных формирований, а также отрицательно настроенных осужденных в исправительных учреждениях.

Принимая во внимание, что в ст. 210¹ УК РФ законодатель не дает исчерпывающего описания общественно опасного деяния и других признаков состава преступления, ограничиваясь только указанием на занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, диспозиция данной уголовно-правовой нормы видится как бланкетная. Для правильного понимания оценочных понятий «преступная иерархия», «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» необходимо принять закон «О противодействии организованной преступности», который бы помимо прочего содержал и определения основных понятий, позволяющих правоохранительным органам осуществлять уголовное преследование криминальных авторитетов по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ.

Библиографический список

1. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 465–476.
2. Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 723–734.

3. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210¹ УК РФ) // Вестник Московск. акад. Следств. комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26–31.

4. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасск. ин-та. 2020. № 1 (42). С. 110–123.

5. Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 50–55.

6. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.

7. Катанов А.В., Румянцева Р.Р. Проблемы определения общественной опасности деяния, предусмотренного статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Середина. Вологда, 2019. С. 57–61.

8. Максименко С.В. О некоторых терминах, используемых для раскрытия сущности преступной иерархии // Противодействие преступности в современных условиях: уголовно-правовые, криминологические и психолого-педагогические аспекты : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), 20 окт. 2020 г. / отв. ред. Р.В. Новиков. Пермь, 2020. С. 52–56.

Дата поступления: 21.08.2021

NOVIKOV Valery Anatolievich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute, Russian University of Transport, Moscow, Russia; nva-2007@mail.ru

**HOLDING THE HIGHEST POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY: CRIMINAL LAW ASPECT**

The paper discusses the most pressing issues of criminal responsibility for holding the highest position in the criminal hierarchy. Liability for such an act was introduced by Federal Law No. 46-FZ of April 1, 2019 by supple-

menting the Criminal Code of the Russian Federation with Article 210¹. In order to characterize the constituent elements of this crime, the legislator used the concepts of «criminal hierarchy» and «the highest position in the criminal hierarchy» that are not defined in the current normative legal acts, which makes it difficult to apply the considered criminal law norm. Some scientific publications note that the introduction of criminal liability for a person occupying the highest position in the criminal hierarchy is not in agreement with Article 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, as the sole basis of responsibility, specifies a socially dangerous act containing all the elements of a crime and not the status of a person in the criminal world. **Purpose:** based on modern scientific concepts and judicial practice, a comparative study of national legislation with similar legal provisions of other states, to interpret the concepts in question and, on that basis, to define the range of socially dangerous acts, which may be incriminated against a person prosecuted under Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. **Methods:** methods of analysis and synthesis, generalization, comparative legal, formal logical, legal dogmatic and other methods of scientific knowledge are used. **Results:** on the basis of the study, the author concludes that not the status of a criminal leader itself, but the administrative activity due to the highest position in the criminal environment to streamline organized crime in freedom and in places of execution of punishments constitutes grounds for responsibility under Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. There is also an indicative list of persons to be considered as perpetrators of offences under Part 4 of Article 210 and Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal hierarchy; highest position in the criminal hierarchy; criminal community; criminal organization; organized crime; «code-bound thief».

References

1. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. Crime boss and the grounds for liability: postmodernism in criminal law. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476. (In Russian).

2. Yakusheva T.V. Counteracting criminal communities (criminal organizations) and leaders of the criminal world: destructive trends, a search for new legislative solutions. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 723–734. (In Russian).

3. Bychkov V.V. Criminal characteristic the first in criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2019, no. 3, pp. 26–31. (In Russian).

4. Shesler A.V. «Thief in law»: criminal status or basis of criminal liability. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 1 (42), pp. 110–123. (In Russian).

5. Kadnikov N.G. Dangerous state of personality as a basis for criminal liability. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 1, pp. 50–55. (In Russian).

6. Brilliantov A.V., Shcherbakov A.D. The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 10, pp. 90–99. (In Russian).

7. Katanov A.V., Rumyantseva R.R. Problems of determining the public danger of an act provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In Seredin A.A. (ed.). *Aktual'nye voprosy deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom etape: problemy i perspektivy. Sbornik nauchnyh trudov* [Topical issues of the activity of the penitentiary system at the present stage: problems and prospects. Collection of scientific papers]. Vologda, 2019, pp. 57–61. (In Russian).

8. Maksimenko S.V. On some terms used to disclose the essence of the criminal hierarchy. In Novikov R.V. (ed.). *Protivodejstvie prestupnosti v sovremennyh usloviyah: ugovovno-pravovye, kriminologicheskie i psichologo-pedagogicheskie aspekty. Sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), 20 oktyabrya 2020 goda* [Countering crime in modern conditions: criminal law, criminological and psychological and pedagogical aspects. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), October 20, 2020]. Permian, 2020, pp. 52–56. (In Russian).

Received: 21.08.2021

УДК 340.137

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.10

ПЕСТРИКОВА Анастасия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Россия; anastasia801@yandex.ru

ХОЛОПОВА Елена Николаевна

доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, старший научный сотрудник Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград, Россия; elchol@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЧЕЛОВЕКА¹

Статья раскрывает значение институтов информированного согласия и права собственности в отношениях с биологическим материалом человека в свете изучения зарубежного законодательства и судебной практики. **Цель:** провести анализ общественных отношений, возникающих по поводу биологического материала человека, через призму институтов права собственности и информированного согласия на его получение, хранение, передачу и утилизацию. **Методы:** общенаучные методы исследования: логический, исторический, системный, структурно-функциональный, сравнительный, аналогии и моделирования; применялись также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, толкования, правового моделирования. **Результаты:** исследование на примере судебных дел, рассмотренных в США, позволило сделать вывод о необходимости корректировки норм отечественного права при регулировании отношений и защите прав субъектов отношений, возникающих по поводу биологического материала человека.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Этико-правовые принципы геномных исследований: пределы вмешательства в права человека», проект РФФИ № 18-29-14015/21.

Ключевые слова: биологический материал человека; донор; право собственности; право собственности на биологический материал человека; информированное согласие.

Научные исследования с использованием биологического материала человека приобретают все большее развитие в современном мире, затрагивая все новые сферы общественной, экономической, политической и социальной жизни, однако многие вопросы так и остаются неразрешенными ни с точки зрения морали, этики, религии, медицины, науки, ни с точки зрения права.

Институт информированного согласия является самым противоречивым, комплексным и сложным при защите прав и законных интересов участников научных исследований с использованием биологического материала человека, клинических испытаний лекарственных препаратов и вакцин. Вряд ли кто-то будет отрицать, что правовой статус участника исследований и его автономия, защита персональных данных, свобода выбора и необходимость предоставления всей информации для того, чтобы этот выбор был осознанным, приводят к одной сложной проблеме – самостоятельного, осознанного решения пациентом (участником испытаний) и ответственности за принятый выбор, решение.

Например, врач предлагает два варианта лечения, называя преимущества и риски каждого из них. Пациент спрашивает, какой вариант ему лучше выбрать, врач опять предлагает варианты с имеющимися рисками и выгодами, не настаивая ни на одном из них и предоставляя пациенту право выбора. Пациент опирается на свои знания, опыт, интуицию и пр., не имея при этом специальных знаний. Врач (исследователь) получает осознанное информированное согласие пациента и соблюдает его права в соответствии с протоколом лечения заболевания. Но, как представляется, ответственность за принятое решение в данном случае переносится с человека (специалиста), обладающего необходимыми знаниями, квалификацией и опытом, на человека, который не обладает специальными знаниями, а кроме того, находится в болезненном состоянии. Также необходимо принять во внимание, что риск может носить объективный характер и иметь прямую связь с заболеванием, а может носить субъективный характер (пациент не хочет потерять волосы после химиотерапии и отказывается от лечения). Можно ли предусмотреть все выгоды и риски при выполнении бюрократических процедур получения информированного согласия, особенно при тенденции

превращения медицинской помощи, целью которой было лечение больного, в медицинскую услугу, целью которой является оказание услуги?

То же самое можно наблюдать и при получении информированного согласия при использовании биологического материала человека. Но достаточно ли общего согласия на все будущие исследования с биологическим материалом конкретного донора или необходимо получать согласие для каждого этапа и способа исследования и использования биоматериала? А если такие исследования приводят к патентованию и получению прибыли, то вправе ли донор рассчитывать на ее часть как собственник биологического материала? Если доноры не обладают правом собственности на биоматериал, то есть ли у них потенциальное право на использование своего биоматериала в определенных целях, так как косвенно затрагивается право на неприкосновенность частной жизни? Должно ли право особым образом защищать уязвимые слои населения при проведении таких исследований и использовании биологического материала человека, а именно новорожденных, недееспособных и пр.?

В 2010 г. вышла книга о Генриетте Лакс – афроамериканке, чьи раковые клетки были взяты без ее ведома и согласия для создания ценной клеточной линии HeLa [1]. Клеточная линия была положена в основу разработки вакцины против полиомиелита, использована в исследованиях рака, при разработки технологии экстракорпорального оплодотворения и клонирования и др. Как пишет Р. Скютт, автор книги, врачи или ученые не забирают у тебя руку или жизненно важный орган, но тем не менее они используют твои ткани и клетки. И чувство собственности усиливается, если кто-то зарабатывает деньги на твоём биологическом материале или использует информацию о генах и болезнях (самый распространенный случай – незаконное раскрытие такой информации работодателям и страховым компаниям).

История Генриетты Лакс показательна. Ее клетки были взяты в то время, когда не существовало правил об информированном согласии на использование биологического материала человека. В 1981 г. в США существовали только «Общие правила», которые применялись ко всем исследованиям с участием людей. Согласно данным правилам исследователь должен предоставить субъекту исследования информацию о рисках и выгодах и получить его согласие, но эти правила не охватывали исследования с использованием биологического материала человека, а касались только субъекта исследования. Кроме того, они не применялись в отношении трупов и не идентифицированных, анонимных или общедоступных образцов.

В 2015 г. в «Общие правила» были внесены изменения, направленные на расширение толкования понятия «субъект исследования», чтобы охватить биологические материалы человека, независимо от возможности их идентификации¹ [2]. Но это совершенно не означает, что доктрина информированного согласия обеспечит достаточную защиту для доноров. Получение однократного широкого согласия на вторичное использование биологического материала в целях, отличных от первоначальных (например, материал был собран в клинических целях, а затем будет использоваться в исследовательских), не обеспечивает правомерного использования. Часто процедура получения информированного согласия – это всего лишь бюрократическая процедура, проставление галочек в соответствующих графах, которая не заменяет подлинного информированного согласия. Как замечают некоторые врачи, пока один пациент заполняет документы при первичном приеме, другой может не дождаться своей очереди.

Особенно четко проявляется формальное отношение к процедуре получения информированного согласия при участии уязвимых слоев населения, несовершеннолетних, находящихся в состоянии измененного сознания, и пр. Например, часто в литературе можно встретить критику процедуры получения информированного согласия при проведении исследований в Африке, где в большинстве своем английский язык (или другие языки) является вторым, участники не всегда грамотны и могут объективно и адекватно оценить полученную информацию. Часто согласие оформляется проставлением отпечатка большого пальца [3].

Можно выделить несколько ступеней согласия: простое отсутствие понуждения при добровольной передаче биологического материала; отказ от участия; явно выраженное согласие. Согласие может быть общим, тогда субъект просто выбирает вариант «да» или «нет», вместо того чтобы получить полный набор вариантов использования, согласиться с одними и отказаться от других. Но такой вариант формально неосуществим в силу большого объема информации и формальностей, которые необходимо было бы учитывать в каждом конкретном случае. Это утопия, осуществление которой приведет к торможению всей сферы здравоохранения и науки. Кроме того, большое количество вариантов приводит к невозможности сделать выбор, что также окажет негативное влияние на защиту прав пациентов.

Интересным примером служит история с получением информированного согласия у членов племени хавасупай, которые с 1990 г. доб-

¹ 45 C.F.R. Section 46 (2009).

ровольно сдавали образцы крови исследователям из Университета штата Аризона, чтобы определить генетическую предрасположенность к диабету. Однако полученные образцы были использованы для проведения других исследований, в частности шизофрении, географического происхождения племени, инбридинга. Эти исследования угрожали культурным и религиозным ценностям племени (было доказано, что предки племени мигрировали из Азии через замерзшее Баренцево море, а это противоречило традиционной религиозной вере о происхождении племени в районе Большого каньона и могло подорвать право на племенные земли) [4].

В 2005 г. был подан иск от имени участников исследований, в котором истцы указывали на несколько правонарушений: отсутствие информированного согласия, искажение информации, мошенничество, умышленное и небрежное причинение эмоционального расстройства, нарушение гражданских прав, халатность и др. Истцы утверждали, что дали информированное согласие только на исследования диабета. Суд отказал в иске, указав, что было получено общее информированное согласие на «изучение причин поведенческих и медицинских расстройств». Данное дело показало пробелы института информированного согласия: если нет понуждения и передача образцов добровольная, то информированное согласие формально присутствует, даже если цели получения и использования образцов искажены, изменены, не определены. Один из исследователей заявил, что они просто занимались научными исследованиями, форма информированного согласия была максимально упрощена для представителей племени, для которых английский язык является вторым языком, а многие из 650 членов окончили только среднюю школу¹. В итоге суд отклонил все претензии истцов. Дело было морально оправдано только в 2010 г., когда Университет штата Аризона, как организатор исследований, выплатил 700 000 долларов 41 члену племени, вернул оставшиеся образцы крови, а также предоставил стипендии членам племени и оказал помощь в создании клиники.

Если институт информированного согласия не обеспечивает полноценную защиту прав участников правоотношений, стоит обратиться к институту собственности. Абсолютные отношения собственности призваны обеспечить не только господство над вещью, но и гарантировать защиту от посягательств на нее со стороны третьих лиц. Вопросы собственности на биологический материал человека крайне противоречивы,

¹ Tilousi v. Arizona State Univ. Bd. of Regents, No. 04-CV-1290, 2005 WL 6199562, at *1, *3 D. Ariz., March 3, 2005.

поскольку сразу ассоциируются с представлением о человеке как о товаре [5]. Вопрос принадлежности права собственности на биологический материал человека донору или другим лицам создает еще больше юридических коллизий в отсутствие нормативного регулирования. С одной стороны, донор, обладая всей полнотой правомочий на свой биологический материал, может тормозить развитие науки и медицины. С другой стороны, переход права собственности к другим лицам приводит к неправомерному использованию биологического материала и извлечению прибыли, на которую донор вполне мог рассчитывать. Должно ли право защищать доноров, предоставляя им возможность не только обладать правомочиями в отношении биологического материала, но и право контролировать ход исследований и участвовать в распределении полученной от использования биологического материала прибыли?

Еще один пример показывает непоследовательность нормативного регулирования отношений собственности и института получения информированного согласия. В штате Техас (США) в процессе программы скрининга крови новорожденных собирались образцы крови, часто без уведомления родителей, с целью выявления и лечения различных генетических заболеваний. Однако Техас и некоторые другие штаты стали хранить образцы крови в течение неопределенного срока и сделали их доступными для других исследований. Группа родителей подала иск в суд на Агентство здравоохранения штата за нарушение прав на неприкосновенность частной жизни и свободу, так как образцы крови содержат личную медицинскую и генетическую информацию¹. В итоге судебного разбирательства в штате Техас был принят закон, предусматривающий право родителей отказаться от проведения исследований. Суд также обязал в течение 70 дней уничтожить 5 миллионов образцов крови, взятых у новорожденных за последние 7 лет.

По аналогичному иску штата Миннесота Верховный суд штата постановил, что использование образцов крови новорожденных для исследований без получения письменного информированного согласия нарушает Закон о генетической конфиденциальности².

Тем не менее общий законодательный подход в США к данным вопросам так и не был выработан и нормативное регулирование отличается от штата к штату [6]. В некоторых штатах образцы крови признаются собственностью штата, в других департаменту здравоохранения пре-

¹ *Beleno v. Texas Dept. of State Health Services*, U.S. District Court for W. Dist. Texas. March 2009.

² *Bearder v. Minnesota*, 806 N.W. 2d 766. Minn. 2011.

доставляются полномочия на использование образцов крови, но право собственности при этом не обозначается конкретно [7]. Поэтому право собственности на биологический материал человека остается открытым вопросом. В одних случаях биологический материал человека признается объектом собственности, в других – характеризуется через субъективные права на неприкосновенность частной жизни. Штат Калифорния, например, признает куплю-продажу яйцеклеток только в целях лечения бесплодия, но не для исследовательских целей [8]. С другой стороны, дело Мура (США) стало классическим по вопросам права собственности на биологический материал человека. Суд не признал клетки селезенки Мура его собственностью, клеточная линия, полученная на их основе, была признана собственностью исследователей, которые запатентовали ее и получили прибыль (следует подчеркнуть, что суд признал собственностью исследователей и ген, поскольку они его выявили и выделили)¹.

Таким образом, к биологическому материалу человека применяются противоречивые нормы. С одной стороны, признается право собственности на некоторые виды биоматериала, с другой стороны, выделение клеточных линий подпадает под правила об интеллектуальной собственности, поскольку это своего рода технология, созданная человеком. Но дело касается не просто различных видов биологического материала человека, разграничение которых позволило бы четко урегулировать права и полномочия в его отношении. Практика знает примеры, когда и части тела, и ткани, и клетки признавались объектом права собственности не донора, а исследователя. Отрицание возможности признать право собственности на биологический материал человека на самом деле может привести к отсутствию защиты вообще. Так, в 1995 г. в Калифорнийском университете врачи незаконно присваивали яйцеклетки женщин, обратившихся за лечением бесплодия, и передавали их другим пациентам. Прокуроры не смогли выдвинуть обвинение за кражу, так как яйцеклетки не признаются законодательством объектом права собственности. В результате в Калифорнии был принят специальный закон, предусматривающий ответственность в виде штрафа до 50 000 долларов за кражу человеческих яйцеклеток и лишение свободы до 5 лет за преднамеренную передачу человеческой спермы, яйцеклеток или эмбрионов без письменного согласия доноров и реципиентов [9].

Совершенно очевидно, что такое фрагментарное и каузальное правовое регулирование в США не может создать стройную и четкую

¹ Moore v. Regents of the University of California, 793 P.2d 479. Cal. 1990.

систему правового регулирования оборота биологического материала человека. Поэтому различие правового регулирования не связано с видом биологического материала, а лежит в другой плоскости понимания общей концепции правового регулирования общественных отношений с биологическим материалом человека. В январе 2015 г. налоговый суд рассмотрел вопрос о том, являются ли платежи, полученные женщинами за «пожертвование» своих яйцеклеток, налогооблагаемым доходом и признал их таковыми¹.

Если исследователи биологического материала человека могут приобретать право собственности и извлекать прибыль, то почему доноры не должны участвовать в распределении этой прибыли? Раз факт продажи спермы за плату не вызывает этических и правовых вопросов, то почему донорство яйцеклеток должно признаваться альтруистичным и не допускать куплю-продажу?!

Право собственности – комплексный институт, совокупность правомочий. Почему же не использовать нормы для регулирования отношений с биологическим материалом человека, распределив правомочия между донорами и исследователями, между индивидами и обществом? Кроме того, следует разграничивать и виды биологического материала человека, чтобы использовать различные механизмы правового регулирования. Биологический материал человека – это не просто физические объекты, это генетическая информация, которая сегодня делает невозможными анонимность и деидентификацию биоматериала. Поэтому биологический материал представляет собой и объект интеллектуальной собственности. Передача биологического материала может быть многократной, и право должно регулировать вопросы не только его получения и использования, но и хранения, передачи и утилизации. Представляется, что признание биологического материала объектом гражданских правоотношений и использование договорных конструкций позволит разрешить некоторые коллизии. И в этом смысле право собственности может также поспособствовать защите интересов субъектов правоотношений с биологическим материалом человека, поскольку правомочия могут быть распределены между несколькими субъектами одновременно, кроме того, одни правомочия могут принадлежать одним лицам в настоящий момент, а другие – переходить к ним в будущем. Дело Генриетты Лакс, когда Национальный институт здравоохранения США признал, что отношения между исследователями и донора-

¹ Perez v. Commissioner, 144 T.C. 4. 2015.

ми носят партнерский характер, использование образцов крови в Мичигане, приведшее к созданию биотраста (BioTrust) в сфере здравоохранения, в соответствии с которым гражданам штата предоставляется общее право на получение выгоды от исследований с использованием биологического материала человека как ценного государственного ресурса [10], показывают возможность определения правомочий в отношении биологического материала человека различными субъектами правоотношений.

Таким образом, можно констатировать необходимость планомерного использования института права собственности в тесной взаимосвязи с институтом информированного согласия для защиты прав и законных интересов всех участвующих субъектов правоотношений с биологическим материалом человека. Признание его в качестве объекта гражданских прав и применение договорных конструкций, обеспечивающих получение, использование, передачу, хранение и утилизацию биоматериала человека позволит сформировать общую концепцию правового регулирования.

Российская Федерация не остается в стороне, и в нашей стране биоматериал все активнее включается в оборот и становится предметом правоотношений. Использование положительного зарубежного опыта и судебных прецедентов может положить начало развитию и отечественного законодательства в данной области. Необходимо определить правила получения информированного согласия, которые должны сформировать отношение к данному институту не просто как к формальной процедуре, а как к динамическому процессу, в результате которого происходит взаимодействие двух или более субъектов, заинтересованных в результате. Нельзя формально списывать все риски на субъекта, давшего согласие. Врач или исследователь, обладающие специальными знаниями, навыками, опытом, должны быть защищены законом, чтобы пресекать оказание неквалифицированной помощи или проведение нецелевых исследований, опираясь на полученное информированное согласие. Кроме того, стоит обратить внимание на все большее распространение случаев признания права собственности на биологический материал человека, что позволит использовать гражданско-правовые способы защиты прав субъектов и расширить правовое регулирование общественных отношений, возникающих по поводу биологического материала человека.

Библиографический список

1. Skloot R., *The Immortal Life of Henrietta Lacks*. New York : Crown Publishers, 2010. 381 p.
2. Javitt G. Why Not Take All of Me? Reflections on the Immortal Life of Henrietta Lacks and the Status of Participants in Research Using Human Specimens // *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. 2010. № 2. P. 731–734.
3. Tindana P., Depuur C., de Vries J., Seeley J., Parker M. Informed consent in genomic research and biobanking: taking feedback of findings seriously // *Global Bioethics*. 2020. № 31. P. 200–215. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/11287462.2020.1717896>.
4. Harmon A. Indian Tribe Wins Fight to Limit Research of Its DNA // *New York Times*. 2010. April 21.
5. Goodwin M. Altruism's Limits: Law, Capacity, and Organ Commodification // *Rutgers Law Review*. 2004. № 2. P. 361.
6. Suter S. Did You Give the Government Your Baby's DNA? Rethinking Consent in Newborn Screening // *Minnesota Journal of Health Law, Science & Technology*. 2014. № 2. P. 729–790.
7. Lewis M.H. et al. State Laws Regarding the Retention and Use of Residual Newborn Screening Blood Samples // *Pediatrics*. 2011. № 4. P. 703–712.
8. Rao R. Coercion, Commercialization, and Commodification: The Ethics of Compensation for Egg Donors in Stem Cell Research // *Berkeley Technology Law Journal*. 2006. № 3. P. 1055–1066.
9. Bailey E. Wilson Signs Bill Making Theft of Human Eggs a Crime // *LA Times*. 1996. September 26.
10. Chrysler D., McGee H., Bach J., Goldman E., Jacobson P. The Michigan Biotrust for Health: Using Dried Bloodspots for Research to Benefit the Community While Respecting the Individual // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2011. № 1. P. 98–101.

Дата поступления: 21.08.2021

PESTRIKOVA Anastasia Alexandrovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia; anastasia801@yandex.ru

KHOLOPOVA Elena Nikolaevna

Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Law Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; elchol@mail.ru

THE IMPORTANCE OF THE INSTITUTIONS OF PROPERTY RIGHTS AND INFORMED CONSENT IN THE USE OF HUMAN BIOLOGICAL MATERIAL

The paper reveals the importance of the institutions of informed consent and property rights in relations with human biological material in the light of the study of foreign legislation and judicial practice. **Purpose:** to analyze the social relations that arise regarding human biological material through the prism of the institutions of property rights and informed consent for the receipt, storage, transfer and disposal of human biological material. **Methods:** logical, historical, systemic, structural-functional, comparative, analogies and modeling are used as general scientific research methods, special legal methods are used: formal-legal, comparative-legal, interpretation, legal modeling. **Results:** the study on the example of court cases considered in the United States concludes that there is a need to adjust domestic law in order to regulate relations and protect the rights of subjects of relations having an impact on human biological material.

Keywords: human biological material; donor; property right; property right to human biological material; informed consent.

References

1. Skloot R., *The Immortal Life of Henrietta Lacks*. New York, Crown Publ., 2010. 381 p.
2. Javitt G. Why Not Take All of Me? Reflections on the Immortal Life of Henrietta Lacks and the Status of Participants in Research Using Human Specimens. *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*, 2010, no. 2, pp. 731–734.
3. Tindana P., Depuur C., de Vries J., Seeley J., Parker M. Informed consent in genomic research and biobanking: taking feedback of findings se-

riously. *Global Bioethics*, 2020, no. 31, pp. 200–215. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/11287462.2020.1717896>.

4. Harmon A. Indian Tribe Wins Fight to Limit Research of Its DNA. *New York Times*, 2010, April 21.

5. Goodwin M. Altruism's Limits: Law, Capacity, and Organ Commodification. *Rutgers Law Review*, 2004, no. 2, pp. 361.

6. Suter S. Did You Give the Government Your Baby's DNA? Rethinking Consent in Newborn Screening. *Minnesota Journal of Health Law, Science & Technology*, 2014, no. 2, pp. 729–790.

7. Lewis M.H. et al. State Laws Regarding the Retention and Use of Residual Newborn Screening Blood Samples. *Pediatrics*, 2011, no. 4, pp. 703–712.

8. Rao R. Coercion, Commercialization, and Commodification: The Ethics of Compensation for Egg Donors in Stem Cell Research. *Berkeley Technology Law Journal*, 2006, no. 3, pp. 1055–1066.

9. Bailey E. Wilson Signs Bill Making Theft of Human Eggs a Crime. *LA Times*, 1996, September 26.

10. Chrysler D., McGee H., Bach J., Goldman E., Jacobson P. The Michigan Biotrust for Health: Using Dried Bloodspots for Research to Benefit the Community While Respecting the Individual. *Journal of Law, Medicine & Ethics*, 2011, no. 1, pp. 98–101.

Received: 21.08.2021

УДК 349

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.11

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующей сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Россия; polyakova_ta@mail.ru.

Статьи в БД Scopus/Web of Science: DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_24

КАМАЛОВА Гульфия Гафиятовна

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой информационной безопасности в Управлении Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия; gulfia.kamalova@gmail.com.

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.17223/22253513/40/4, 10.24411/2078-5356-2018-10427

**«ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА¹**

Статья посвящена современным проблемам формирования правового обеспечения разработки, внедрения и использования систем искусственного интеллекта и робототехники как одного из векторов развития российского информационного права. **Целью** исследования является научное осмысление места совокупности правовых норм, регулирующих отношения, связанные с указанной цифровой технологией, в системе современного права России. В ходе проведенного исследования использовалась группа взаимосвязанных **методов**, выбор которых обусловлен предметом данного научного исследования, включая методы системного анализа, обобщения, формально-логический. Сделан **вывод** о том, что в настоящее время сложились объективные условия и необходимость формирования комплексного правового института –

¹ Статья выполнена по Государственному заданию № 0136-2021-0042 «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности».

права искусственного интеллекта в системе информационного права. В статье обосновывается комплексный характер указанного института и отмечается, что право искусственного интеллекта, являясь сложным образованием, неразрывно связано с рядом институтов информационного права: персональных данных, информации ограниченного доступа, интернет-права, идентификации, ответственности в информационной сфере и др.

Ключевые слова: системы искусственного интеллекта; робототехника; киберфизическая система; робоправо; информационное право; правовой институт; отрасль права; система права.

В современных условиях дальнейшего развития информационного общества и цифровизации закономерно усиливаются процессы революционного изменения структуры и особенностей регулируемых общественных отношений, динамического совершенствования системы права, переосмысления базовых правовых концепций, начал права и правовой методологии. В связи с этим можно утверждать, что трансформация правового обеспечения общественных отношений характерна сегодня для всех юрисдикций в мире и обусловлена объективным свойством права отражать происходящие процессы, целенаправленно формируя модель правомерного поведения, соответствующего совокупности объективных условий их реализации.

Исследователи традиционно отмечают наметившуюся в связи развитием и активным внедрением передовых цифровых технологий общую трансформацию права, выразившуюся в системных изменениях правового категориально-понятийного аппарата, формировании новых институтов, развитии и переосмыслении положений существующих институтов права, что в целом позволяет констатировать модернизацию правового обеспечения, включая правовое регулирование. Указанное диктуется логикой преобразования социума и изменением «регуляторного ландшафта» [1], трансформацией правовых ценностей [2].

В праве в целом и отдельных его отраслях сформировались новые векторы развития, являющиеся ответом права на возрастающую социальную значимость информационной сферы в жизни общества. Эти тенденции усиливаются в связи с проблемами и вызовами современного цифрового общества, требующими новых моделей и механизмов правового регулирования. Значение правового обеспечения искусственного интеллекта особо актуально в условиях мировой пандемии COVID-19 и инфодемии [3].

Сложившиеся обстоятельства, несомненно, свидетельствуют о динамике современной системы права. Это требует осмысления происходящих процессов как со стороны теории права, так и отраслевых юридических наук, включая информационное право.

Особую роль в процессе цифровой трансформации общественных отношений и их правового обеспечения играет потребность во всестороннем правовом обеспечении разработки, внедрения и использования так называемых прорывных цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и робототехники, больших данных, интернета вещей, квантовых технологий и др. Важно отметить, что развитие отечественных прорывных цифровых технологий и внедрение их в управленческую и хозяйственную деятельность создает базу для перехода российской экономики на следующий технологический уровень, что особенно актуализируется на фоне стремления ряда западных экономически развитых государств сохранить свои технологические преимущества и использовать их для усиления мировых диспропорций и социального неравенства. В целях обеспечения суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации среди иных задач согласно Стратегии национальной безопасности РФ стоит вопрос о совершенствовании средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий искусственного интеллекта и квантовых вычислений¹. В связи с этим для научного юридического сообщества одной из ключевых является задача формирования базовых моделей трансформации системы правового регулирования в России в целях обеспечения, с одной стороны, оптимальных условий для разработки и внедрения инновационных цифровых технологий в различные сферы, включая устранение правовых барьеров, с другой – соблюдения признанных прав и свобод, обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Как было отмечено, в число приоритетных направлений развития цифровой экономики входит искусственный интеллект. Модели и технологии искусственного интеллекта как направление развития информационных технологий появились в середине XX в. и уже прошли определенный путь развития. В настоящее время системы искусственного интеллекта и робототехника являются не только научным направлением, но и сравнительно развитой областью экономики. По данным Стэн-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

фордского университета, в 2020 г. мировые инвестиции в устройства и решения на базе искусственного интеллекта увеличились на 40 % и достигли 67,9 млрд долларов¹, и определенную роль в этом сыграла пандемия COVID-19. Прогнозируется дальнейший рост разработок и внедрения указанной технологии, что обуславливает усиление научно-исследовательского интереса к данной проблематике. Так, по данным экспертов НИУ ВШЭ, с 2016 по 2020 г. в России было опубликовано около 4,8 тыс. научных работ по проблематике искусственного интеллекта и наблюдается рост публикаций более чем в 2,5 раза по сравнению с предыдущими годами².

Активизация правовых исследований в сфере искусственного интеллекта относится к периоду 2016–2017 гг. Анализируя проведенные исследования, А.В. Габов и И.А. Хаванова отмечают, что правовые исследования регулирования общественных отношений, связанные с системами искусственного интеллекта и робототехники, строятся вокруг трех следующих основных групп вопросов: 1) правовой режим и правовой статус искусственных интеллектуальных систем; 2) свойства таких объектов и риски, возникающие в связи с их развитием; 3) формирование норм, направленных на развитие робототехники и систем искусственного интеллекта [4, с. 216].

Полагаем, что данная позиция дискуссионна, поскольку группы правовых и этических вопросов, обсуждаемых (разрабатываемых) исследователями в связи с развитием и внедрением систем искусственного интеллекта, робототехники и киберфизических систем, значительно шире. Даже фрагментарный анализ известных научных работ показывает, что правовые исследования в связи с разработкой и внедрением искусственного интеллекта, кроме указанных вопросов, также ведутся по вопросам развития понятийно-категориального аппарата и концептуальных аспектов регулирования, формирования международно-правовых основ регулирования искусственного интеллекта и робототехники, охраны прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, применения искусственного интеллекта в сфере расследования преступлений и судопроизводства, особенностей общественных отношений

¹ The AI index report. Measuring trends in Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 07.09.2021).

² Россия и Москва в гонке за искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://issek.hse.ru/news/478710159.html> (дата обращения: 07.09.2021).

в отдельных сферах и их правового регулирования (банковская деятельность, медицина, транспортная сфера и т. д.), юридической ответственности и многих иных [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Полагаем, что это определено объективными закономерностями развития общественных отношений в сфере разработки, внедрения, использования устройств и решений на базе технологии искусственного интеллекта и их правового регулирования.

Исследование показало, что в настоящее время идет процесс формирования правового института искусственного интеллекта, имеющего свой категориально-понятийный аппарат, систему правовых принципов, общие правовые нормы и правила, направленные на регламентацию отдельных правовых вопросов, включая регулирование разработки, производства, функционирования и использования определенных видов систем искусственного интеллекта, роботов и киберфизических систем в медицине (здравоохранении), системе государственных и муниципальных услуг, социальном обслуживании, на транспорте и в иных областях.

В целях развития данной перспективной цифровой технологии в Российской Федерации в конце 2019 г. Президентом РФ была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹. В августе 2020 г. была принята Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года². При этом необходимо отметить, что нормы, регулирующие применение технологии искусственного интеллекта, уже закреплены в ряде федеральных законов³. В целях ускоренного развития технологии искусственного интеллекта в конце

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

² Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35, ст. 5593.

³ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5017 ; О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : федер. закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17, ст. 2701.

2020 г. Президент РФ дал поручения¹, среди которых определена необходимость принятия федеральных законов, обеспечивающих возможность экспериментальных правовых режимов для расширения применения технологии искусственного интеллекта в отдельных отраслях, и мер, направленных на стимулирование инвестиционной деятельности в данной сфере.

Развитие правового регулирования разработки, внедрения и использования устройств и решений на базе технологии искусственного интеллекта требует научного осмысления места совокупности правовых норм, объединенных единым предметом в системе права. Так называемое право искусственного интеллекта, по мнению ряда исследователей, может рассматриваться как правовой институт и даже как самостоятельная отрасль права. Такой позиции придерживается, например, Н.В. Мишина, полагающая, что право искусственного интеллекта является формирующейся под влиянием развития цифровизации общественных отношений отраслью права [14]. При этом она обосновывает целесообразность наименования новой группы правовых норм, формирующихся в связи регулированием искусственного интеллекта, как «право искусственного интеллекта», отмечая, что иные названия, включая «робоправо», не в полной мере отражают функциональную основу той цифровой технологии, которая лежит в основе развития общественных отношений.

А.А. Косых полагает, что право искусственного интеллекта можно определить как «совокупность правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, связанных с технологиями искусственного интеллекта» [15, с. 162], и обосновывает свою позицию о его сущности как института права. Хотя такая точка зрения, по нашему мнению, сегодня не представляется в полной мере обоснованной, полагаем целесообразным согласиться с данным исследователем в той части, что «выделение права искусственного интеллекта в самостоятельную отрасль права требует дифференциации однородных общественных отношений в общей массе общественных отношений; интеграции норм, направленных на регулирование данных отношений, в систему права и выработки приемов и способов, с помощью которых общественные отношения в сфере технологий искусственного интеллекта будут упорядочены» [15, с. 162]. Высказанная А.А. Косых позиция о сущности

¹ Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту (утв. Президентом РФ 31.12.2020 № Пр-2242) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859> (дата обращения: 07.09.2021).

формирующегося права искусственного интеллекта представляется более взвешенной. Однако со временем, по мере широкого проникновения устройств и решений на базе искусственного интеллекта в общественные отношения, разработки ключевых правовых вопросов, безусловно, следует ожидать развития правового института искусственного интеллекта как подотрасли информационного права.

Вместе с тем нельзя не отметить, что отрасль и подотрасль права на основе положений теории права традиционно характеризуются самостоятельным предметом и методом правового регулирования, системными признаками, характерными для соответствующего самостоятельного элемента системы права, а также развитым законодательством в соответствующей области регулирования. Не вызывает сомнений, что отрасль и подотрасль права являются сложными образованиями и имеют законодательно выделенные общие положения или ассоциации общих норм, содержательно объединяющие входящие в отрасль правовые институты. Исследователи отмечают, что отраслевые образования в праве характеризуются объективно существующей внутренней структурой, включающей подотрасли, институты и иные взаимодействующие элементы, структурной упорядоченностью норм, наличием общих принципов и иерархическим строением. Целесообразно также отметить, что институты права в определенной отрасли прочно взаимосвязаны между собой, что детерминировано однородностью регулируемых общественных отношений, общим предметом и методом. Следует признать, что все это в настоящее время не характерно для формирующегося правового обеспечения в рассматриваемой области, на наш взгляд, преждевременно называемой правом искусственного интеллекта.

При этом формирующийся правовой институт, связанный с искусственным интеллектом, носит комплексный характер и взаимодействует с теоретико-правовыми институтами и институтами целого ряда отраслей права, включая международное, конституционное, гражданское, административное, финансовое, налоговое, бюджетное, трудовое, медицинское, военное, уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное право и т. д.

В теоретическом аспекте для зарождающегося института, пока условно называемого «право искусственного интеллекта», ключевое значение имеет решение вопросов правового статуса искусственного интеллекта как квазисубъекта права и развития охраны прав и свобод человека в условиях цифровизации. В частности, представляется, что существенное значение в системе правового регулирования разработки,

внедрения и использования устройств и решений на базе искусственного интеллекта имеют вопросы обеспечения права на неприкосновенность частной жизни. Кроме того, следует отметить взаимосвязь с такими подотраслями права, как, например, право интеллектуальной собственности в информационной сфере и др. Среди отраслевых правовых наук особое значение для развития данного института имеет динамично развивающаяся отрасль, направленная на правовое обеспечение цифровых технологий, – информационное право.

В информационном праве институт искусственного интеллекта, являясь, как уже отмечалось, сложным образованием, связан с группой иных правовых институтов. К ним, вероятно, следует отнести в первую очередь институты персональных данных, информации ограниченного доступа, интернет-права, идентификации, ответственности в информационной сфере и ряд иных. Содержание так называемого права искусственного интеллекта уже сегодня (хотя, на наш взгляд, оно является недостаточно корректным) определяется правовым регулированием общественных отношений в информационной среде, включая правовое регулирование цифровых технологий и информационных систем, цифровизации государственного управления и экономической деятельности, функционирования информационной инфраструктуры, защиту прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере, правовое обеспечение информационной безопасности, ответственность за правонарушения в информационной сфере.

Нельзя отрицать, что развитие правового обеспечения в данной области, касающейся развития технологий искусственного интеллекта, оказывает значительное влияние на доктринальные положения информационного права, включая разработку таких фундаментальных вопросов, как развитие системы его принципов и субъектов.

Развитие правового института искусственного интеллекта в настоящее время определяется как процессами расширения применения указанной технологии, так и конвергенции цифровых технологий. Существенное место в правовом обеспечении разработки, внедрения и использования технологии искусственного интеллекта занимают правовые аспекты технологий больших данных, облачных, квантовых технологий и иных цифровых технологий, применяемых неразделимо в цифровых решениях и устройствах, что усиливает значение развития информационного права как области научной и практической деятельности [16; 17].

Представляется, сегодня сложились объективные условия и очевидна необходимость формирования в системе информационного права комплексного правового института, связанного с развитием искусственного интеллекта, на основе продолжения фундаментальных научных исследований в данной области.

Библиографический список

1. Полякова Т.А., Чеботарева А.А. О новом «регуляторном ландшафте» в условиях цифровой трансформации системы права и экономики // Информационное право. 2020. № 2. С. 4–8.
2. Минбалеев А.В. Трансформация правовых ценностей в процессе законотворчества в условиях цифровизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. Сер.: Право. М. : Инфра-М, 2020. С. 227–231.
3. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / В.В. Блажеев [и др.] ; под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М. : Московск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020. 240 с.
4. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 435. С. 215–233.
5. Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40.
6. Камалова Г.Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртск. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 3. С. 382–388.
7. Каюмова А.Р. Защита прав человека в контексте применения современных биотехнологий: некоторые проблемы // Юрист. 2019. № 1. С. 64–71.
8. Модели правового регулирования создания, использования и распространения роботов и систем с искусственным интеллектом : моногр. / Г.Г. Камалова [и др.] ; под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб. : НП-Принт, 2019. 252 с.
9. Наумов В.Б., Камалова Г.Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Ин-та государства и права Российск. акад. наук. 2020. Т. 15, № 1. С. 81–93.

10. Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14–18.

11. Павликов С.Г. О перспективах нейрокибернетического («сильного») искусственного интеллекта в банковской деятельности // Банковское право. 2020. № 5. С. 33–38.

12. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития : моногр. / В.В. Архипов [и др.] ; под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб. : НП-Принт, 2020. 260 с.

13. Сумин А.А., Химичева О.В. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств Азиатско-Тихоокеанского региона: общий обзор // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 18–21.

14. Мишина Н.В. Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский союз ученых. 2020. № 3-5 (72). С. 62–65.

15. Косых А.А. Право искусственного интеллекта в системе права: отрасль или правовой институт? // Вестник Владимирск. юрид. ин-та. 2021. № 1 (58). С. 159–164.

16. Полякова Т.А. Методологические подходы к систематизации информационного законодательства в условиях перехода к информационному обществу // Вестник Российск. правовой акад. 2007. № 4. С. 85–87.

17. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92.

Дата поступления: 13.09.2021

POLYAKOVA Tatiana Anatolievna

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting Head of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia; Polyakova_ta@mail.ru.
Articles in Data Base Scopus/Web of Science:
DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_24

KAMALOVA Gulfiya Gafiyatovna

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Information Security in Management, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; gulfia.kamalova@gmail.com.
Articles in Data Base Scopus/Web of Science:
DOI: 10.17223/22253513/40/4, 10.24411/2078-5356-2018-10427

**«LAW OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE»
AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF INFORMATION LAW**

The paper is devoted to contemporary problems of legal support for the development, introduction and use of artificial intelligence and robotics systems as one of the vectors of the development of Russian information law. The **purpose** of the study is to gain scientific insight into the place of a set of legal norms governing relations associated with this digital technology in the system of modern Russian law. In the course of the study, a group of interrelated **methods** is used, the choice of which is determined by the subject of scientific work, including system analysis, generalization, and the formal-logical method. As a **result** of the study, it is concluded that at present there are objective conditions and the need to establish a complex legal institution – the law of artificial intelligence in the information law system. The paper substantiates the complex nature of this institution and notes that the law of artificial intelligence, being a complex formation, is associated with a group of legal institutions of information law – institutions of personal data, information of limited access, Internet law, identification, responsibility in the information sphere and others.

Keywords: artificial intelligence systems; robotics; cyber-physical system; robotic law; information law; legal institution; branch of law; system of law.

References

1. Polyakova T.A., Chebotareva A.A. On the New Regulatory Landscape in the Conditions of Digital Transformation of Legal and Economic Systems. *Informacionnoe pravo = Information law*, 2020, no. 2, pp. 4–8. (In Russian).
2. Minbaleev A.V. Transformation of legal values in the process of lawmaking in the context of digitalization. *Pravovye cennosti v svete novyh paradig razvitiya sovremennoj civilizacii. Sbornik nauchnyh trudov. Seriya: Pravo* [Legal values in the light of new paradigms of the development of modern civilization. Collection of scientific papers. Series: Law]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020, pp. 227–231. (In Russian).
3. Blazheev V.V., Egorova M.A., Barabashev A.G., Zasemkova O.F., Kashkin S.YU., Minbaleev A.V., Ponomareva D.V., Shakhnazarov B.A.; Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.). *Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v usloviyah pandemii i infodemii* [Legal regulation of artificial intelligence in a pandemic and infodemic]. Moscow, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2020. 240 p.
4. Gabov A.V., Khavanova I.A. Evolution of robots and the 21st-century law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2018, no. 435, pp. 215–233. (In Russian).
5. Begishev I.R. International legal framework for regulating artificial intelligence and robotics. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public International and Private International Law*, 2021, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).
6. Kamalova G.G. Some questions of criminal legal responsibility in the field of application of artificial intelligence systems and robotics. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2020, vol. 30, no. 3, pp. 382–388. (In Russian).
7. Kayumova A.R. Human rights protection in view of application of modern biotechnologies: some issues. *YUrist = Jurist*, 2019, no. 1, pp. 64–71. (In Russian).
8. Kamalova G.G., Mosin M.V., Naumov V.B., Nezamov A.V., Nikolskaya K.YU.; Naumov V.B. (ed.). *Modeli pravovogo regulirovaniya sozdaniya, ispol'zovaniya i rasprostraneniya robotov i sistem s iskusstvennym intellektom* [Models of legal regulation of creation, use and distribution of robots and systems with artificial intelligence]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019. 252 p.

9. Naumov V.B., Kamalova G.G. Problems of the formation of the conceptual apparatus in the field of artificial intelligence. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of state and law of RAS*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 81–93. (In Russian).

10. Neznamov A.V. On application of artificial intelligence technologies in justice: a terminological aspect. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2019, no. 10, pp. 14–18. (In Russian).

11. Pavlikov S.G. On the prospects of neurocybernetic (strong) artificial intelligence in banking. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2020, no. 5, pp. 33–38. (In Russian).

12. Arkhipov V.V., Kamalova G.G., Naumov V.B., Neznamov A.V., Nikolskaya K.YU., Tytyuk E.V.; Naumov V.B. (ed.). *Pravovye i eticheskie aspekty, svyazannye s razrabotkoj i primeneniem sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems: history, current state and development prospects]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2020. 260 p.

13. Sumin A.A., Khimicheva O.V. Artificial Intelligence in Criminal Proceedings in the Asia-Pacific Region: An Overview. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya = International Criminal Law and International Justice*, 2020, no. 2, pp. 18–21. (In Russian).

14. Mishina N.V. Artificial intelligence law as a new area of legal regulation or a new branch of law *EvrAzijskij soyuz uchenyh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 3-5 (72), pp. 62–65. (In Russian).

15. Kosy'kh A.A. The artificial intelligence law in law system: branch of law or law institution? *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2021, no. 1 (58), pp. 159–164. (In Russian).

16. Polyakova T.A. Methodological approaches to the systematization of information legislation in the context of the transition to the information society. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2007, no. 4, pp. 85–87. (In Russian).

17. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Formation of the information law system as a scientific direction: stages of development and prospects. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 2, pp. 80–92. (In Russian).

Received: 13.09.2021

УДК 004:316

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.12

ПУЧКОВ Олег Александрович

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, директор Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия; argun061@gmail.com.

Статьи в БД Scopus/Web of Science: DOI: <https://doi.org/10.2991/ispc-19.2019.111>

ФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРАВО: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

В современной юридической науке вопросам правовой природы технико-физических явлений, из которых состоит кодированный сигнал, передаваемый в форме файла и содержащий некоторое количество бит информации, посвящено не много исследований. Остается неизученным блок вопросов, касающихся правовой сущности информационного потока в его технико-физическом смысле и правовой природы передаваемого сигнала от излучателя к приемнику. При ближайшем рассмотрении выясняется также, что сигнал, передаваемый в Интернете вещательными организациями, не имеет однозначной трактовки с точки зрения норм и принципов авторского права. Это, в свою очередь, делает актуальной проблеме правовой охраны транслируемого в сети Интернет сигнала. В статье проводится мысль о том, что Сеть, Мировая паутина, представляет собой непрерывное взаимодействие физического (электрического) и информационного начала. При этом физически электрический сигнал транслируется в закодированной форме и имеет логически организованное информационное содержание. Эта бинарная сущность сигнала, транслируемого от источника к потребителю, не получила должного описания в правовых исследованиях. **Цель** статьи состоит в исследовании современных тенденций понимания правовой природы закодированного электрического сигнала, транслируемого в сетевом пространстве соответствующим источником и принимаемого потребителем. **Методы**, использованные в хо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

де исследования, относятся к двум видам: во-первых, это формально-юридический метод, связанный с уяснением и толкованием правовых норм, прояснением складывающейся ситуации в правовом регулировании интернет-пространства; во-вторых, методы анализа и синтеза, предполагающие последовательное раскрытие технической, социальной и культурной природы интернет-пространства. **Результаты** исследования позволили выявить двойственную природу сигнала, который является средством передачи информации в информационной сети. Сущность сигнала (энергия) имеет кодированную форму, позволяющую воспринимать информацию, транслируемую источником сигнала. Правовое регулирование передачи и приема таких сигналов нуждается в существенном дополнении.

Ключевые слова: сетевое пространство; информация; сигнал; кодирование; право; авторское право.

Как известно, кто владеет информацией, тот владеет миром. Информационное пространство современного мира, в силу глобального сетевого взаимодействия, отображается (в той или иной степени) в сознании человека, приобретая материально-идеальные черты. Однако любое пространство, в том числе сетевое, не может существовать независимо от материи и от времени, в течение которого передается и принимается определенная информация.

Уместно задать вопрос: чем является сетевое пространство в технико-физическом отношении? Отвечая на него, отметим, что это структурированное закодированное пространство, элементами которого являются выраженные материальные объекты, в том числе передающие и принимающие компьютерные устройства. Это пространство, развивающееся по своим специфическим законам и не всегда нацеленное на потребление определенным субъектом. С юридической точки зрения оно имеет абстрактно-нейтральный характер для субъектов, его использующих. Если рассматривать пространство в привычном диалектико-материалистическом дискурсе, то любое пространство – это форма бытия материи. Может ли в таком случае код, передаваемый и принимаемый в сетевом пространстве, обладать признаками материальности? Материя всегда исходит из первичности. Что является ее начальным и единичным основанием?

Для физического мира таким основанием являются элементарные частицы, которые, заметим, нередко ведут себя парадоксальным образом

(к примеру, при ускорении протон разбивается на кварки, которые в физическом измерении больше самого начального звена, то есть протона).

Для сетевого мира первичным является электрический сигнал, кодируемый в некоторой рациональной последовательности и воспринимаемый компьютером (благодаря составленной человеком программе). Остановимся на этом подробнее, поскольку необходимо понять природу окружающего нас сетевого пространства.

Для целей нашего исследования важно признать, что технические устройства приема-передачи цифровых сигналов – компьютерная техника – включают в себя «все виды обеспечения автоматизированных систем управления: математические, лингвистические, технические, программные, информационные и другие» [1, с. 525]. В приведенном определении объединены как материальные, так и нематериальные компоненты, что позволяет нам так же синкретически подойти к пониманию природы сетевого пространства. Последнее, с одной стороны, состоит из разнородных элементов, с другой стороны, представляет единое целое. Связующим средством такого единства, по нашему мнению, выступает сигнал (электромагнитные колебания), содержащий в конечном счете релевантную информацию для участников сетевого взаимодействия. Информация, набранная в виде знаков, которые закодированы уникальной последовательностью электрических сигналов, воспринимается получателем через компьютер, принимающий электрические сигналы, направляемые их отправителем. Эти сигналы получают цифровое соответствие (код), когда пользователь нажимает ту или иную клавишу на клавиатуре персонального компьютера. В информатике используется понятие «исходный код» – текст на языке программирования, который создается и может быть прочитан человеком [2, с. 8]. Существует и другое определение: «код ... есть совокупность условных сигналов, обозначающих дискретное сообщение» [3, с. 2]. Иначе говоря, кодирование – это преобразование сообщения в прерывный сигнал.

Понятие сигнала таково: это «информационный поток, который в процессе передачи информации поступает к приемнику» [4, с. 5]. Важно отметить, что в современной правовой системе сигналу придается особое юридическое значение, в частности при защите прав вещательных организаций. Так, по авторскому праву (подп. 4 п. 2 ст. 1330 ГК РФ) объектом смежного права организаций эфирного вещания (телерадиовещания) является не программа (концерт, спектакль и т. д.), а «сообщение передачи», то есть процесс передачи сигнала, который в доктрине авторского права именуют вещанием. «Термин "ретрансляция" как

способ использования объекта смежного права, "сообщение передач" введен вместо ранее действующих терминов "сообщение в эфир" и "сообщение по кабелю". По своей сути ретрансляция охватывает те же действия, что и указанные два способа использования, но предполагает обязательным условием одновременно "сообщение передач", непрерывность прохождения сигнала от первоисточника до потребителя»¹.

Таким образом, сигнал – это ключевой элемент не только для вещательных организаций, но и для сетевого пространства, сети Интернет. Однако следует признать, что правовые аспекты этого физического явления до конца не очевидны, в частности не ясно, нужно ли подвергать сигнал правовой охране или нет.

Оценивая действующее правовое регулирование по рассматриваемому вопросу, отметим в качестве позитивного момента, что в настоящее время разработан проект Договора ВОИС о передаче в эфир (ДВПЭ) [5]. Полагают, что наряду с Римской конвенцией² и ТРИПС³, касающимися производителей фонограмм и вещателей, этот проект должен предусмотреть, прежде всего, не охрану творческой деятельности, а имущественные права вещателей, которые не предусмотрены ни Римской конвенцией, ни ТРИПС. Таким образом, новые права, предусмотренные проектом ДВПЭ наряду с правом на распространение, правом на предоставление и правом трансляции, вслед за записью включают и право на защиту интересов вещателей до передачи в эфир. Что же подразумевают под этим разработчики ДВПЭ? Это охрана «доэфирных сигналов», которые не предназначены для приема напрямую [6, с. 10]. В этой связи важно понимать, что конкретно подлежит охране.

Эфирные сигналы до сих пор не получили должного правового регулирования, и тем более отсутствует правовая регламентация доэфирных сигналов. Тем не менее ни у кого не вызывает сомнения, что

¹ Зейналов А.М. Ретрансляция – инструмент обеспечения имущественных прав автора и субъекта смежных прав [Электронный ресурс]. URL: http://lib.broadcasting.ru/articles2/Regandstan/retranslyac_instrum_obespe4_imuschestv_prav (дата обращения: 18.05.2021).

² Международная конвенция по охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций (Рим, 26.10.1961) [Электронный ресурс]. URL: http://www.copyright.ru/ru/library/megdunarodnie_akti/copyright/konventsiya_po_ohrane_prav_ispolnitelei/?copyright= (дата обращения: 19.05.2021).

³ ТРИПС – Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, в котором установлены стандарты защиты прав интеллектуальной собственности и порядок их правоприменения. См. об этом: Карпова Н.Н. Интеллектуальная собственность и ВТО // Российское предпринимательство. 2012. № 2 (200). С. 16–26.

передача контента в эфир – это, по сути, передача электрических сигналов. Какие же сигналы наполняют пространство сети Интернет? Это цифры и коды, в которых содержится информация. Статья 1300 ГК РФ устанавливает, что информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования произведения, которая содержится на экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю, либо в связи с доведением такого произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация. Обратим внимание на то, что законодатель не делает различий между сигналом вещательных организаций и сигналом в сетевом пространстве.

По мнению Е.А. Моргуновой, суть доведения произведения до всеобщего сведения как один из способов использования произведения «заключается в возможности сообщать произведение для всеобщего сведения таким образом, при котором любое лицо может иметь доступ к нему в интерактивном режиме из любого места и в любое время по своему выбору» [7, с. 145]. Это право, закрепленное в Договоре ВОИС по авторскому праву, связано с использованием произведения в сети Интернет, в то время как под сообщением в эфир «понимается любое действие, посредством которого произведение становится доступным для слухового и (или) зрительного восприятия независимо от его фактического восприятия публикой. При сообщении произведения в эфир через спутник под таким сообщением понимается прием сигналов с наземной станции на спутник и передача сигналов со спутника, посредством которых произведение может быть доведено до всеобщего сведения независимо от его фактического приема публикой. Сообщение кодированных сигналов признается сообщением в эфир, если средства декодирования представляются неограниченному кругу лиц организацией эфирного вещания или с ее согласия» [8, с. 121].

В ст. 1329 ГК РФ дано следующее определение вещательной организации: «юридическое лицо, самостоятельно определяющее содержание радио- и телепередач (совокупности звуков и (или) изображений или их отображений) и осуществляющее их сообщение в эфир или по кабелю своими силами или с помощью третьих лиц». При этом в статье нет упоминания о сигнале в сетевом пространстве, а также об обладателе прав на соответствующий сигнал.

Таким образом, для передачи в эфир есть субъект в лице вещательной организации, обладающей правом на сигнал. Но кто является

таким субъектом в сетевом пространстве, которое внесубъектно с точки зрения определения его родоначальников?

Никаких отличий сигнала при вещании в сетевом пространстве, на первый взгляд, нет и, как отмечают исследователи, здесь на первое место выдвигается вопрос о доступности восприятия чего-либо. В отличие от сообщения в эфир или по кабелю, которые доступны лишь в ограниченный период времени, в сетевом пространстве доступность приобретает тотальный характер.

Тем не менее сигнал в сетевом пространстве не только являет собой его сущностную характеристику, но и представляет собой, на наш взгляд, новое физико-символическое явление (субстрат материального и нематериального). Технологии сетевого пространства (построения сети) сводятся к тому, чтобы связать друг с другом удаленные устройства электрически и информационно. То есть кабельная инфраструктура или беспроводная связь (физический интерфейс и канал передачи данных) лежит в основе логического интерфейса – набора правил, который определяет порядок обмена данными между устройствами в сети. Организация передачи данных в компьютерной сети осуществляется как взаимодействие (сетевой карты – физический компонент, и ее драйвера – логический компонент).

Клиент-серверное взаимодействие (программа, отдельный компьютер, служба, первый из которого служит для формирования запроса и передачи его на сервер, а второй представляет собой модуль, постоянно ожидающий прихода запросов от клиентов и обеспечивающий этот запрос) ничего само по себе не заполняет в сетевом пространстве. То, что там рождается и существует – это преобразованный в результате кодирования сигнал, так называемый двоичный код (логический «ноль» или «единица»). И здесь особо важно обратить внимание на то, что при этом взаимодействуют одновременно два уровня (по способу реализации) – физическое кодирование сигнала (к примеру, внутри системного блока компьютера, что эквивалентно двум состояниям: наличия или отсутствия электрического напряжения в сети: есть ток – «единица», нет тока – «ноль») и логическое (существующее «поверх» физического).

Другими словами, цифровая информация передается в сеть в виде закодированного сигнала, управляющего последовательностью электрических импульсов, которые, в свою очередь, соответствуют передаваемым данным. При этом цифровое кодирование использует либо потенциальные, либо импульсные коды. Импульсное кодирование, модуляция с присущими ей алгоритмами, заполняет сетевое пространство и начинает «жить» по своим правилам.

Если передаваемый сигнал продолжительное время не менял последовательность логических нулей и единиц, то это может привести к ошибке при считывании бит информации. Причина в том, что невозможно будет разложить общий поток данных на отдельные составляющие и затем правильно собрать в буфере приемника их исходные структуры. Логическое кодирование «внедряет в длинные последовательности бит свои биты с противоположным значением или вообще может заменить их другими последовательностями».

Абстрагируемся от существующих приемов (технологий) логического преобразования – вставки бит, избыточного кодирования, скремблирования – и остановим внимание на определении «бит» (от binary – двоичный, и digit – знак). Это двоичная единица, измеряющая количество информации, то, что не имеет физического субстрата. При этом у исследователей не вызывает сомнения, что измеряется что-то реально существующее.

В. Гейзенберг, немецкий физик-теоретик, сделал вывод о сложностях применения классических понятий квантовой механики (соотношение неопределенностей) в этой области физики. Посвятив много работ вопросам связи современной физики с античной философией, он защищал «субстанциальную» трактовку энергии в духе энергетизма, считая, что все элементарные частицы возникают из энергии.

Полагаем, что энергетическое поле сетевого пространства – это особый вид энергии, где материальное и идеальное взаимно переходят друг в друга, постоянно меняясь местами. В связи с этим, возможно, что и в сетевом пространстве неприменимы устоявшиеся в науке физические понятия. Воистину прав Демокрит, полагавший, что все – суть закономерности, а случайностей не бывает. Случайными кажутся лишь те события, причин которых мы пока не знаем. Но не вызывает сомнения тот факт, что сетевое пространство – это постоянное взаимодействие физического (электрического) и информационного. Однако физическое кодирование сигнала в сетевом пространстве недостаточно, существует и логическое (как говорят, существующее на более высоком уровне «поверх физического»).

Таким образом, сигнал в сети Интернет – это абсолютно уникальное явление, не получившее строгого определения ни в теоретической физике, ни в отраслевом законодательстве и теории информационного права. Однако мы при всем этом вынуждены признать, что сигналы, передаваемые по сети Интернет, благодаря своим особым характеристикам, отличным от сигналов при вещании, позволяют их объяснять аналогично сигналам, имеющим место в живой природе.

Обратимся в этой связи для подтверждения нашего вывода к примеру, связанному с криптографической защитой информации. В связи с тем, что в Российской Федерации отсутствует государственная система регистрации авторских прав, в силу п. 4 ст. 1259 ГК РФ именно на авторов возложена обязанность доказывать свое авторство в суде. Для этого избираются разные способы фиксации авторских прав: направление самому себе произведения письмом с описью вложения, в котором содержится информация о произведении; регистрация произведения в общественной организации РАО; нотариальное заверение интернет-страницы (протоколом осмотра интернет-страницы с опубликованными на ней объектами интеллектуальной собственности). Но в настоящее время появляются и новые, нетрадиционные способы фиксации авторских прав. Одним из них можно признать хэш-функцию файла – такой индивидуальный идентификатор файла, который считывается персональным компьютером путем определенных математических преобразований информации, содержащейся в нем. Это своеобразное «факсимиле», дающее возможность не только контролировать целостность важных данных, файлов, операционной системы и т. д., но и установить приоритет автора. Это своего рода ДНК информации, передаваемой в виде файла.

Еще одно (близкое к биологическому) свойство цифрового сигнала – его регенерация, то есть восстановление формы линейного сигнала и, следовательно, восстановление информации. Как известно, регенерация – это с точки зрения биологии восстановление организмом утраченных органов и тканей, а также восстановление целого организма из его части. Причем отмечено, что чем ниже уровень биологического существа, тем выше уровень его регенерации.

Таким образом, следует признать, что сигналы, которые связывают сетевое пространство в единое целое, обладают материальными характеристиками, делающими эти сигналы доступными для передающих и воспринимающих устройств. Опираясь на гениальные выводы К.Э. Циолковского, который задолго до появления интернет-пространства утверждал, что жизнь бесконечно разнообразна, что она существует в виде силовых полей, космических излучений, магнитного поля и т. д., опираясь на эти утверждения, следует признать, что кодированные сигналы в сети Интернет бестелесны по природе, но могут обладать качествами, близкими к биологическим организмам.

Нам трудно себе представить материальность кода или сигнала, но мы можем ощутить непосредственно их воздействие. Неслучайно

известный ученый С. Хокинг назвал электронные вирусы живыми, так как они, как и другие существа, способны к саморазвитию и совершенствованию своих возможностей. А поскольку их основная цель – уничтожение и разрушение, то, возможно, со временем они научатся убивать не только компьютеры, но и их операторов¹. Компьютерные вирусы хотя и не имеют собственного обмена веществ, но они паразитируют на зараженном компьютерном устройстве, то есть ведут себя точно так же, как известные в биологии вирусы, которые паразитируют на зараженных биологических организмах. И этими вирусами заражено все сетевое пространство, представляющее собой способ их существования. При этом не надо забывать, что компьютерный вирус – это тоже сигнал – вид вредоносной программы, способной внедряться в код других программ, системные области памяти, загрузочные секторы и распространять свои копии по разнообразным каналам связи. С. Хокинг предрекал появление в сетевом пространстве новой формы жизни. Сегодня следует признать, что ученые до сих пор не пришли к единому мнению о том, что такое биологический вирус, также не ясно, как определять понятие «сетевой вирус», ведь сегодня мы имеем сложную паутину компьютерных сетей, которая опутала весь мир и очень напоминает нейронные сети в человеческом мозге. Как лечить «недуги» этой сети – правовыми или техническими средствами – пока полной ясности нет.

Обретая все более и более новые характеристики, сходные с биологическими, сигналы в сетевом пространстве, отличаясь от сигналов вещательных, нуждаются в дифференцированном правовом регулировании и особом правовом режиме.

Библиографический список

1. Сысенко А.Р., Смирнова И.С., Тимошенко С.Е. Проблемы назначения и производства судебной компьютерно-технической экспертизы // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 4. С. 523–533.
2. Анисимов А.Е. Требования и рекомендации по оформлению программного кода на языках С и С++ : учеб.-метод. пособие. Ижевск : Издательск. центр «Удмуртский университет», 2020. 48 с.
3. Сорока Н.И., Кривинченко Г.А. Телемеханика : в 2 ч. Ч. 2. Коды и кодирование. Минск : БГУИР, 2016. 130 с.

¹ Times сообщила о последнем страхе С. Хокинга [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181015/1530639905.html> (дата обращения: 14.06.2021).

4. Петрушина Е.Б. Лекции по информатике : учеб.-метод. пособие. СПб. : НИУ ИТМО, 2014. 105 с.

5. Талимончик В.П. Проект договора ВОИС об охране прав вещательных организаций // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : матер. XV Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 т. Т. 3. Актуальные проблемы юридической науки. Тольятти : Волжск. ун-т им. В.Н. Татищева, 2018. С. 110–114.

6. Дрейер Т. Размышления о проекте Договора ВОИС о передаче в эфир и его воздействие на свободу самовыражения // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. 2006. № 3. С. 4–13.

7. Моргунова Е.А. Авторское право : учеб. пособие / отв. ред. В.П. Мозолин. М. : Норма, 2008. 287 с.

8. Черячукин В.В. Понятие и содержание авторских прав // Интеллектуальная собственность. (Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) : учеб. пособие / под ред. Н.М. Коршунова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. С. 106–129.

Дата поступления: 22.08.2021

PUCHKOV Oleg Alexandrovich

*Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law,
Director of the Institute of Prosecutor's Office, Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russia; poa001@usla.ru.*

Articles in data base Scopus/Web of Science: DOI:

<https://doi.org/10.2991/ispc-19.2019.111>

**THE PHYSICAL NATURE OF THE NETWORK SPACE
AND LAW: SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS**

In modern legal science, few studies are devoted to the issues of the legal nature of technical and physical phenomena that make up an encoded signal transmitted in the form of a file and containing a certain number of bits of information. At the same time, a set of questions relating to the legal nature of the information flow in its technical and physical sense and the legal nature of the transmitted signal from the emitter to the receiver remains unexplored. A closer look also reveals that the signal transmitted on the Internet by broadcasters is not unambiguous in terms of copyright law and principles. This, in turn, makes the issue of legal protection of the signal broadcast on

the Internet topical. The paper suggests that the Web, the World Wide Web, is a continuous interaction of the physical (electrical) and information beginnings. Furthermore, physically the electric signal is transmitted in a coded form and has logically organized information content. This binary nature of the signal transmitted from source to consumer has not been properly described in legal studies. The **purpose** of the work is to study current trends in understanding the legal nature of the encoded electrical signal, transmitted in the network space by the relevant source and accepted by the consumer. The **methods** used in the research are of two types: firstly, this is a formal legal method associated with understanding and interpreting legal norms, clarifying the current situation in the legal regulation of the Internet space; secondly, the methods of analysis and synthesis, implying a consistent disclosure of the technical, social and cultural nature of the Internet space. The **results** of the study reveal the dual nature of the signal, which is a means of transmitting information on the information network. The nature of the signal (energy) has a coded form, which makes it possible to receive the information transmitted by the signal source. The legal regulation of the transmission and reception of such signals requires substantial additions.

Keywords: network space; information; signal; coding; law; copyright.

References

1. Sysenko A.R., Smirnova I.S., Timoshenko S.E. Problems of Appointment and Production of Forensic Computer-Technical Expertise. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 523–533. (In Russian).
2. Anisimov A.E. *Trebovaniya i rekomendacii po oformleniyu programmnogo koda na yazykah S i S++* [Requirements and recommendations for the design of the program code in C and C ++]. Udmurt University Publ., 2020. 48 p.
3. Soroka N.I., Krivinchenko G.A. *Telemekhanika* [Telemechanics]. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics Publ., 2016, pt. 2. 130 p.
4. Petrushina E.B. *Lekcii po informatike* [Informatics lectures]. National Research University ITMO Publ., 2014. 105 p.
5. Talimonchik V.P. WIPO Draft Treaty on the Protection of Broadcasting Organizations. *Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki. Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Tatishchev Readings: Actual Problems of Science and Practice. Materials of

the XV International Scientific and Practical Conference]. Volzhsky University after V.N. Tatischev Publ., 2018, vol. 3, pp. 110–114. (In Russian).

6. Dreyer T. Reflections on the Draft WIPO Broadcasting Treaty and its Impact on Freedom of Expression. *Byulleten' YUNESKO po avtorskomu pravu = UNESCO copyright bulletin*, 2006, no. 3, pp. 4–13. (In Russian).

7. Morgunova E.A.; V.P. Mozolin (ed.). *Avtorskoe pravo* [Copyright]. Moscow, Norma Publ., 2008. 287 p.

8. Cheryachukin V.V. Concept and content of copyright. In N.M. Korshunov (ed.). *Intellektual'naya sobstvennost'. (Prava na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti i sredstva individualizacii)* [Intellectual property. (Rights to the results of intellectual activity and means of individualization)]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014, pp. 106–129. (In Russian).

Received: 22.08.2021

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.13

СИТДИКОВА Гузель Зуфаровна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права и процесса Института права
Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия; g40773@yandex.ru*

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИСТИКА И АЛГОРИТМ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Квалификация преступления представляет собой аналитический процесс правоприменительной деятельности, направленный на установление и юридическое закрепление соответствия между фактическими обстоятельствами анализируемого деяния и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного в Особенной части УК РФ. Квалификация преступления определяет «стартовую точку» активации уголовного преследования. Аналитическая логистика субъекта квалификации проходит последовательные этапы, формируемые алгоритмом квалификации. Правильная квалификация преступления с использованием разработанного алгоритма обосновывает соответствие фактических обстоятельств анализируемого деяния и вменяемому в вину лицу преступления. **Цель:** анализ теории и практики квалификации преступлений, разработка системы аналитической логистики и типового алгоритма квалификации. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, моделирования, теоретические методы формальной и диалектической логики, синтеза, образования научных понятий, формулировки закономерностей. **Результаты** исследования позволили определить корреляционные факторы, влияющие на формулу квалификации, предложить универсальный алгоритм квалификации преступлений, применимый как в досудебном, так и в судебном производстве.

Ключевые слова: уголовная ответственность; юридическая оценка; общественно опасное деяние; этапы квалификации; аналитическая и логическая деятельность.

В соответствии со ст. 2 УК РФ уголовное законодательство определяет общий объект уголовно-правовой защиты: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и обще-

ственной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации, мира и безопасности человечества от преступных посягательств. Для реализации уголовно-правовой защиты охраняемых благ в нормах Особенной части УК РФ находятся под запретом те деяния, которые представляют угрозу защищаемым уголовным законом объектам, создавая общественную опасность.

В основе реализации уголовной ответственности лежит особая форма правоприменительной деятельности – квалификация преступления. С точки зрения уголовно-правовых отношений от правильной квалификации зависит верное определение оснований для привлечения и освобождения от уголовной ответственности, вид и размер наказания. В сфере уголовно-процессуальных отношений правильная квалификация предопределяет форму, сроки и особенности предварительного расследования, подсудность и порядок судебного разбирательства. С точки зрения криминалистики правильная квалификация преступления лежит в основе планирования и организации расследования, тактики производства следственных действий, назначения судебных экспертиз, взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Квалификация преступления определяет «стартовую точку» активации уголовного преследования. Заданная на «стартовой точке» квалификация преступления становится программой, определяющей особенности уголовного преследования, форму предварительного расследования, сроки и условия досудебного и судебного производства.

Квалификация преступления состоит в последовательной правоприменительной деятельности субъекта квалификации. Во-первых, это аналитическая логистика субъекта квалификации, построенная на знании и понимании норм права, правильном их толковании, профессиональном опыте и внутреннем убеждении. В процессе аналитической логистики субъекты квалификации – судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель – определяют квалификацию преступления, основывая ее на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств (либо полученных в ходе проверки сообщения о преступлении сведений), оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью.

Во-вторых, квалификацию преступления (легальную, официальную) осуществляет должностное лицо, наделенное такими полномочиями на определенной стадии уголовного процесса. Предварительная квалификация преступления начинается со стадии возбуждения уголовного

дела при проведении проверки сообщения о преступлении дознавателем, органом дознания, следователем либо руководителем следственного органа.

В-третьих, результаты аналитической логики отражаются в соответствующем процессуальном документе в виде юридической оценки общественно опасного деяния в дескриптивной форме (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, приговор, определение, постановление суда).

В.Н. Кудрявцев разделил знания и представления следователя, прокурора и судьи на три элемента: а) представления о фактических обстоятельствах дела; б) представления о содержании уголовно-правовой нормы; в) представления об отношении между фактическими признаками деяния и признаками, предусмотренными в уголовно-правовой норме [1, с. 338].

Квалификация – это творческий процесс, протекающий в законодательных рамках. Юридической оценке предшествует познавательный процесс, который невозможен без самостоятельных творческих навыков и опыта.

М.С. Строгович писал, что юридическая оценка факта и мера назначенного судом наказания зависят от действующего в данное время закона и от ряда других обстоятельств. Само же деяние, событие преступления и вина совершившего его лица ни в какой мере не зависят от судей, являются для них объективным фактом, который судья должен установить, познать таким, каким он имел место в действительности [2, с. 64–65].

Квалификацию преступления осуществляют дознаватель, следователь в досудебном производстве, суд при рассмотрении дела по существу, впоследствии – суд в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Прокурор участвует в процессе квалификации преступления, являясь должностным лицом, уполномоченным осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [3, с. 67].

Прокурор вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, что распространяется и на вопросы о квалификации преступления. Помимо этого при осуществлении надзора прокурор вправе отменить незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделе-

ния дознания и дознавателя, в том числе если оценит их решение о квалификации преступления как незаконное или необоснованное. Таким образом, прокурор является одним из должностных лиц, участвующих в квалификации преступления, и его указания по квалификации реализуются дознавателем или следователем (при отсутствии разногласий) в их процессуальных документах.

Суть квалификации преступления составляет установление в совершенном деянии наличия признаков состава преступления, то есть соотнесение признаков содеянного и признаков состава преступления, итогом которого является констатация совпадения или несовпадения таковых [4, с. 6].

Квалификация преступления – это аналитический процесс правоприменительной деятельности субъекта квалификации, направленный на установление и юридическое закрепление соответствия между фактическими обстоятельствами анализируемого деяния и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного в статье УК РФ.

С методологической точки зрения можно выделить несколько уровней квалификации как познавательно-оценочной деятельности:

1) на гносеологическом (познавательном) уровне квалификация подчинена законам формальной логики, нарушение которых искажает результат квалификации. На этом уровне значимыми становятся философские, логические и психологические основы квалификации;

2) на праксологическом (практическом) уровне квалификация становится видом правоприменительной деятельности субъекта квалификации. На этом уровне первичны механизмы уголовно-процессуальной деятельности дознавателя, следователя или судьи по идентификации и отождествлению следов и признаков преступления, сбору и оценке доказательств;

3) на формально-юридическом уровне квалификация получает юридическую форму в процессуальных документах, выносимых субъектами квалификации, где дана правовая оценка совершенного деяния [5, с. 9].

Алгоритм квалификации позволяет разделить процесс аналитической логики квалификации на этапы с ограничением объема и содержания вопросов, анализируемых на каждом этапе с точки зрения процесса поиска и соответствия уголовно-правовой нормы, применимой и примененной в конкретных обстоятельствах анализируемого общественно опасного деяния.

Аналитическая логистика субъекта квалификации, проведенная по собранным сведениям о фактических обстоятельствах деяния, позволяет правоприменителю сформировать уголовно-правовую оценку действий субъекта и сформулировать обвинение – определить конкретную статью (часть, пункт) Особенной части УК РФ, если необходимо, то со ссылкой на статьи Общей части УК РФ.

На первом этапе алгоритма квалификации осуществляется аналитическая логистика в условиях недостатка информации, как правило, на стадии возбуждения уголовного дела на основе известных сведений о признаках преступления или на последующих стадиях на основе собранных доказательств. На данном этапе необходимо ответить на следующие вопросы: в чем заключаются сведения об известных на данный момент фактических обстоятельствах анализируемого события? Связано ли данное событие или наступившие последствия с действиями человека? в чем состоит причиненный вред или угроза причинения вреда? вид вреда? относится ли совершенное деяние к сфере гражданских, административных правоотношений или является экономическим спором, аморальным, безнравственным поступком? если деяние содержит признаки преступления, то на какие общественные отношения, предусмотренные уголовным законом, направлено посягательство? какой раздел Особенной части УК РФ устанавливает уголовно-правовую защиту данных общественных отношений?

После анализа и соотношения фактических обстоятельств с нормами Особенной части УК РФ не менее актуальным является аналитическое и логическое соотношение сведений о фактических обстоятельствах и норм Общей части УК РФ. Например, подлежат ли применению статьи из Общей части УК РФ, регламентирующие вопросы соучастия; обстоятельства, исключающие преступность деяния; множественность преступлений? Является ли действующим уголовный закон и подлежит ли применению в данных обстоятельствах? Нет ли коллизии, конкуренции уголовно-правовых норм? Нет ли в действиях субъекта преступления юридических или фактических ошибок? Каково разъяснение Пленума Верховного Суда РФ об особенностях квалификации подобного преступления?

На первом этапе, исходя из имеющегося минимума сведений о фактических обстоятельствах, определяются признаки преступления: исключаются возможные основания для применения административной, гражданской, дисциплинарной ответственности; первую юридическую оценку получают фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии признаков преступления; формулируются выводы:

1) совершено действие или бездействие (физического, имущественного, морального или репутационного характера), которое вышло за рамки допустимого законом поведения и создало общественную опасность для защищаемого уголовным законом объекта (ст. 2 УК РФ);

2) причинило совершенное деяние вред или создало угрозу причинения вреда общественным отношениям, которые защищены уголовным законом – в качестве общего и родового объектов преступления;

3) имеются сведения о фактических обстоятельствах, указывающие на наличие признаков преступления, предусмотренного в Особенной части УК РФ;

4) имеются основания для привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, отсутствуют основания для отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

Второй этап алгоритма квалификации направлен на конкретизацию сведений о признаках преступления, родовом и видовом объектах.

Если преступление деяние имеет физический характер, то аналитическая логистика направлена на следующие фактические обстоятельства: количество пострадавших от преступления, тяжесть физического вреда, способ причинения вреда, причинная связь между деянием и последствиями.

Если преступление имеет имущественный характер, то анализу подвергаются обстоятельства, относящиеся к виду и размеру имущественного вреда, реальность вреда или возможность наступления вредных последствий, масштаб последствий, характеристика деяния, направленного на причинение имущественного вреда.

Если преступлением причинен моральный вред, аналитическая логистика определяет обстоятельства, которые указывают на факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий; при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены; степень вины причинителя; какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим; в какой сумме он оценивает их компенсацию, и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора¹.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017; ред. от 26.04.2017). Судебная коллегия по экономическим спорам [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958 (дата обращения: 20.05.2021).

При квалификации преступлений репутационного характера аналитическая логистика направлена на исследование фактических обстоятельств, обосновывающих: умаление права юридического лица на деловую репутацию при доказанности общих условий деликтной ответственности; характер и размер вреда, причиненного деловой репутации; оснований для предъявления требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения¹.

На втором этапе из фактических обстоятельств анализируемого деяния определяются объекты состава преступления, защищаемые уголовным законом общественные отношения, которые закреплены в соответствующем разделе, главе и диспозиции правовой нормы УК РФ.

На третьем этапе аналитическая логистика позволяет обобщить полученные данные и сформулировать обоснованный вывод о квалификации преступления. На данном этапе проведение детального анализа имеющихся фактических обстоятельств формирует достоверную информацию:

– о характеристике объектов, получивших физический, имущественный, моральный вред или умаление деловой репутации (возраст, физическое и психическое состояние, значимость причиненного вреда для личности или имущественного положения, степень тяжести телесных повреждений или иного вреда, размер причиненного вреда);

– о характеристике субъекта преступления (количество, возраст, физическое и психическое состояние, должностное положение, мотивация, цели и др.);

– об объективной стороне преступления (способ совершения, орудия и предметы, используемые при совершении деяния, обязательные и факультативные признаки объективной стороны преступления).

¹ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677 (дата обращения: 20.05.2021).

На третьем этапе анализ имеющихся фактических обстоятельств формирует основания для определения основного, привилегированного, квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления.

Отличительные признаки третьего этапа алгоритма квалификации заключаются в том, что его аналитическая логистика анонсирует уголовно-правовую оценку действий субъекта преступления. Завершением логической и аналитической деятельности субъекта квалификации является составление процессуального решения. Вынесенное процессуальное решение, например постановление о привлечении в качестве обвиняемого либо обвинительный приговор, юридически подтверждает сформулированную квалификацию преступления. Процессуальное решение с отражением обоснованной квалификации преступления влияет на изменения в правовом статусе субъекта преступления, на расширение диапазона мер государственного принуждения, на маршрутизацию досудебного или судебного производства.

На квалификацию оказывают влияние многие обстоятельства, например, мотивация субъекта преступления, которая предусматривается как обязательный признак объективной стороны отдельных составов преступлений [6, с. 69]. Помимо этого, существенное влияние на квалификацию оказывают признаки неоконченного преступления, множественности, соучастия, обстоятельства, исключающие преступность деяния, и др.

В связи с тем, что рассматриваемые обстоятельства могут стать известными субъекту квалификации накануне принятия процессуального решения, нередко закономерным является четвертый этап алгоритма квалификации, который определяет детали квалификации при решении вопроса о применении норм Общей части УК РФ.

На четвертом этапе аналитическая логистика соотносит исследованные фактические обстоятельства с регулированием уголовно-правовых отношений в Общей части УК РФ, что может повлиять на изменение сформулированной квалификации преступления. Например, в различных формах соучастия или множественности, при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеющейся коллизии или конкуренции уголовно-правовых норм, наличии в действиях субъекта преступления юридических или фактических ошибок.

Правильное юридическое толкование и применение статей Общей и Особенной частей УК РФ в правовой оценке признаков состава оказывают существенное влияние на окончательную формулу квалифи-

кации преступления. Допущенные в досудебном производстве и в суде первой инстанции ошибки в квалификации могут быть устранены в апелляционной, кассационной или надзорной инстанциях. Так, Судебная коллегия Верховного Суда РФ в Определении № 78-УД16-10 изменила приговор первой инстанции и последующие судебные решения и переквалифицировала действия осужденного Г. с ч. 1 ст. 228 и ч. 2 ст. 228 УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ. Ранее Г. был признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств. Судебная коллегия обратила внимание на то, что умыслом осужденного, направленным на незаконные приобретение и хранение наркотических средств без цели сбыта, охватывались одни и те же действия с наркотическими средствами в крупном размере, и суд неправильно применил уголовный закон, дополнительно квалифицировав действия осужденного по ч. 1 ст. 228 УК РФ. Такой вывод следует из того обстоятельства, что Г., действуя с единым умыслом, незаконно приобрел и затем незаконно хранил без цели сбыта одновременно в разных местах наркотические средства в количестве, не образующем в общей сложности особо крупный размер, то есть более тяжкий квалифицирующий признак¹.

Правильная квалификация дает верную, соответствующую закону характеристику совершенного преступления и субъекта преступления, значимость общественной опасности деяния, что способствует предупредительному и воспитательному воздействию приговора. Правильная квалификация является обязательной предпосылкой правильного назначения наказания [7, с. 105].

Юридическое значение правильной квалификации заключается в следующем:

- 1) устанавливает основания для привлечения к уголовной ответственности, определения вида и размера наказания;
- 2) обеспечивает соблюдение принципов уголовного судопроизводства;
- 3) дифференцирует категорию преступления и, соответственно, правила и условия назначения и отбывания наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, исчисления сроков давности и т. д.;

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016). Судебная коллегия по уголовным делам. Вопросы квалификации [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogogo-suda-rossiiskoi-federatsii_22/sudebnaia-kollegiia-po-ugolovnym-delam/i_2 (дата обращения: 20.05.2021).

4) влияет на определение процессуальных правил и условий расследования и рассмотрения уголовного дела: подследственность, подсудность, процессуальные сроки, виды мер пресечения и т. д.;

5) имеет криминологическое значение, так как входит в показатели состояния и структуры преступности в уголовной статистике, разработку прогнозов, планирование и осуществление мер предупреждения преступлений различных видов и т. д.

Определив по предлагаемому алгоритму квалификации «стартовую точку», субъект квалификации запускает активацию уголовного преследования по определенной программе, которая зависит от правильно построенной аналитической логики квалификации.

Библиографический список

1. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М. : Наука, 1986. 448 с.

2. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 384 с.

3. Папышева Е.С. К вопросу о некоторых полномочиях прокурора в уголовном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1 (59). С. 66–74.

4. Князьков А.А. Теория и практика квалификации преступлений : учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2018. 99 с.

5. Преступления против личности: учебник для вузов / И.А. Подройкина [и др.] ; под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегиной. 2-е изд., перераб. М. : Юрайт, 2021. 204 с.

6. Лифанова М.В. Мотивационные особенности группового преступного поведения несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2020. № 4. С. 67–73. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.8.10.

7. Волков Б.С., Левшин А.И., Лысов М.Д., Малков В.П. Советское уголовное право: Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина и др. М. : Изд-во Московск. ун-та, 1969. 458 с.

Дата поступления: 13.09.2021

SITDIKOVA Guzel Zufarovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia; g40773@yandex.ru

ANALYTICAL LOGISTICS AND CRIME QUALIFICATION ALGORITHM

The qualification of a crime is an analytical process of law enforcement activity aimed at establishing and legalizing the correspondence between the factual circumstances of the analyzed act and the characteristics of the specific crime provided for in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The qualification of a crime defines the «starting point» for activating criminal prosecution. The analytical logistics of the qualification subject undergoes successive stages formed by the qualification algorithm. The correct crime qualification using the developed algorithm justifies the correspondence between the factual circumstances of the act under analysis and the person charged with the crime. **Purpose:** to analyze crime qualification theory and practice, to develop an analytical logistics system and a model qualification algorithm. **Methods:** the author applies empirical methods of comparison, description, modeling, theoretical methods of formal and dialectical logic, synthesis, formation of scientific concepts, formulation of laws. The **results** of the research make it possible to determine the correlative factors influencing the qualification formula, to propose a universal crime qualification algorithm, applicable in both pre-trial and trial proceedings.

Keywords: criminal liability; legal assessment; socially dangerous act; qualification stages; analytical and logical activity.

References

1. Kudryavcev V.N. *Zakon, postupok, otvetstvennost'* [Law, act, liability]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 448 p.
2. Strogovich M.S. *Material'naya istina i sudebnye do-kazatel'stva v sovetskom ugovnom processe* [Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process]. USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 384 p.
3. Papyшева E.S. To the issue of some powers of a prosecutor in criminal procedure and administrative proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 1 (59), pp. 66–74. (In Russian).

4. Knyazkov A.A. *Teoriya i praktika kvalifikacii pre-stuplenij* [Theory and practice of qualification of crimes]. Yaroslavl State University Publ., 2018. 99 p.

5. Artemenko N.V., Blokhin YU.I., Groshev A.V., Keidunova E.R., Podroikina I.A., Fargiev I.A., Shimbareva N.G.; Podroikina I.A., Seregina E.V. (eds.). *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against the person: a textbook for universities]. 2nd ed. Moscow, YUrajt Publ., 2021. 204 c.

6. Lifanova M.V. Motivational Tools of Group Criminal Behavior of Minors in the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2020, no. 4, pp. 67–73. DOI 10.33184/vest-law-bsu2020.8.10. (In Russian).

7. Volkov B.S., Levshin A.I., Lysov M.D., Malkov V.P.; Menshagin V.D. (ed.). *Sovetskoe ugolovnoe pravo: Obshchaya chast'* [Soviet criminal law: General part]. Moscow University Publ., 1969. 458 p.

Received: 13.09.2021

УДК 342.951

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.14

СМИРНОВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент, ответственный

секретарь Научно-консультативного совета

при Антитеррористическом центре государств – участников СНГ,

г. Москва, Россия; smirnovsng@yandex.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье анализируются вопросы правовой институционализации информационно-психологической безопасности. Рассматривается история научных исследований информационно-психологической безопасности, обосновывается правомерность использования данной категории и дается ее авторское определение. Характеризуется предметное поле правового регулирования в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности. **Цель:** исследование вопросов правовой институционализации информационно-психологической безопасности и определение отраслевой принадлежности данного института в системе российского права. **Методы:** анализа, синтеза, формально-юридический, структурно-функциональный. **Результаты:** обосновывается вывод о рассмотрении правового обеспечения информационно-психологической безопасности в качестве межотраслевого правового института, включающего нормы конституционного, административного, информационного, уголовного и иных отраслей права. При этом ключевую роль в его содержании играют нормы информационного права. Данный институт нуждается в дальнейшем развитии в целях реализации Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г.

Ключевые слова: цифровая трансформация; информационно-психологическое воздействие; информационно-психологическая безопасность; правовое обеспечение; правовой институт; информационное право.

Процессы цифровой трансформации, наряду с положительными социальными инновациями, порождают новые вызовы для национальной и международной безопасности, требующие адекватного реагирования. Вызовы «цифровой революции» обуславливают потребность в

системной модернизации правового регулирования защиты личности, общества и государства от информационных угроз [1, с. 17, 36].

Новая Стратегия национальной безопасности РФ¹ определила информационную безопасность в качестве стратегического национального приоритета, то есть важнейшего направления обеспечения национальной безопасности. При этом в числе ключевых национальных интересов России выделены развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия (пп. 4 п. 25).

Впервые в базовом документе стратегического планирования в области национальной безопасности информационная безопасность включена в число приоритетов. Кроме того, при определении предметного поля информационной безопасности впервые сделан четкий акцент на защиту не только информации и информационной инфраструктуры, но и самого общества от информационно-психологического воздействия. Тем самым сделан значительный шаг на нелегком пути к признанию информационно-психологической безопасности в качестве важного элемента информационной безопасности.

Автор определяет информационно-психологическую безопасность как составную часть системы информационной безопасности, представляющей собой состояние защищенности человека и социальных групп от деструктивного информационно-психологического воздействия.

История научных исследований информационно-психологической безопасности в России. Научное осмысление проблем защиты от негативного информационно-психологического воздействия в постсоветской России позволяет утверждать, что оно шло волнообразно и нередко было связано с законодательными инициативами. Первым мощным импульсом к изучению данной проблематики послужила разработка проекта федерального закона «Об информационно-психологической безопасности», в рамках которой в 1990-е годы было проведено множество научных конференций различного уровня и издан целый ряд научных трудов членов рабочей группы [2; 3; 4]. Проведенная в этот период работа заложила значительный научный фундамент для изучения теоретических, правовых и психологических аспектов темы информационно-психологической безопасности.

¹ Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ 02.07.2021 № 400) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 08.07.2021).

В 2000 г. был принят первый документ стратегического планирования в сфере информационной безопасности – Доктрина информационной безопасности РФ¹, в которой существенное внимание было уделено вопросам защиты от информационно-психологических угроз.

Следующий этап разработки проблем правового обеспечения информационно-психологической безопасности связан с разработкой проекта федерального закона «О защите детей от информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию», которая велась длительное время на базе НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ авторским коллективом под руководством В.Н. Лопатина и О.В. Пристанской с привлечением широкого круга экспертов [5]. Итогом данной работы можно считать принятие Модельного закона СНГ², а затем – Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³, что существенно стимулировало дальнейшие научные исследования проблемы обеспечения информационной безопасности детей, наиболее фундаментальным из которых стала научная Концепция информационной безопасности детей, разработанная исследовательским коллективом, в составе которого автор принимал участие⁴.

С начала 2010-х годов в связи с широким проникновением Интернета в России резко актуализировалась проблема защиты пользователей Сети, прежде всего детей, от негативного контента. Фокус научного интереса при этом постоянно изменяется, включая все новые аспекты: детскую порнографию, интернет-травлю (буллинг), пропаганду терроризма, разжигание розни, подстрекательство массовых беспорядков, фейковые новости и т. д. Ведутся исследования, касающиеся проблем информационного противоборства в сети Интернет. Полагаем, что перечисленные вопросы характеризуют современное предметное поле информационно-психологической безопасности.

¹ Доктрина информационной безопасности РФ (утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895) // Российская газета. 2000. 28 сент.

² О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : модельный закон (принят постановлением МПА СНГ 03.12.2009 № 33-15) // Информационный бюллетень МПА СНГ. 2010. № 46. С. 190–228.

³ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 48.

⁴ Концепция информационной безопасности детей [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : сайт. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/p700/p701/> (дата обращения: 27.12.2013).

Тем не менее до настоящего времени термин «информационно-психологическая безопасность» не получил общепризнанного статуса ни в науке, ни в практике правового регулирования, хотя в пользу него высказывались известные российские ученые. Так, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН член-корреспондент РАН Р.М. Юсупов сделал очень важный, на наш взгляд, вывод о том, что «анализ приведенных угроз, форм и методов их воздействия на объекты безопасности в информационной сфере, методов и средств борьбы с этими угрозами позволяет утверждать, что в настоящее время в теории и практике информационной безопасности уже начинают выкристаллизовываться два направления (две проблемы), которые можно определить (возможно, еще в некоторой степени условно) как информационно-психологическая безопасность и защита информации» [6, с. 119].

В.Е. Усанов и Н.П. Кириллов утверждают, что понятие информационно-психологической безопасности на практике стало «фактически общепризнанным и основным терминологическим обозначением в литературе для психологической разновидности информационной безопасности» [7, с. 60]. Однако такой вывод представляется преждевременным, поскольку правомерность использования данной категории требует обоснования.

Полагаем, что необходимо введение понятия «информационно-психологическая безопасность» как в теории, так и в практике информационного права по следующим причинам: 1) потребности в рельефном обозначении составляющей информационной безопасности, связанной с защитой личности и общества от негативного информационно-психологического воздействия; 2) наличие ярко выраженной специфики в системе информационной безопасности; 3) выраженность четкой грани между защитой информации и информационно-психологической безопасностью по критерию объекта воздействия (в первом случае – материальный носитель информации, во втором – человек и группы людей); 4) наличие комплекса специфических угроз; 5) оптимальность среди других конкурирующих терминов (духовная, идеологическая, культурная, информационно-коммуникационная безопасность), позволяющих интегрировать психологические компоненты информационной безопасности в единую подсистему.

Вопросы правовой институционализации информационно-психологической безопасности. В настоящее время особенно актуально стоит вопрос об институционализации информационно-психологической

безопасности в системе российского права. Научное правовое осмысление этой проблемы, наш взгляд, свидетельствует о том, что все предпосылки к такой институционализации имеются. При этом предметное поле правового регулирования, связанное с защитой личности и общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, вряд ли у кого-то вызывает сомнение.

В 2000–2010 гг. было принято множество самостоятельных федеральных законов и поправок к действующим нормативным правовым актам, закрепивших правовые механизмы противодействия контентным и коммуникационным угрозам, таким как идеология и пропаганда терроризма и экстремизма, вербовка в террористические и экстремистские организации, пропаганда насилия, криминальной субкультуры, самоубийств и нетрадиционных сексуальных отношений, распространение фейковых новостей и т. д. Для правовой защиты наиболее уязвимой категории, детей, был принят специальный Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», содержание которого полностью посвящено вопросам обеспечения информационно-психологической безопасности.

В настоящее время на повестке дня – правовые инициативы по защите от новых угроз: треш-стримов, деструктивной субкультуры «скулшутинга» и др. Как показывает исследование, особого внимания заслуживают вопросы идентификации при распространении и доступе к информации в сети Интернет в контексте обеспечения безопасности [8, с. 296–313].

Важнейшее значение для утверждения информационно-психологической безопасности в качестве составляющей предмета правового регулирования в области информационной безопасности стало ее отражение в двух знаковых научных правотворческих инициативах. Во-первых, в изданной в 2014 г. Концепции Информационного кодекса РФ, разработанной авторским коллективом Института государства и права РАН, возглавляемого И.Л. Бачило. Среди основных принципов в области правового обеспечения информационной безопасности в ней названо «сдерживание распространения информации террористического, экстремистского и сепаратистского характера, а также подрывающей политическую, экономическую и социальную стабильность государства, культурный и духовный уклад общества» [9, с. 93].

Во-вторых, в 2014 г. Межпарламентской ассамблеей СНГ был принят Модельный закон «Об информации, информатизации и обеспе-

чении информационной безопасности»¹. Следует отметить, что именно такое название указанного модельного закона для государств – участников СНГ было предложено И.Л. Бачило и М.А. Вусом, которые обосновывали его необходимостью включения в данный закон правовых норм «о защите открытой информации от возможного ее деструктивного воздействия на сознание и поведение массового потребителя распространяемых сведений». Этот содержательный блок нашел отражение в тексте данного документа: к объектам обеспечения информационной безопасности отнесено индивидуальное и общественное сознание (ч. 2 ст. 18); отдельная статья посвящена защите от распространения вредной и использования деструктивной информации (ст. 25).

В практике российского законодательства ключевое значение для развития системы правового регулирования информационно-психологической безопасности имеет принятие в 2010 г. Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также внесение в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с 2012 г. по настоящее время комплекса поправок, определивших и затем расширивших правовые механизмы блокировки интернет-ресурсов с противоправным контентом.

В российской науке информационного права имеются позиции о рассмотрении правового регулирования обеспечения информационной безопасности в качестве института информационного права [10; 11; 12], хотя целый ряд исследователей идентифицируют его как подотрасль информационного права [2; 13; 14; 15]. Мы разделяем последнюю точку зрения и предлагаем рассматривать упорядоченную совокупность норм, регулирующих общественные отношения в сфере информационно-психологической безопасности, в качестве правового института в составе данной подотрасли.

Как известно, правовой институт представляет собой «группу, комплекс правовых норм, регулирующих определенный вид схожих, близких по содержанию и в этом смысле *родственных* общественных отношений» [16, с. 288]. Правовые институты «призваны регламентировать отдельные участки, фрагменты, стороны общественной жизни» [17, с. 387]. Институт,

¹ Об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности : модельный закон (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 28.11.2014 № 41-15) [Электронный ресурс]. URL: http://www.iacis.ru/upload/iblock/25c/prilozhenie_k_postanovleniyu_15.pdf (дата обращения: 14.01.2015).

как и отрасль права, характеризуют общие системные признаки функциональности и субстанциональности [16, с. 288].

Полагаем, что рассматриваемый нами институт правового обеспечения информационно-психологической безопасности названными качествами обладает. У него есть свой предмет правового регулирования – комплекс общественных отношений, связанных с защитой личности и общества от негативного информационно-психологического воздействия, и характерный метод правового регулирования, охватывающий совокупность приемов, способов и средств воздействия права на общественные отношения [17, с. 399]. Например, ему присущ метод правового запрета на распространение определенной негативной информации, дополняемый введением юридической ответственности за нарушение этого запрета и наделением государственных органов и информационных посредников обязанностями по ограничению распространения такого контента в определенных информационных средах.

Представляется, нормы информационного права играют ключевую роль в правовом регулировании принципов, целей, задач, направлений и мер обеспечения информационно-психологической безопасности. В статье ведущих российских ученых по информационному праву отмечалось, что «предметная и целевая основа отрасли определяется интересами человека, общества, государства как субъектов информационных отношений при использовании новых возможностей расширить базу своих знаний и использовать современные средства информационных коммуникаций, с одной стороны, и защитить этих участников информационного развития социума от возможного разрушительного или вредного для общества влияния – с другой» [18, с. 72]. Прерогативой информационного права является регламентация вопросов противодействия распространению негативной информации в СМИ и сети Интернет.

Вместе с тем информационно-правовое регулирование не исчерпывает всей предметной области обеспечения информационно-психологической безопасности. В связи с этим ее правовую основу составляют также нормы иных отраслей права, включая конституционное, административное, уголовное, гражданское. Конституционное право устанавливает базовые принципы государственного и общественного устройства, правового статуса личности, а также систему органов публичной власти в Российской Федерации, имеющие базовое значение для всех сфер обеспечения безопасности. Кроме того, правовые нормы конституционного законодательства в отдельных областях касаются вопросов противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию

(например, манипуляции общественным сознанием в ходе предвыборной агитации). Роль административного права проявляется, прежде всего, в закреплении правового статуса органов исполнительной власти, являющихся субъектами обеспечения информационно-психологической безопасности, в установлении административной ответственности за правонарушения, связанные с оказанием деструктивного информационного воздействия на психику человека и общественное сознание. Уголовное право предусматривает составы преступлений в рассматриваемой нами области и меры уголовного наказания за их совершение. Нормы гражданского права регламентируют вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации как нематериальных благ физических и юридических лиц, основания и виды гражданской ответственности в изучаемой нами области.

На основании проведенного научного исследования автором обоснован вывод о том, что правовой институт обеспечения информационно-психологической безопасности носит межотраслевой, междисциплинарный характер, нуждается в дальнейшем развитии в целях реализации Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. Вместе с тем анализ свидетельствует о доминирующей роли в правовом обеспечении в области информационно-психологической безопасности правовых норм, включенных в систему информационного права, и тенденциях его институционализации, характерных для данной отрасли права, законодательства и научного направления в условиях цифровой трансформации.

Библиографический список

1. Модели правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе : моногр. / Т.А. Полякова [и др.] ; под общ. ред. Т.А. Поляковой. Саратов : Амирит, 2020. 253 с.
2. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 433 с.
3. Лопатин В.Н. Концепция развития законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности. М. : Изд-во Гос. Думы РФ, 1998. 196 с.
4. Смолян Г.Л., Зараковский Г.М., Розин В.М., Войскунский А.Е. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). М. : Ин-т системного анализа РАН, 1997. 52 с.
5. Лопатин В.Н., Пристанская О.В. О проекте Федерального закона «О защите детей от информационной продукции, причиняющей

вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» // Информационное право. 2007. № 4. С. 7–13.

6. Юсупов Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб. : Наука, 2006. 374 с.

7. Усанов В.Е., Кириллов Н.П. Психологическая безопасность российского общества и проблемы ее социально-правового обеспечения : учебник. М. : Элит, 2009. 296 с.

8. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 455 с.

9. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М. : ИГП РАН, 2014. 192 с.

10. Бачило И.Л. Информационное право : учебник для магистров. М. : Юрайт, 2015. 564 с.

11. Макаров О.С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств – участников Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 52 с.

12. Рассолов И.М. Информационное право : учебник. М. : Юрайт, 2011. 440 с.

13. Андреев П.Г. Институциональное развитие правового обеспечения информационной безопасности в российском информационном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 247 с.

14. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 438 с.

15. Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 472 с.

16. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.

17. Теория государства и права : курс лекций / М.И. Байтин [и др.] ; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003. 776 с.

18. Об основных направлениях развития информационного права за 2000–2015 гг. / И.Л. Бачило [и др.] // Государство и право. 2017. № 1. С. 71–79.

Дата поступления: 20.09.2021

SMIRNOV Aleksandr Aleksandrovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Executive Secretary of the Scientific and Advisory Council at the Commonwealth of Independent States Anti-Terrorism Center, Moscow, Russia; smirnovsng@yandex.ru

ISSUES OF LEGAL INSTITUTIONALIZATION OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY

The paper analyzes the issues of legal institutionalization of information and psychological security. The history of scientific research of information and psychological security is considered, the legality of the use of this category is justified and its author's definition is given. The subject field of legal regulation in the area of information and psychological security is characterized. **Purpose:** to study the issues of legal institutionalization of information and psychological security and to determine the sectoral affiliation of this institution in the system of Russian law. Research **methods:** the author uses analysis, synthesis, formal-legal method and structural-functional method. **Results:** the conclusion is substantiated that the legal support of information and psychological security is considered as an intersectoral legal institution, including the norms of constitutional, administrative, informational, criminal and other branches of law. At the same time, the norms of information law play a key role in its content. This institution needs further development in order to implement the National Security Strategy of the Russian Federation in 2021.

Keywords: digital transformation; information and psychological influence; information and psychological security; legal support; legal institution; information law.

References

1. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Chebotareva A.A., Demyanets M.V., Naumov V.B., ZHarova A.K.; Polyakova T.A. (ed.). *Modeli pravovogo regulirovaniya obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v usloviyah bol'shikh vyzovov v global'nom informacionnom obshchestve* [Models of legal regulation of ensuring information security in the face of great challenges in the global information society]. Saratov, Amirit Publ., 2020. 253 p.
2. Lopatin V.N. *Informacionnaya bezopasnost' Rossii. Dokt. Diss.* [Information security of Russia. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2000. 433 p.

3. Lopatin V.N. *Koncepciya razvitiya zakonodatel'stva v sfere obespecheniya informacionnoj bezopasnosti* [Concept for the development of legislation in the field of information security]. State Duma of the Russian Federation Publ., 1998. 196 p.

4. Smolyan G.L., Zarakovskij G.M., Rozin V.M., Vojskunskij A.E. *Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' (opredelenie i analiz predmetnoj oblasti)* [Information and psychological security (definition and analysis of the subject area)]. Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997. 52 p.

5. Lopatin V.N., Pristanskaya O.V. On the draft Federal Law «On the Protection of Children from Information Products Harmful to Their Health, Moral and Spiritual Development». *Informacionnoe pravo = Information Law*, 2007, no. 4, pp. 7–13. (In Russian).

6. YUsupov R.M. *Nauka i nacional'naya bezopasnost'* [Science and national security]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 374 p.

7. Usanov V.E., Kirillov N.P. *Psihologicheskaya bezopasnost' rossijskogo obshchestva i problemy ee social'no-pravovogo obespecheniya* [Psychological safety of Russian society and problems of its social and legal support]. Moscow, Elit Publ., 2009. 296 p.

8. Naumov V.B. *Institut identifikacii v informacionnom prave. Dokt. Diss.* [Identity Institute in Information Law. Doct. Diss.]. Moscow, 2020. 455 p.

9. Bachilo I.L. (ed.). *Koncepciya Informacionnogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Concept of the Information Code of the Russian Federation]. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 192 p.

10. Bachilo I.L. *Informacionnoe pravo* [Information law]. Moscow, YUrajt Publ., 2015. 564 p.

11. Makarov O.S. *Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti na primere zashchity gosudarstvennyh sekretov gosudarstv – uchastnikov Soдруzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. Avtoref. Dokt. Diss.* [Legal support of information security on the example of the protection of state secrets of the states – Members of the Commonwealth of Independent States. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 52 p.

12. Rassolov I.M. *Informacionnoe pravo* [Information law]. Moscow, YUrajt Publ., 2011. 440 p.

13. Andreev P.G. *Institucional'noe razvitie pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v rossijskom informacionnom prave. Kand. Diss.* [Institutional development of legal support for information security in Russian information law. Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 2012. 247 p.

14. Polyakova T.A. *Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti pri postroenii informacionnogo obshchestva v Rossii. Dokt. Diss.* [Legal support of information security when building an information society in Russia. Doct. Diss.]. Moscow, 2008. 438 p.

15. Chebotareva A.A. *Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti lichnosti v global'nom informacionnom obshchestve. Dokt. Diss.* [Legal support of personal information security in the global information society. Doct. Diss.]. Moscow, 2017. 472 c.

16. Baytin M.I. *Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov)* [The essence of law. (Modern normative legal thinking on the verge of two centuries)]. 2nd ed. Moscow, Publishing House «Law and State» Publ., 2005. 544 p.

17. Baytin M.I., Borisov V.V., Grigoriev F.A., Zaitsev U.M., Demidov A.I., Kartashov V.N., Lav V.L., Lisyutkin A.B., Matuzov N.I., Mironov O.O., Mordovets A.S., Osinov A.V., Salnikov V.P., Senyakin I.N., Sinyukov V.N., Cherkasov L.D., Chernykh E.V., Ebzeev B.S. ; Matuzov N.I., Malko A.V. (eds.). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 2nd ed. Moscow, YUrist Publ., 2003. 776 p.

18. Bachilo I.L., Polyakova T.A., Antopolsky A.A., Demyanets M.V., Zharova A.K., Monakhov V.N., Semiletov S.I., Talapina E.V. On the main directions of the development of information law in 2000–2015. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 1, pp. 71–79. (In Russian).

Received: 20.09.2021

УДК 343.985.2

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.15

ТАГИРОВ Руслан Амирович

аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия;

ratagirov.sbr@yandex.ru

**СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ
ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)
В СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ**

Мошенничество в сфере кредитования в силу широкой распространенности стало одной из наиболее острых проблем современного общества, что поставило перед криминалистической наукой задачу разработки эффективной методики его расследования. Вместе с тем в научных изысканиях данного направления определяющее значение приобретает исследование тактики проведения допроса подозреваемых и обвиняемых как ключевого средства получения информации о преступных событиях, особенно в условиях противодействия со стороны допрашиваемых. Разработка научно обоснованных рекомендаций продуктивного с точки зрения интересов следствия взаимодействия с противодействующим допрашиваемым позволяет вооружить следователя наиболее действенным инструментом выявления всех обстоятельств противоправного события, существенно повысить эффективность следственной работы по делам о кредитных хищениях. **Цель:** анализ типичных поведенческих проявлений при допросе лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении мошенничества в сфере кредитования, в конфликтных ситуациях. Определение эффективных тактических приемов преодоления противодействия со стороны допрашиваемых. **Методы:** сравнения, описания, анализа, синтеза, классификации. **Результаты:** предложены наиболее рациональные тактические приемы разрешения конфликтных ситуаций допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении кредитного мошенничества, в зависимости от характерных личностных черт допрашиваемых.

Ключевые слова: мошенничество; кредит; хищение; допрос; противодействие; конфликтная ситуация; подозреваемый; обвиняемый; тактический прием.

Укоренившееся в науке суждение о значимости допроса подозреваемых (обвиняемых) при расследовании всех без исключения преступлений, его обязательности как ключевого источника криминалистически значимой информации, процессуального подтверждения установленных следствием фактов, имевших место в ходе противоправного события, уже давно стало аксиомой, получившей неоспоримое подтверждение практикой. В свете этого важно заметить, что допрос подозреваемых и обвиняемых приобретает особую значимость именно при расследовании кредитного мошенничества. Это обусловлено, во-первых, крайней латентностью хищений подобного рода, проблематичностью установления противоправного умысла в виде намеренного отказа ссудополучателя от исполнения кредитных обязательств; во-вторых, спецификой отношений, сопряженных с реализацией деяний рассматриваемого вида; в-третьих, продолжительностью периода с момента совершения преступления до его выявления, что влечет утрату большого объема следов. Таким образом, сложность использования иных источников получения ориентирующей и доказательственной информации при расследовании кредитного мошенничества выдвигает на первый план допрос подозреваемых и обвиняемых в его совершении, придает этому следственному действию приоритетное значение. Способность следователя получить от допрашиваемого исчерпывающие сведения, в сущности, создает предпосылку для достижения цели расследования, повышая эффективность работы по уголовному делу.

Основой, формирующей характер и течение следственного допроса, как известно, является коммуникативно-поведенческая стратегия допрашиваемого субъекта, его намерение раскрыть известные ему сведения, значимые для следствия. В сущности, модель поведения субъекта допроса создает основу для формирования следственной ситуации, в которой приходится действовать следователю, выстраивая свою линию поведения на основе оценки сложившихся условий.

Так, отказ допрашиваемого от дачи исчерпывающих и правдивых показаний об известных ему обстоятельствах расследуемого события характеризует ситуацию допроса как конфликтную, негативную по отношению к его цели. Конфликт в данном случае зарождается на фоне противопоставления интересов следствия в получении искомых данных и намерений субъекта допроса избежать негативных последствий раскрытия правдивой информации о событии. Этим объясняется тот факт, что конфликтная ситуация, как правило, свойственна допросу подозреваемого или обвиняемого в преступлении, поскольку в данном случае речь идет о последствиях для самого допрашиваемого.

Как отмечает И.А. Макаренко, в основе конфликтной ситуации допроса лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, лежит разногласие, различие во мнениях, существующих между ним и следователем, по вопросам его виновности, причиненного им ущерба, роли соучастников и другим обстоятельствам, необходимым для выяснения в процессе расследования [1, с. 172].

Принимая во внимание преобладающий информационно-коммуникативный аспект рассматриваемого вида специфического взаимодействия, выбор тактики конфликтного допроса подозреваемых и обвиняемых должен строиться исходя из сведений, типично искажаемых или скрываемых лицами, подозреваемыми, обвиняемыми в совершении определенного вида преступления, с учетом функциональной причастности субъекта допроса к расследуемому событию.

Следуя приведенным суждениям, а также основываясь на результатах изучения протоколов допросов подозреваемых и обвиняемых, более 180 дел о кредитном мошенничестве, мы отмечаем, что в зависимости от характера и объема участия в преступлении при допросе склонны исказить, умалчивать либо вовсе отказываться от дачи показаний:

– лица, непосредственно совершившие преступление, заключив кредитную сделку от своего имени либо действуя от имени юридического лица. Такие лица скрывают сведения об умысле на хищение ссудных средств, ссылаются на добросовестность ссудополучателя, объясняя невозврат займа возникшей в силу объективных обстоятельств неплатежеспособностью¹;

– исполнитель – получатель ссуды, совершивший преступление в составе организованной группы. Такие лица, как правило, скрывают сведения о соучастниках преступления и их роли²;

– организатор, совершивший хищение посредством использования лица, на которое был оформлен похищенный заем, а также лицо, совершившее хищение путем использования чужих персональных (паспортных) данных. Такие лица скрывают сведения о причастности к совершенному преступлению, ссылаются на формальное отсутствие взаи-

¹ Архив Краснокамского районного суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-1/2016 2016.

² Архив Миякинского районного суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-19/2014.

мосвязи с кредитными отношениями, посредством которых была похищена ссуда¹;

– лица, полностью отказывающиеся от дачи показаний на основании права, предусмотренного ст. 51 Конституции РФ.

Рассмотрим наиболее эффективные способы преодоления противодействия допросу лиц каждой из названных категорий.

При определении стратегии допроса лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении кредитного мошенничества, дающих ложные показания об отсутствии умысла на хищение ссудных средств, прежде всего, важно оценить объем собранных по делу доказательств, поскольку их предъявление является ключевым тактическим приемом подавления противодействия [2, с. 257] со стороны допрашиваемых данной категории. При этом критерием эффективности предъявления доказательств выступает их избобличающая достаточность, способность опровергнуть доводы о непреднамеренном отказе от исполнения кредитных обязательств.

На основании оценки доказательств может быть выстроена продуктивная тактика проведения комплекса следственных допросов (первоначальный, повторный), в ходе которых по мере накопления доказательственной базы стратегия может быть подвержена корректировке. При этом существенное значение имеет перерыв между допросами, поскольку он является самостоятельным приемом психологического влияния на подозреваемого. Как отметили М.И. Еникеев, В.А. Образцов и В.Е. Эминов, эффект достигается внезапным прекращением допросов с оставлением подозреваемого в полном неведении относительно дальнейших планов следователя. Перерыв может быть использован для более тщательной подготовки к новому допросу и собирания дополнительных доказательств [3, с. 108].

Совершенно справедливо замечание С.К. Питерцева и А.А. Степанова о том, что перерыв, особенно длительный перерыв между допросами, может сыграть позитивную роль в выявлении фактов намеренного искажения допрашиваемым истины и одновременно конкретизации содержания и отдельных деталей ложной информации. При повторном допросе подозреваемый способен восстановить общую схему ложно описанного ранее события и аналогично воспроизвести при повторе, а вот детали легко и довольно быстро забыть. На повторном допросе солгавший вынужден придумывать их заново, а посему они во многом не сов-

¹ Архив Центрального районного суда г. Челябинска. Уголовное дело № 1-350/2015.

падут с ранее сообщенными деталями. Тщательно сопоставляя детали, характеризующие основные стороны исследованного на обоих допросах события, можно узнать, какие именно стороны этого события были искажены [4, с. 65].

Таким образом, на первоначальном допросе целесообразно использовать прием допущения легенды, чтобы определить доводы подозреваемого, которые он приводит, заявляя о своей невинности. Это раскроет перед следователем обстоятельства интересующего события, на которых допрашиваемый делает акцент, а также обстоятельства, которые он старается обойти вниманием. В ходе того же процессуального действия нелишним будет задать уточняющие вопросы с целью определения отношения допрашиваемого к обстоятельствам, повлекшим причинение ущерба банку. То есть предложить субъекту допроса назвать причины невозврата кредита, указав действия конкретных лиц либо обстоятельства, приведшие к ухудшению финансового состояния заемщика.

На повторном допросе по мере накопления доказательственной базы рекомендуется использовать фактор внезапности при предъявлении допрашиваемому свидетельств его вины. Целесообразно избрать наступательную стратегию, построенную на имеющихся в материалах дела опровержениях доводов подозреваемого, несостоятельности избранной им позиции. Это приведет к надлому антагонистического отношения допрашиваемого к следственному действию и всему расследованию в целом.

Допрос, производимый в рассматриваемой ситуации, предлагается строить преимущественно на выявлении логических противоречий в показаниях. Из этого следует вывод о целесообразности применения тактической комбинации, наиболее эффективно способствующей обнаружению противоречий. Такой следственной хитростью является многократное дублирование свободного рассказа. Допрашиваемый вынужден многократно в течение одного допроса давать пояснения о расследуемом событии.

Подчеркнув эффективность применения такой комбинации при допросе недобросовестного лица, Р.Л. Ахмедшин обратил внимание на следующее. Внешняя убедительность показаний зависит от степени их естественности, которая достигается повторениями показаний, своеобразной подготовкой к допросу со стороны допрашиваемого. Первое воспроизведение подготовленного допрашиваемого достаточно убедительно и не содержит большого количества промахов и проговаривания. Ситуация резко изменяется уже при втором повторе показаний в про-

цессе допроса. Убедительно лгать несколько раз, описывая одно событие, крайне затруднительно, объем психического напряжения увеличивается, уменьшается волевой контроль за поведенческими реакциями, сопровождающими сообщение лживой информации [5, с. 179].

В нашей ситуации допрашиваемый при его внешне устойчивых проявлениях негативного отношения к следственному действию, позиционированию подозрений в хищении как беспочвенных в действительности осознает факт совершенного им преступления. В связи с этим в его сознании помимо подготовленных для следователя показаний аккумулируются различные эмоции, рассуждения, выводы, образующие внутреннее отношение к событию. Приведенная тактическая хитрость способна ослабить контроль допрашиваемого над его собственными высказываниями и подтолкнуть к неосознанному раскрытию вуалируемых сведений.

На повторном допросе не менее целесообразно использовать прием создания иллюзии полноты доказательственной базы, который активно рекомендуется в научных трудах. Такой прием еще принято называть созданием преувеличенного представления об осведомленности следователя, или формированием у допрашиваемого преувеличенного представления об информированности следователя (косвенного внушения) [4, с. 153; 6, с. 15]. Его применение призвано подтолкнуть субъект к осознанию неустойчивости занятой им ранее позиции, которая с легкостью будет опровергнута в ходе судебного разбирательства по тем доказательствам, которые уже собраны в рамках уголовного дела. На этом фоне перед подозреваемым стоит раскрыть перспективы его дальнейшей судьбы, бессмысленности ухудшения собственного положения отказом от содействия расследованию и отрицанием вины. При этом основным аргументом следователя должно стать указание на возможность смягчения наказания в случае признания вины.

При допросе исполнителя – получателя ссуды, совершившего преступление в составе организованной группы, важно помнить, что с высокой долей вероятности отказ допрашиваемого от раскрытия сведений о подельниках обусловлен оказанным на него психоэмоциональным давлением со стороны соучастников [7, с. 147]. В связи с этим преодоление противодействия допросу со стороны исполнителя – получателя ссуды, совершившего хищение в составе организованной группы, преимущественно сводится к созданию у субъекта убежденности в бессмысленности дачи ложных показаний в сочетании с активизацией ценностных ориентаций. Основное давление должно оказываться на централизацию его личности, актуализацию потребности в выборе более благоприятного для него исхо-

да как для лица, подозреваемого в совершении преступления. То есть следователю необходимо стимулировать более внимательное отношение допрашиваемого к собственной судьбе, внушать идею отсутствия логического обоснования сокрытия причастности к преступлению иных лиц, за действия которых ответственность будет возложена на него.

Для воздействия на допрашиваемого, дающего ложные показания, по мнению большинства ученых, весьма эффективным является предъявление доказательств [3, с. 79]. Полагаем, что такой прием более чем целесообразен при допросе исполнителя, привлеченного организатором для непосредственной реализации кредитного хищения и в ходе допроса намеревающегося скрыть от следствия личность последнего, как и личности иных соучастников преступления. Вместе с тем предъявление доказательств должно осуществляться непосредственно в тот момент, когда субъект следственного действия при свободном рассказе приводит обстоятельства, противоречащие собранным по делу доказательствам, а также информации, полученной в ходе оперативно-разыскных мероприятий. То есть следователю не рекомендуется допускать легенду подозреваемого. Целесообразность такого решения обуславливается личностными особенностями приведенной категории допрашиваемых.

Как показывает следственная практика, в качестве исполнителей рассматриваемого вида хищений, как правило, избираются субъекты неорганизованные, довольно часто обремененные наркотической или алкогольной зависимостью, а также легко поддающиеся влиянию третьих лиц. В связи с этим прерывание свободного рассказа допрашиваемого, предъявление опровергающих его показания доказательств может легко дестабилизировать эмоциональное состояние допрашиваемого в интересах следствия.

Не менее продуктивным будет использование тактического приема, предложенного Д.В. Деулиным: использование детализирующих повторных вопросов, однотипных вопросов в разной последовательности, верификации показаний дополнительными следственными действиями [8, с. 86].

На фоне эмоционального дисбаланса субъекта следственного действия рекомендуется прибегнуть к дополнительным вопросам. Цель этого метода состоит преимущественно в детальном выяснении обстоятельств подготовки к совершению преступления, поскольку именно такие сведения, как правило, остаются без внимания исполнителя, непосредственно не связанного с технической стороной реализации преступного плана органи-

зованной группой. Детальному выяснению подлежат условия, в которых проводилась подготовка к совершению хищения, технические средства, использованные при фальсификации документов, обстоятельства, коррелирующие с ложными сведениями, представленными в банк. К таким обстоятельствам необходимо отнести место работы, стаж работы, должность, уровень заработка кредитного мошенника, производственные функции и уровень дохода за выполнение профессиональных обязанностей, полное наименование работодателя, место выполнения трудовой функции¹.

В своей работе, посвященной тактике вербальных следственных действий, Р.Л. Ахмедшин выделил наиболее конфликтную стадию допроса – этап дополнительных вопросов, указав при этом, что в рамках его мобилизуются все психологические резервы личности допрашиваемого, противодействующего следствию. На этом этапе субъект готов оспаривать доводы следователя, корректировать свои показания в соответствии с характером коммуникативного взаимодействия и открывающихся для него в ходе допроса данных по делу [5, с. 126].

В то же время дестабилизация состояния подозреваемого способна нивелировать эмоциональную концентрацию последнего, подтолкнуть к потере ориентации в ложных показаниях, что неизбежно приведет к осознанию бессмысленности намерения введения следствия в заблуждение. Это, в свою очередь, позволит следователю применить весь спектр тактических приемов логического, эмоционального воздействия на допрашиваемого либо воздействия на его волевою мобилизацию [5, с. 148].

При допросе организаторов преступной группы кредитных мошенников, а также лиц, совершивших хищение путем использования чужих персональных (паспортных) данных, важно учитывать, что их причастность к преступлению может быть установлена лишь системно, путем оценки причинно-следственных связей между обстоятельствами события. Следовательно, тактика допроса должна строиться исходя из цели убеждения субъекта в достаточности данных, изобличающих его вину, в том числе путем создания впечатления большей осведомленности следователя о преступлении.

¹ Подавляющее большинство хищений в сфере потребительского кредитования совершаются путем подделки сведений о месте работы и уровне заработка заемщика. В связи с этим исполнитель, который в действительности не выполнял трудовые функции у определенного работодателя, а лишь передал кредитору документы, отражающие сведения о его фиктивном трудоустройстве, вряд ли сможет безошибочно разьяснить детали, связанные с его трудовой деятельностью.

Преодолению лжи со стороны допрашиваемого организатора преступления – лидера группы мошенников, как правило, способствуют свидетельства его связи с исполнителем. Это могут быть показания самих исполнителей преступления, результаты оперативно-разыскных мероприятий и т. д.

Преодолению противодействия со стороны мошенников – сотрудников банка – может способствовать применение тактических приемов логического характера в форме выстраивания логической цепочки, включающей такие элементы, как причастность допрашиваемого к процедуре выдачи похищенной ссуды, его беспрепятственный доступ к данным клиентов, допущенные им нарушения внутренних регламентов банка, повлекших выдачу кредита по фальшивым документам. Несомненно, следователем должно быть использовано воздействие на эмоциональную сферу допрашиваемого, способы которого мы указали.

Допрос должен проходить в условиях, позволяющих на психоэмоциональном уровне подавить представления субъекта о возможности ввести следствие в заблуждение, а также сформировать устойчивое осознание неотвратимости наказания и необходимости содействия расследованию для смягчения наказания [9, с. 363]. Посредством применения тактических приемов логического характера в сочетании с приемами эмоционального воздействия и воздействия на волевую мобилизацию субъект должен прийти к выводу о достаточности доказательств о его преступном сотрудничестве с другими соучастниками хищения либо о причинении ущерба банку его противоправными действиями.

Преодоление противодействия при допросе подозреваемых (обвиняемых) в кредитном мошенничестве, отказывающихся от дачи показаний, состоит в подавлении негативного отношения к самому следственному действию и расследованию в целом. Меры, предпринимаемые в этих целях, избираются следователем исходя из психологических свойств и личностных качеств допрашиваемого. Они не обусловлены специфическими особенностями расследуемого события, носят общий характер. Такие меры подробно раскрыты в научной литературе.

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу о том, что разрешение конфликтной ситуации допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении кредитного мошенничества преимущественно строится на использовании тактических приемов логического и эмоционального воздействия. На наш взгляд, это обусловлено личностными особенностями типичных злоумышленников, склонных к реализации преступного замысла посредством использования специфической системы кредитных

правоотношений. В рамках настоящего исследования мы также установили, что тактика допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении кредитных хищений в определенной степени подлежит модификации в зависимости от их внутрисубъектной дифференциации по признаку характера и объема участия в расследуемом событии. Основываясь на результатах анализа следственной практики, полагаем, что нам удалось определить типичные поведенческие черты допрашиваемых каждой из приведенных категорий субъектов, противодействующих следственному действию, в том числе типично скрываемые ими сведения, значимые для расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 159.1 УК РФ.

Библиографический список

1. Макаренко И.А. Способы разрешения конфликта при производстве вербальных следственных действий с участием обвиняемого // Вклад Л.Я. Драпкина в криминалистическую науку : сб. матер. Всерос. науч.-практ. круглого стола. Екатеринбург, 2019. С. 169–197.
2. Шруб М.П. Тактические приемы логического воздействия, применяемые при допросе подозреваемых и обвиняемых по делам о преступлениях, связанных с сексуальной эксплуатацией // Проблемы борьбы с преступностью и подготовка кадров для правоохранительных органов : тез. док. Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.Ч. Родевич. Минск, 2020. С. 257–258.
3. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология : учеб. пособ. М. : Проспект, 2011. 216 с.
4. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса. СПб. : Питер, 2001. 160 с.
5. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск : Издательск. Дом Томск. гос. ун-та, 2014. 294 с.
6. Шульгин Е.Д. Фондовая лекция по теме «Психология допроса». Тюмень : ТЮИ МВД России, 2009. 31 с.
7. Головина Е.В. Противодействие предварительному расследованию должностных преступлений и криминалистические особенности его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2020. 251 с.
8. Деулин Д.В. Психологические средства выявления ложных показаний в процессе допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении экономических преступлений. М. : Акад. экономич. безопасности МВД России, 2011. 88 с.

9. Макаренко И.А., Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник для бакалавриата. М. : Юрлитинформ, 2014. 520 с.

Дата поступления: 30.09.2021

TAGIROV Ruslan Amirovich

Postgraduate Student of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia; ratagirov.sbr@yandex.ru

**METHOD FOR OVERCOMING CONFLICT SITUATIONS
OF QUESTIONING SUSPECTS (ACCUSED)
OF COMMITTING CREDIT FRAUD**

Credit fraud, because of its widespread nature, has become one of the most acute problems of modern society, which has challenged the forensic science to develop an effective methodology for its investigation. However, in scientific research of this sphere, the study of the tactics of interrogating suspects and accused persons as a key means of obtaining information about criminal events, especially in the face of resistance on the part of those being interrogated, acquires a primary importance. The development of scientifically grounded recommendations for productive, from the point of view of the interests of the investigation, interaction with the opposing interrogated suspects provides the investigator with the most effective tool for uncovering all the circumstances of an unlawful event, significantly improving the efficiency of investigations into cases of credit theft. **Purpose:** to analyze typical behaviors in the interrogation of persons suspected (accused) of credit fraud in conflict situations; to reveal effective tactics to overcome the resistance of persons under interrogation. **Methods:** the author uses comparison, description, analysis, synthesis, classification. **Results:** the author proposes the most rational tactics for resolving conflict situations of interrogation of suspects (accused) of committing credit fraud, depending on the characteristics of the interrogated persons. **Keywords:** fraud; credit; theft; interrogation; counteraction; conflict situation; suspect; accused; tactical technique.

References

1. Makarenko I.A. Ways to resolve the conflict in the production of verbal investigative actions with the participation of the accused. *Vklad L.YA.*

Drapkina v kriminalisticheskuyu nauku. Sbornik materialov Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola [The contribution of L.Ya. Drapkin into forensic science. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical round table]. Ekaterinburg, 2019, pp. 169–197. (In Russian).

2. Shrub M.P. Logic tactics used in the interrogation of suspects and defendants in cases of crimes of sexual exploitation. In Rodevich V.CH. (ed.). *Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovka kadrov dlya pravoohranitel'nyh organov. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Problems of combating crime and training of personnel for law enforcement agencies. Abstracts of the International Scientific Conference]. Minsk, 2020, pp. 257–258. (In Russian).

3. Enikeev M.I., Obrazcov V.A., Eminov V.E. *Sledstvennye dejstviya: psihologiya, taktika, tekhnologiya* [Investigative actions: psychology, tactics, technology: textbook. manual]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 216 p.

4. Pitercev S.K., Stepanov A.A. *Taktika doprosa* [Interrogation tactics]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 160 p.

5. Ahmedshin R.L. *Taktika kommunikativnyh sledstvennyh dejstvij* [Tactics of communicative investigative actions]. Publishing House of Tomsk State University, 2014. 294 p.

6. SHul'gin E.D. *Fondovaya lekciya po teme «Psihologiya doprosa»* [Stock lecture on the topic «The Psychology of Interrogation»]. Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2009. 31 p.

7. Golovina E.V. *Protivodejstvie predvaritel'nomu rassledovaniyu dolzhnostnyh prestuplenij i kriminalisticheskie osobennosti ego preodoleniya. Kand. Diss.* [Counteraction to preliminary investigation of malfeasance and forensic features of its overcoming. Cand. Diss.]. Tula, 2020. 251 p.

8. Deulin D.V. *Psihologicheskie sredstva vyyavleniya lozhnyh pokazanij v processe doprosa podozrevaemyh (obvinyaemyh) v sovershenii ekonomicheskikh prestuplenij* [Psychological means of revealing false testimony in the process of interrogating suspects (accused) of committing economic crimes]. Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2011. 88 p.

9. Makarenko I.A., Eksarhopulo A.A. *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2014. 520 p.

Received: 30.09.2021

УДК 349.681

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.16

ТРОФИМЕЦ Ирина Александровна

кандидат юридических наук, доцент, сотрудник Посольства России в Испании, г. Мадрид, Испания; kosareva-khv@mail.ru

СИСТЕМА ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ РЕГИСТРАЦИЮ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

В статье анализируется система государственных органов, производящих записи актов гражданского состояния. **Целью** настоящей работы является изучение полномочий органов публично-правовой власти в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния, определение проблемы законодательства и правоприменения в этой области. В ходе исследования применялись общие и специальные **методы** научного познания: исторический, сравнительный, формально-юридический, диалектический и др. Сделан **вывод** о том, что органы, осуществляющие государственную регистрацию актов гражданского состояния, входят в государственную информационную систему записей актов гражданского состояния в качестве одного из ее компонентов, показано, что нецелесообразно расширение круга органов, к полномочиям которых относится запись актов гражданского состояния.

Ключевые слова: система государственных органов; информационная сфера записей актов гражданского состояния; наделение полномочиями; делегирование полномочий; компонент информационной системы.

Государственная регистрация актов гражданского состояния является исключительной компетенцией публичной власти, в связи с чем актуально решение вопроса о наделении соответствующих органов государственного аппарата полномочиями в этой сфере государственного управления. Исходя из принципа разделения властей, государственная регистрация актов гражданского состояния – это функционал исполнительной власти. На формирование государственного аппарата влияют причины экономического, политического, социального и иного характера. Каждому времени соответствуют определенные задачи и функции государства, которые обуславливают структуру государственного аппарата, специализацию являющихся его элементами органов.

Наиболее удачное определение государственного органа находим у В.В. Романовой: «...юридически оформленная, организационно и хозяйственно обособленная часть государственного механизма, состоящая из государственных служащих, наделенная государственно-властными полномочиями и необходимыми материальными средствами для осуществления в пределах своей компетенции задач и функций государства» [1, с. 97]. В приведенном определении отмечены характеризующие признаки государственного органа (органа государства), позволяющие идентифицировать эту политико-правовую категорию.

Принцип разделения властей и государственное устройство Российской Федерации предполагают специализацию государственных органов в зависимости от полномочий ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная), а также уровня суверенитета (федеральный и региональный).

В Федеральном законе «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ законодатель прямо не называет, какой именно федеральный орган исполнительной власти осуществляет «функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, а также контролю и надзору в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния» (п. 4 ст. 4)¹. Такой юридико-технический подход сложился исторически [2]. Традиционно сфера государственной регистрации актов гражданского состояния подведомственна Министерству юстиции РФ, которое формирует государственную политику, в пределах своей юрисдикции принимает соответствующие нормативные правовые акты, осуществляет контроль и надзор за этим сектором государственного управления². Однако развитие информационных технологий актуализирует формирование новой организационно-правовой среды – «регуляторного ландшафта» [3, с. 10–13].

В условиях цифровизации и трансформации государственного управления изменилась и концепция администрирования деятельности органов записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС) – была создана Федеральная государственная информационная система «Единый государ-

¹ Об актах гражданского состояния : федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2021).

² Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 (ред. от 17.05.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2021).

ственный реестр записи актов гражданского состояния» (далее – ФГИС ЕГР ЗАГС). Права и обязанности оператора этой системы возложены на Федеральную налоговую службу, которая стала еще одним звеном в государственной структуре органов ЗАГС.

Если говорить о разграничении предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния, то в Конституции РФ оно не проведено. Вместе с тем в соответствии с основополагающим нормативным правовым актом по вопросам ЗАГС – Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» – полномочиями в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния обладает исключительно Российская Федерация, которая передает их органам государственной власти своих субъектов (абз. 3 п. 1 ст. 4). Такое положение соответствует основам конституционного строя, когда для решения федеральных государственных задач обязанности возлагаются на региональный государственный орган, осуществляющий полномочия Российской Федерации в определенной области. Субъект Российской Федерации по закону имеет возможность делегирования функционала в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния органам местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, городских, сельских поселений.

Регламент деятельности органов ЗАГС, а также решение о хранении актов книг принимаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации соответствующей компетенции. Делегирование полномочий органам местного самоуправления производится на основании закона субъекта Российской Федерации. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют контроль за надлежащим исполнением органами местного самоуправления переданных им полномочий в сфере ЗАГС. Органы государственной власти на территории Российской Федерации и за ее пределами, осуществляющие функции по государственной регистрации актов гражданского состояния, имеют собственную внутреннюю структуру.

Не все органы местного самоуправления по закону имеют равные полномочия по вопросам государственной регистрации актов гражданского состояния. Так, органы местного самоуправления сельских поселений наделяются правом на государственную регистрацию таких актов гражданского состояния, как рождение, заключение брака, расторжение брака, установление отцовства, смерть, но не могут производить государственную регистрацию усыновления и перемены имени. Объяснение

на ограничение в отношении государственной регистрации усыновления видим в обеспечении дополнительных гарантий тайны усыновления. Полагаем, что для государственной регистрации перемены имени подобные ограничения не оправданны.

Независимо от организации деятельности по государственной регистрации актов гражданского состояния финансирование осуществляется за счет субвенций, так называемого бюджетного строго целевого трансферта для обеспечения исполнения обязательств по переданным полномочиям. Материальное, в том числе техническое оснащение производится также за счет федеральной казны. Федеральные субвенции поступают в местные бюджеты по распределению региональным органом.

Министерство юстиции РФ в пределах своей компетенции разрабатывает организационно-правовые основы деятельности органов ЗАГС, принимает нормативные правовые акты, координирует, осуществляет методическое обеспечение и контроль за деятельностью органов государственной регистрации актов гражданского состояния, надзор за соблюдением законодательства, решает кадровые вопросы. Так, после введения ФГИС ЕГР ЗАГС было обновлено ведомственное законодательство по предоставлению государственных услуг в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния «Административный регламент предоставления государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния на территории Российской Федерации»¹. В этом документе, исходя из законодательного отнесения актов гражданского состояния к категории информации ограниченного доступа, четко определен круг заявителей, имеющих право на обращение за государственной регистрацией акта гражданского состояния. Такое ограничение в целом соответствует концепции охраны прав граждан в информационной среде.

Важное место в структуре государственного сектора ЗАГС по причине передачи полномочий Российской Федерации занимают соответствующие региональные органы исполнительной власти, которые отличаются не только названием, но и внутренним структурным деле-

¹ Административный регламент предоставления государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния на территории Российской Федерации (утв. приказом Министерства юстиции РФ от 28.12.2018 № 307) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 29.06.2021).

нием, например: Комитет по делам ЗАГС и архивов Правительства Хабаровского края, имеющий в своем составе отдел организации исполнения государственных полномочий и предоставления государственных услуг в сфере деятельности органов ЗАГС; Главное управление записи актов гражданского состояния Московской области; Управление записи актов гражданского состояния города Москвы; Департамент ЗАГС Министерства юстиции Республики Крым; Управление ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан; Сектор записи актов гражданского состояния Министерства юстиции Мурманской области и др.

Согласно п. 4.2 ст. 4 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в компетенцию руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации входит назначение на должность руководителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющего организацию деятельности по государственной регистрации актов гражданского состояния на территории субъекта Российской Федерации; утверждение структуры органов ЗАГС; организация передачи полномочий по государственной регистрации актов гражданского состояния органам местного самоуправления. Это должностное лицо также обеспечивает своевременное представление установленной отчетности, в том числе о расходовании субвенций (п. 5 ст. 4). Контрольно-надзорную функцию за целевым расходованием бюджетных средств осуществляет Счетная палата РФ.

В России деятельность по государственной регистрации актов гражданского состояния осуществляют около 6400 отделов ЗАГС при органах местного самоуправления. Все отделы ЗАГС обеспечены необходимыми техническими средствами и телекоммуникационными сетями, что позволило с 1 октября 2018 г. запустить ФГИС ЕГР ЗАГС. Создание общей облачной среды централизовало ведение реестровой информации об актах гражданского состояния. Оператором ФГИС ЕГР ЗАГС по закону, как отмечалось, названа Федеральная налоговая служба. На реализацию этого проекта из федерального бюджета было освоено, предположительно, 1197,6 млн руб.¹

Применительно к деятельности органов ЗАГС в законодательстве и правоприменении используется термин «государственная и (или) муниципальная услуга», что означает деятельность государственного органа (ор-

¹ ФНС тихо запустила огромную проблемную систему – основу «электронного досье» на граждан [Электронный ресурс] // CNews : сайт. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-10-02_fns_ochen_tiho_zapustila_sverhvazhnuyuno_problemnuyu (дата обращения: 02.05.2021).

гана местного самоуправления) по реализации его функций по запросам заинтересованных лиц в рамках установленных полномочий. В контексте электронного государства актуально предоставление ее в электронной форме. Для этого была разработана и введена в действие государственная информационная система «Портал государственных и муниципальных услуг», которая обеспечивает предоставление государственных (муниципальных) услуг в электронной форме и доступ заявителей к информации о государственных (муниципальных) услугах, предназначенных для распространения, с использованием сети Интернет и размещенных в государственных (муниципальных) информационных системах, обеспечивающих ведение реестров государственных и муниципальных услуг¹.

Особое место в структуре органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния, занимают многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Это юридическое лицо, образованное в организационно-правовой форме государственного или муниципального автономного учреждения и уполномоченное на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг (в том числе в электронной форме). Такая организация деятельности государственного и муниципального сектора берет свое начало с реализации Концепции административной реформы². Однако только с 2010 г. начался процесс учреждения МФЦ на всей территории страны в соответствии с Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и Постановлением Правительства РФ «Об утверждении правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» от 22 декабря 2012 г. № 1376³. В настоящее время МФЦ организует оказание населению около 260 государственных и муниципальных услуг.

¹ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2021).

² О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах и плане мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах : распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901953589> (дата обращения: 02.06.2021).

³ Об утверждении правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг : постановление Правительства РФ от 22.12.2012 № 1376 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. II), ст. 7932.

В соответствии с п. 2.2. ст. 4 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» полномочия на государственную регистрацию рождения¹ и смерти могут быть возложены региональным законодательством на МФЦ. В таких случаях полномочия могут быть следующими:

- государственная регистрация актов гражданского состояния (внесение записи в актовые книги (бумажные));
- выдача свидетельств о рождении и смерти;
- передача паспортов умерших граждан в территориальный орган внутренних дел;
- передача на хранение в органы ЗАГС составленных на бумажном носителе записей актов гражданского состояния, а также документов, послуживших основаниями для государственной регистрации рождения и смерти.

Право на внесение изменений и исправлений, а также восстановление или аннулирование актовых записей и выдача повторных свидетельств о рождении и смерти для МФЦ законом не предусмотрено. Это исключительная компетенция органов ЗАГС. Систематическое толкование законодательства позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наделение полномочиями совершать государственную регистрацию рождения и смерти, в систему органов ЗАГС МФЦ все-таки не входят (например, в п. 6 ст. 6 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» законодатель не отождествляет работников органов ЗАГС с сотрудниками многофункциональных центров по предоставлению государственных и муниципальных услуг, которые имеют право осуществлять государственную регистрацию актов гражданского состояния).

Законодательное решение о наделении МФЦ полномочиями органов ЗАГС имеет неоднозначную оценку. Полагаем, что размывание государственных компетенций, делегирование функций публичной власти частным лицам (именно частными лицами являются государственные или муниципальные автономные учреждения, несмотря на тот факт, что их учредителями выступают публично-правовые образования) в целом не способствует всемерной охране прав граждан, стабильности общественных отношений и ведет к дискредитации госаппарата. Видимо, поэтому многие инициативы по расширению полномочий МФЦ не нашли поддержки. Так, проект Концепции совершенствования предоставления государственных и муниципальных услуг и развития системы

¹ За исключением рождения, государственная регистрация которого производится одновременно с государственной регистрацией установления отцовства.

многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, разработанный Минэкономразвития России по Поручению Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № КЧ-П17-4245, так и не был одобрен. Документ был направлен на расширение полномочий МФЦ, что противоречит основной идее создания этих учреждений – организация предоставления государственных (муниципальных) услуг, то есть истребование по запросам заинтересованных лиц сведений и документов от компетентных представителей публичной власти.

Наделение МФЦ правом самостоятельно совершать юридически значимые действия недопустимо. Центры выполняют чисто технические функции, реализуют модель предоставления государственных (муниципальных) услуг «одно окно». Они призваны повышать простоту и удобство получения государственных (муниципальных) услуг, информировать граждан об условиях и порядке их получения. Абсолютно неактуальна и весьма затратна реализация норм в части совершения государственной регистрации актов гражданского состояния МФЦ. Вызывает сомнение правомерность и обоснованность этих нововведений. Такое законодательное решение не соответствует общей концепции построения информационного общества и формирования цифрового государства. При осуществлении своих функций по государственной регистрации таких актов гражданского состояния, как рождение и смерть, МФЦ использует бумажные носители записей актов гражданского состояния, которые вместе с документами, подтверждающими наличие оснований для государственной регистрации рождения и смерти, подлежат обязательной передаче на хранение в органы ЗАГС.

Единственным положительным моментом в законе по этому вопросу считаем право уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния, отменить (в законе – изъять¹) полномочия по государственной регистрации рождения и смерти в случае ненадлежащего их осуществления многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг. Отмена полномочий производится на основании закона соответствующего субъекта Российской Федерации, под чьей юрисдикцией находится МФЦ.

Исторически так сложилось, что за границей определенные государственные функции выполняют консульские учреждения МИД Рос-

¹ Юридический термин «изъятие» применяется в административном праве для обозначения административно-правовой меры – изъятия вещей и документов.

сии. Это могут быть самостоятельные структурные подразделения – генеральные консульства или консульские отделы посольств Российской Федерации. Так, консульские учреждения имеют полномочия на совершение всех функций органа ЗАГС (рождение, заключение и расторжение брака, установление усыновления (удочерения), установление отцовства, перемена имени и смерть). Государство проявляет заботу о своих гражданах, постоянно проживающих за пределами Российской Федерации. Кроме собственно государственной регистрации актов гражданского состояния и ведения реестра актовых записей консульские учреждения совершают иные юридически значимые действия. Например, вносят исправления и изменения в записи актов гражданского состояния, совершенные ранее в этом государственном учреждении, выдают свидетельства и дубликаты свидетельств по зарегистрированным ими актам гражданского состояния, а также другие документы, подтверждающие наличие фактов государственной регистрации актов гражданского состояния. Консульская работа осложняется тем, что зарубежное законодательство определяет иные виды актов гражданского состояния и юридические действия сферы ЗАГС.

Так, в Королевстве Испания для государственной регистрации заключения брака обязательным документом является справка о семейном положении (*Certificado de Estado Civil*) [4]. Этот документ подтверждает отсутствие другого зарегистрированного брака. Данное установление испанского законодательства направлено на обеспечение главного принципа брачного права – моногамии. *Certificado de Estado Civil* – это официальный документ, который выдается испанскими органами ЗАГС на основании информации из Единого реестра ЗАГС Испании и носит удостоверительный характер. Действующим российским законодательством подтверждение отсутствия зарегистрированного брака не требуется, соответственно, не предусмотрена выдача госорганами подобных документов. Правоприменительная практика сложилась так, что заинтересованным лицам при обращении в консульское учреждение заверяется их подпись на заявлении, в котором сам гражданин подтверждает отсутствие у него зарегистрированного брака. Представляется, что этот подход не соответствует концепции российского права, считаем, что заинтересованным лицам могут предоставляться сведения и об отсутствии зарегистрированного акта гражданского состояния. В условиях электронного ФГИС ЕПР ЗАГС трудностей с предоставлением этой информации ее бенефициару быть не может.

Хотелось бы отметить, что система органов ЗАГС, сложившаяся на протяжении последних ста лет, претерпела кардинальные изменения,

часть из которых объективно связана с происходящими трансформациями, обусловленными построением глобального информационного общества, цифровизацией всех сфер общественной жизни. Однако нельзя сказать, что модернизация системы органов ЗАГС способствует ее совершенствованию. Считаем нецелесообразным расширение круга таких органов, полагаем, что следует исключить из закона нормы, наделяющие МФЦ полномочиями на совершение государственной регистрации актов гражданского состояния (рождения и смерти), оставив компетенцию организации предоставления государственных услуг в сфере ЗАГС. В связи с изложенным предлагаем изменить ст. 4 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», исключив из нее п. 2.2 и п. 2.3, новую редакцию п. 2.2 ст. 4 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» изложить следующим образом: «В сфере государственной регистрации актов гражданского состояния многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг имеют исключительные полномочия по обеспечению удобства и комфортности получения государственных и муниципальных услуг гражданами».

При делегировании полномочий на государственную регистрацию актов гражданского состояния органам местного самоуправления сотрудники органов ЗАГС, непосредственно осуществляющие государственную регистрацию актов гражданского состояния, являются муниципальными служащими. Правовой статус их основывается на Федеральном законе «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ, в ст. 10 которого закреплено, что «муниципальным служащим является гражданин, исполняющий в порядке, определенном муниципальными правовыми актами в соответствии с федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации, обязанности по должности муниципальной службы за денежное содержание, выплачиваемое за счет средств местного бюджета». Лица, в чьи обязанности входит техническое обеспечение деятельности органов местного самоуправления по государственной регистрации актов гражданского состояния, не замещают должности муниципальной службы и не являются муниципальными служащими (технический персонал).

В целях гарантии беспристрастности и исключения коррупционной составляющей в деятельности органов ЗАГС установлено ограничение на осуществление их сотрудниками государственной регистрации актов гражданского состояния в отношении себя, своего супруга, своих и его родственников (родителей, детей, внуков, дедушек, бабушек, родных братьев и сестер). Закон содержит исчерпывающий перечень лиц, в отношении кото-

рых сотрудник органа ЗАГС не вправе производить государственную регистрацию актов гражданского состояния, в таких случаях она производится другим сотрудником или в другом органе ЗАГС (п. 6 ст. 6 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»). Аналогичное ограничение установлено в отношении работников МФЦ. В связи с предложением отменить полномочия МФЦ на государственную регистрацию рождения и смерти целесообразно исключить слова «многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг» из п. 6 ст. 6 Федерального закона «Об актах гражданского состояния».

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что и сами органы ЗАГС предоставляют информацию другим государственным и муниципальным структурам, тем самым обеспечивают охрану прав граждан в различных правоотношениях. В связи с созданием ФГИС ЕГР ЗАГС были внесены изменения в законодательство – впервые предусмотрен исчерпывающий перечень субъектов, которым в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия предоставляются сведения из этого реестра¹ (п. 9 ст. 13.2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»). Перечень органов и организаций, имеющих право на получение информации, зависит от вида акта гражданского состояния. Так, доступ к информации о смерти гражданина разрешен наибольшему числу органов и организаций.

В качестве примера можно привести испанское законодательство, которое допускает без уточнения круга должностных лиц компетентных государственных органов к реестровой информации актов гражданского состояния под личную ответственность в связи с выполнением их публичных функций [5; 6; 7]. Межведомственное взаимодействие органов государства в условиях цифрового управления требует нового правового и технического регулирования, обеспечивающего информационную безопасность. В Испании существует такое понятие, как «ау-

¹ Сведения о государственной регистрации акта гражданского состояния, содержащиеся в ФГИС ЕГР ЗАГС, предоставляются в рамках межведомственного взаимодействия в органы, предоставляющие государственные и муниципальные услуги, МФЦ (в части сведений, необходимых для предоставления государственных и муниципальных услуг), федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности (в части сведений, необходимых для исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц), нотариусам в связи с совершаемыми нотариальными действиями, а также избирательным комиссиям (в части сведений, необходимых для осуществления полномочий, предусмотренных законодательством о выборах).

дит компьютера» должностного лица, что позволяет провести проверку совершенных межведомственных доступов к информации должностного лица, их законность и обоснованность.

Хотелось бы заметить, что российский законодатель использует разные подходы к получению информации об актах гражданского состояния, указывая на возможность и «бумажного» и «электронного» документооборота: «в рамках межведомственного информационного взаимодействия» и «единая система межведомственного электронного взаимодействия» (п. 9 ст. 6 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»). Получение информации об актах гражданского состояния из ФГИС ЕГР ЗАГС с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ) организуется Федеральной налоговой службой России по принципу широковещательной рассылки. Толкование правовой нормы, закрепленной в п. 9 ст. 6 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», позволяет сделать вывод о том, что единая система межведомственного электронного взаимодействия полностью не решает вопросов получения информации об актах гражданского состояния. Так, в настоящее время сохраняется особый режим предоставления сведений о государственной регистрации установления усыновления (удочерения), обусловленный гарантированностью тайны усыновления (ст. 139 Семейного кодекса РФ).

Организационно-правовую основу межведомственного информационного взаимодействия составляют п. 1 ст. 13.2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1746 «Об утверждении Правил предоставления сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния»¹ и Методические рекомендации по работе с Единой системой межведомственного электронного взаимодействия версии 3.5, которые в строгом смысле слова не являются нормативным правовым актом².

¹ Об утверждении Правил предоставления сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния : постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1746 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.05.2021).

² См.: Система межведомственного электронного взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: <https://smev.gosuslugi.ru/portal/> (дата обращения: 05.05.2021).

Действующим законодательством предусмотрена передача сведений из ФГИС ЕГР ЗАГС, реализованная по принципу широковещательной рассылки на постоянной основе исключительно в органы исполнительной власти, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования и Фонд обязательного медицинского страхования¹, условно называемые потребителями информации о государственной регистрации актов гражданского состояния. Поставщиком сведений выступает оператор ФГИС ЕГР ЗАГС. Информация в электронном формате по принципу широковещательной рассылки уполномоченным субъектам предоставляется о следующих видах актов гражданского состояния²: о государственной регистрации рождения, о государственной регистрации смерти, о государственной регистрации заключения брака, о государственной регистрации расторжения брака, о государственной регистрации установления отцовства, о государственной регистрации перемены имени, о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния (о рождении, смерти, заключении и расторжении брака, установлении отцовства, перемене имени). В Росстат предоставляются четыре вида сведений (рождение, смерть, заключение и расторжение брака). Сведения об установлении усыновления не включены законодательством для передачи по СМЭВ по причине специального правового режима этой информации.

¹ МВД России (его территориальные органы); Федеральная налоговая служба (ее территориальные органы); Росстат (его территориальные органы); Пенсионный фонд (его территориальные органы); Фонд социального страхования (его территориальные органы); Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (территориальные фонды обязательного медицинского страхования); органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в сфере информационно-коммуникационных технологий и организации информационного взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти и (или) автоматизированными системами федеральных органов исполнительной власти; главы местных администраций муниципальных районов, городских округов, внутригородских территорий, городов федерального значения, а в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, – городов федерального значения (территориальным органам исполнительной власти городов федерального значения).

² Жизненные обстоятельства, названные законодателем актами гражданского состояния, наделяются таким качеством исключительно при их государственной регистрации. Без государственной регистрации такие факты реальной действительности, как рождение, брак, развод, смерть, перемена имени, признание отцовства или фактическое усыновление (принятие ребенка в семью), не могут называться актами гражданского состояния.

Доступ у иных субъектов, которые имеют право на получение сведений об актах гражданского состояния, отозван, они могут получать информацию о государственной регистрации актов гражданского состояния на основании запроса, однократно направляемого оператору ФГИС ЕГР ЗАГС¹. Формат предоставления сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния, содержащихся в ФГИС ЕГР ЗАГС, этим уполномоченным лицам идентичен принципу широковещательной рассылки, используется реестровая маршрутизация по мнемоникам (буквенно-цифровой код информационной системы субъекта информационного взаимодействия, который присваивается информационной системе при регистрации в СМЭВ), что предполагает сообщение о приеме сведений, а также дополнительным этапом является предварительное направление запроса по форме, установленной Министерством финансов России и согласованной с Федеральной налоговой службой России². Не исключено направление запросов в произвольной форме, что требует внесения данных о них в ФГИС ЕГР ЗАГС.

Запросы уполномоченных субъектов могут быть двух видов: о наличии актовой записи и о ее содержании. Получить информацию можно в отношении следующих актов гражданского состояния: государственная регистрация рождения, государственная регистрация смерти, государственная регистрация установления отцовства, государственная регистрация заключения и расторжения брака, государственная регистрация перемены имени. Полагаем, что такое законодательное решение способствует реализации гарантий на уважение личной и семейной жизни граждан и ограничению на произвольное вмешательство в частные дела. Государственные и муниципальные органы власти, наде-

¹ Закон к такой категории субъектов относит: орган ЗАГС; орган дознания и следствия; суд; прокуратуру; орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность; Уполномоченного по правам человека в РФ; Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка; Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации; Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации; Службу судебных приставов; орган исполнения наказаний; орган опеки и попечительства; медицинскую организацию; Управление по вопросам миграции; Пенсионный фонд России; Федеральную налоговую службу; Федеральную службу охраны; Федеральную службу безопасности; Следственный комитет; Службу внешней разведки; орган МВД; таможню; детские дома (интернаты); орган социальной защиты; Минобороны России (его территориальные органы, в том числе военные комиссариаты); Росгвардию; Росреестр; Федеральную службу судебных приставов; нотариусов.

² См.: Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС) : информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://zags.nalog.ru> (дата обращения: 17.09.2021).

ленные правом на получение информации, имеют доступ исключительно в связи с выполнением ими своих публичных функций и несут ответственность в случае нарушения правил предоставления им такой информации. Законоположения, определяющие круг субъектов, в ведении которых находится сбор и обработка данных об актах гражданского состояния, а также которым они могут передаваться, относятся к юридическим мерам, обеспечивающим информационную безопасность в информационной сфере ЗАГС.

В заключение отметим, что исторически сложившаяся система органов ЗАГС в настоящее время подвергнута диверсификации. Кроме непосредственно осуществляющих деятельность по записи актов гражданского состояния органов местного самоуправления (на территории Российской Федерации) и консульских учреждений (за пределами Российской Федерации), а также их контрольно-надзорных госорганов, определенными полномочиями сферы ЗАГС, не свойственными их основному назначению, наделяются не только государственные структуры (Федеральная налоговая служба России как оператор информационного ресурса ЗАГС), но юридические лица, не входящие в систему публичной власти – МФЦ. Насколько эффективно расширение системы органов ЗАГС, покажет время.

Библиографический список

1. Романова В.В. Понятие органа государственной власти // Вектор науки Тольяттинск. гос. ун-та. 2009. № 5. С. 97–99.
2. Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния : моногр. / ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» ; Тверское региональн. отд. Ассоциации юристов России. Тверь, 2017. 251 с.
3. Полякова Т.А., Чеботарева А.А. Влияние цифровых технологий на изменение регуляторного ландшафта: правовые проблемы // Мягкие измерения и вычисления. 2019. № 10 (23). С. 10–13.
4. Serrano Alonso E. La Ley del Registro Civil de 21 de julio de 2011. Madrid, 2012. 145 p.
5. Rivero M.A. Certificado notarial remoto. Aplicación durante la pandemia de COVID-19, el ASPO y más allá... // Revista de Notariado. 2020. № 1. URL: <http://www.revista-notariado.org.ar/2020/06/certificado-notarial-remoto-aplicacion-durante-la-pandemia-de-covid-19-el-aspo-y-mas-alla>.

6. Rivero Sanchez-Covisa F.J. El Registro Civil y el notario: una relación en beneficio de las personas // *El Notario ENSXXI*. 2018. № 80. P. 64–69.

7. Rivero Sanchez-Covisa F.J. Revisión del concepto constitucional del secreto de las comunicaciones. Madrid, 2017. 198 p.

Дата поступления: 22.08.2021

TROFIMETS Irina Alexandrovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,

Russian Embassy in Spain, Madrid, Spain; kosareva-khv@mail.ru

THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES THAT REGISTER CIVIL STATUS ACTS

The paper analyzes the system of state authorities that register civil status acts. The **purpose** of this research is to study the powers of public authorities in the field of state registration of civil status acts and to identify some problems of legislation and law enforcement in this area. In the course of the research, general and special **methods** of scientific cognition are used: historical, comparative, formal-legal, dialectical, etc. **Results:** it is concluded the system of authorities that register civil status acts are included in the state information system of civil status records as one of its components, and it is also shown that it is inappropriate to expand the scope of authorities whose powers include state registration of civil status acts.

Keywords: system of state authorities; information sphere of civil status acts; empowerment; delegation of authority; component of the information system.

References

1. Romanova V.V. Concept of public authority. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*, 2009, no. 5, pp. 97–99. (In Russian).

2. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy gosudarstvennoj registracii aktov grazhdanskogo sostoyaniya* [Theoretical and practical problems of state registration of civil status acts]. Tver, 2017. 251 p.

3. Polyakova T.A., Chebotareva A.A. The Impact of Digital Technologies on Changing the Regulatory Landscape: Legal Challenges. *Myagkie*

izmereniya i vychisleniya = Soft Measurement and Computing, 2019, no. 10 (23), pp. 10–13. (In Russian).

4. Serrano Alonso E. La Ley del Registro Civil de 21 de julio de 2011. Madrid, 2012. 145 p.

5. Rivero M.A. Certificado notarial remoto. Aplicación durante la pandemia de COVID-19, el ASPO y más allá... *Revista de Notariado*, 2020, no. 1. Available at: <http://www.revista-notariado.org.ar/2020/06/certificado-notarial-remoto-aplicacion-durante-la-pandemia-de-covid-19-el-aspo-y-mas-alla>.

6. Rivero Sanchez-Covisa F.J. El Registro Civil y el notario: una relación en beneficio de las personas. *El Notario ENSXXI*, 2018, no. 80, pp. 64–69.

7. Rivero Sanchez-Covisa F.J. Revisión del concepto constitucional del secreto de las comunicaciones. Madrid, 2017. 198 p.

Received: 22.08.2021

УДК 34.07

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.17

ТРОФИМОВА Марина Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой
гражданского права и процесса Новгородского государственного
университета им. Я. Мудрого, г. Великий Новгород,
Россия; rina23@inbox.ru*

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ: ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Практика показывает, что юридическая клиника – самый эффективный элемент практико-ориентированного образования в юридическом вузе сегодня. Несмотря на внедрение проектной деятельности в учебные программы, развитие программ взаимодействия с работодателями, согласование учебных планов и методических материалов с представителями работодателей, именно возможности клинического образования позволяют будущим юристам приобрести практические навыки еще до окончания вуза. Тем не менее некоторое дистанцирование клиник от практических баз и площадок работодателей не позволяет в полной мере воспользоваться всеми преимуществами клинического обучения. **Цель** настоящего исследования – выявление возможных механизмов взаимодействия юридических клиник и государственных органов, прежде всего судов. **Методы:** исследуется отечественный и мировой опыт деятельности юридических клиник, определяется уровень законодательной регламентации их деятельности и степень вовлеченности в национальные системы бесплатной юридической помощи путем применения сравнительно-правового, конкретно-юридического методов, а также методов анализа и синтеза. **Результаты:** обосновывается необходимость включения в программу клиник мероприятий по оказанию бесплатной юридической помощи населению на площадках работодателей. Высказывается мнение, что такая работа может способствовать вовлечению студентов в практику судебного представительства интересов клиентов как наиболее профессионального элемента бесплатной юридической помощи. Выявляются возможные этические и организационные проблемы, которые могут возникнуть при осуществлении такого взаимодействия, предлагаются пути

их преодоления на примере деятельности юридической клиники Новгородского государственного университета.

Ключевые слова: юридическая клиника; клиническое юридическое образование; бесплатная юридическая помощь; практические навыки; консультирование; судебное представительство; судейская этика.

Качество приобретенного студентом юридической клиники опыта и возможность в полной мере погрузиться в профессию во многом зависят от национального законодательства об образовании, нормативных актов, регламентирующих положение судебного представителя в гражданском или арбитражном процессе, а также от механизмов взаимодействия с носителями этих самых «практических навыков», выбранных руководством юридической клиники.

В странах, внедривших клиническое образование, студенты консультируют граждан, готовят для них необходимые процессуальные документы. Однако далеко не все клиники позволяют обучающимся осуществлять функции судебного представителя, что не позволяет будущим юристам в полной мере приобрести навыки защиты прав и законных интересов граждан. Очевидно, что причины кроются не только в ограниченных возможностях юридических клиник, но и в установленных в процессуальном законодательстве профессиональных монополиях на судебное представительство.

Посмотрим на эту проблему под другим углом и выясним, используют ли сами клиники все доступные методики практического обучения при отсутствии процессуальных запретов, правильно ли осуществляют взаимодействие с представителями профессионального сообщества.

В юридической литературе немало публикаций, посвященных клиническому юридическому образованию и стандартам деятельности юридических клиник. Традиционно авторы дискутируют по поводу ценностных ориентиров в деятельности клиник. Исследователи и представители клиник ставят вопрос о том, что первостепенно в их деятельности: новые образовательные технологии обучения практическим навыкам или помощь реальным клиентам.

Большинство авторов склоняются к мнению, что клиника представляет собой особую форму учебного процесса, ориентированную на развитие практических профессиональных навыков [1, с. 70]. Так, профессор О.В. Исаенкова отмечает, что «защита прав малоимущих субъектов является второстепенным относительно образовательной деятельности моментом, при этом защита конкретных прав является положительным бонусом

клинического образования, но не самоцелью» [2, с. 39]. Часто выделяются такие положительные эффекты клинического обучения, как социальная адаптация и профессиональная ориентация студентов через общение с заявителями и представителями правоохранительных структур [3, с. 51], возможности юридических клиник в формировании навыков проведения экспертизы, в том числе антикоррупционной [4, с. 81], формирование социальной компетентности, которая предопределяет качество профессионального становления и развития будущего юриста [5, с. 11].

В иностранной литературе перед клиническими структурами часто ставятся более комплексные задачи. Так, клиника по правам человека с ограниченными возможностями, основанная в 2015 г. при Мельбурнском университете, реализует проекты законодательной и политической реформы, проводит стратегические судебные разбирательства. Ее представители используют инновационную модель клинического юридического образования, чтобы заполнить пробел в учебной программе и познакомить новое поколение юристов с развивающейся юридической областью – правами человека с ограниченными возможностями. Студенты, которые окончили клинику, отмечают, что их взгляды на инвалидность и права человека изменились [6, р. 51].

Юридическая клиника Университета Шеффилда в Великобритании связывает результаты между участием студентов в проектах *pro bono* и возможностью трудоустройства. Несмотря на то что деятельность университетских юридических клиник в Великобритании не регулируется, они стремятся к высоким профессиональным стандартам. Работу 79 % этих клиник курирует квалифицированный барристер, или солиситор с полным сертификатом практики, или юрист, не имеющий отношения к юридической школе. 75 % юридических вузов, принявших участие в опросе, оценили не только образовательный эффект от клинических проектов *pro bono*, но и указали на реальное повышение шансов трудоустройства будущих юристов [7, р. 13].

Таким образом, очевидно, что возможности и результаты клинического юридического образования очень широки, особенно с учетом специфики образовательных систем.

Если обратиться к отечественному законодательству, то фактически единственное наиболее полное упоминание о деятельности юридических клиник содержится не в нормативно-правовых актах о высшем образовании, а в законодательстве о бесплатной юридической помощи.

С 2011 г. юридические клиники России, существовавшие до этого на правах структурных подразделений вузов и выполняющие часть

функций образовательного учреждения, были вписаны в негосударственную систему бесплатной юридической помощи в Российской Федерации в качестве самостоятельного субъекта.

Согласно ст. 22 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др.) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи отнесены к участникам негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи¹. К партнерам клиник по негосударственной системе помощи относятся также некоммерческие организации, общественные приемные, негосударственные центры бесплатной юридической помощи адвокатских образований и др. Однако во многих регионах России именно клиники являются наиболее активными и крупными «игроками» в негосударственной системе.

Согласно ст. 23 упомянутого закона клиники создаются для правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи.

Поскольку в Российской Федерации юридическая клиника является субъектом негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи, неверным было бы отрицать наличие более важной цели клинической подготовки: реализация установленного Конституцией РФ права граждан на получение бесплатной юридической помощи и обеспечение доступности механизмов защиты их законных интересов, повышение уровня социальной защищенности и обеспечение доступа к правосудию. Достижение указанных целей возможно только при наличии у студентов клиники, являющихся непрофессиональными юристами, полномочий на представление интересов малообеспеченных граждан в правоотношениях с судом, органами государственной власти и учреждениями. Однако не во всех странах процессуальные нормы это позволяют.

Анализ действующего законодательства о бесплатной юридической помощи позволяет сформулировать следующий вывод: российские юридические клиники могут оказывать бесплатную юридическую помощь реальным клиентам в виде правового консультирования в устной и письменной формах, составления заявлений, жалоб, ходатайств и дру-

¹ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения: 17.03.2021).

гих документов правового характера. Фактически работа клиницистов сводится к первичной юридической помощи и к подготовке процессуальных документов для обращения в суд. В соответствии с российским законодательством студенты-клиницисты не могут представлять интересы клиента в судах, органах государственной власти и местного самоуправления. Отсутствие у студентов юридического вуза возможности осуществлять судебное представительство лишает малообеспеченные слои населения помощи пусть не профессиональных юристов, но все же лиц, обладающих некоторыми познаниями в области юриспруденции. Кроме того, следует помнить, что по правилам российских юридических клиник консультации и любая помощь гражданам оказываются только под контролем преподавателей вуза или практикующих юристов. Поэтому говорить о некачественности таких услуг неверно. Немаловажным фактором является и то, что гражданам зачастую нужна не юридическая, а скорее, психологическая поддержка лица, имеющего представление о стадиях и этапах судебной процедуры. Поэтому в типичных, несложных категориях споров помощь студента-юриста незаменима, особенно учитывая гонорары юристов коммерческого сектора и представителей адвокатского сообщества.

Представителями российских вузов часто отмечается, что правовое сопровождение клиента является одной из самых востребованных услуг, поскольку клиенты юридической клиники – это, как правило, люди пожилые, в силу возраста не всегда здоровые, и «хождение по инстанциям» для них совершенно невыполнимая задача [8]. Однако есть еще более важное негативное последствие ограничения возможностей клиники в осуществлении судебного представительства. В случае приобретения клиницистами только навыков консультирования и подготовки процессуальных документов не до конца реализуется главная учебная цель клинического образования, а именно формирование комплексных практических профессиональных навыков юриста.

Участие в судебном процессе, владение навыками публичного выступления, умение формировать позицию по делу, анализировать доказательства, выступать в судебных прениях – наиболее сложные комплексные практические навыки, которые требуют предварительной отработки именно в процессе реализации клинических юридических программ.

Несмотря на изложенные выводы об ограничениях в компетенции юридических клиник, в практической деятельности многие юридические вузы России выходят из сложившейся ситуации, их студенты осуществляют

ют реальное судебное представительство интересов клиентов. Такая практика есть в МГУ им. М.В. Ломоносова, Уральской юридической академии, Новгородском государственном университете и многих других учебных заведениях. Использовать такую возможность при наличии ограничений, сформулированных в законодательстве о бесплатной юридической помощи, позволяет гражданское процессуальное законодательство. Так, в ст. 49 ГПК РФ указано, что представителями в суде могут быть дееспособные лица, полномочия которых на ведение дела надлежаще оформлены и подтверждены. Таким образом, общими требованиями к судебному представителю являются его совершеннолетие и дееспособность.

С 1 октября 2019 г. представителями в судах субъектов и Верховном Суде РФ могут выступать только адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Таким образом, ГПК РФ не предъявляет требования к профессиональному образованию представителя, если дело находится в первой инстанции в производстве мирового судьи либо в первой или апелляционной инстанции в районном суде. При этом указанные ограничения не распространяются на случаи судебного представительства студентами-магистрантами, которые с успехом защищают права и законные интересы клиентов клиники в апелляционных инстанциях судов субъектов, а также в кассационных судах общей юрисдикции.

Несмотря на огромный положительный опыт работы российских клиник в осуществлении судебного представительства интересов клиентов, получается, что такую помощь они оказывают фактически за рамками работы юридической клиники. Такая ситуация может вызвать недоверие граждан и в конечном итоге сказаться на профессиональном имидже юридической клиники.

Анализ работы юридических клиник в Европе и США позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного подхода и сложившихся стандартов в допуске студентов клиник к осуществлению судебного представительства. Самый кардинальный опыт присущ американской школе. Студенты клиники с преподавателями-наставниками ведут приемы на базе судов, участвуют в процессах. При этом категории дел могут быть далеко не самыми простыми. Показателен в этом отношении опыт Сиракьюсского Университета, который предоставляет заинтересованным студентам возможность представлять интересы малоимущих физических лиц в делах о банкротстве *pro bono* под контролем преподавателя-юриста. В среднем такое представительство каждый год осуществляют от 40 до

60 студентов-добровольцев и представляют около 20 клиентов по банкротным делам [9, р. 612]. Стоит отметить, что законодательство о банкротстве традиционно является одним из наиболее сложных в национальных законодательствах. Наличие такого опыта у американских студентов свидетельствует о полной мобилизации клинических программ на приобретение всесторонних практических навыков.

Законодательство европейских стран по-разному определяет возможности и степень участия юридических клиник в национальных системах бесплатной юридической помощи. Так, Польша имеет уникальную историю агрессивного пути внедрения клиник на общенациональной основе, с упором в клинической работе, сфокусированной на доступе к правосудию, социальной миссии клиник и услуги юридической помощи, которые государство не предоставляло. Сильная сторона польской системы клиник заключается в том, что это единственная страна в Центральной и Восточной Европе, которая предоставляет значительную часть национальных услуг юридической помощи через клиники, при этом сами студенты никогда не появляются в суде [10, р. 275].

Во Франции вузы осваивают индивидуальные программы реализации клинического юридического образования [11, р. 114]. Однако национальное французское законодательство содержит ограничения в оказании бесплатной помощи населению. Юридическая помощь клиницистами оказывается в виде устных консультаций, не связанных с судебным представительство. Студенты юридических клиник во Франции оказывают населению с низким доходом бесплатные устные консультации, ведут информационную работу с гражданами [12, с. 25–26].

В таких странах, как Перу, Аргентина, Южная Африка, Австралия, Индия, Италия, Корея, Малайзия, Гаити и Чили, программы клинического образования уникальны и могут реализовываться как вид юридической помощи не только для индивидуального, но и для группового представительства [13, р. 1087].

Профессор Кембриджского университета Р.Дж. Уилсон в комплексном исследовании «Глобальная эволюция клинического юридического образования: больше, чем метод» отмечает, что сегодня просматривается общая единая цель, объединяющая клиники со всего мира, – реализация студентами-клиницистами всеобщего доступа к правосудию. Тема доступа к правосудию имеет прочные корни в большинстве правовых систем, и представление о том, что юридические школы могут внести значительный вклад в прогресс, идет рука об руку с развивающимся законодательством о бесплатной юридической помощи. Акцент на реали-

зации юридическими клиниками права на доступ к правосудию подчеркивает важность социальной роли университета в современном обществе [14, р. 1–28].

Существует ли университет исключительно для подготовки юристов к карьере или юридическая клиника должна выполнять свою социальную миссию за счет обеспечения доступности правосудия для малообеспеченных слоев населения?

Полагаем, что сегодня юридические клиники должны выходить за рамки просто инновационного учебного процесса, позволяющего будущим юристам освоить навыки работы с гражданами и документами. Государства должны иметь надежных социальных партнеров в профессиональной юридической среде, готовых взять на себя часть публичных функций по обеспечению доступности судебной системы. Адвокаты и иные профессиональные юристы коммерческого сектора оказывают бесплатную юридическую помощь, как правило, за счет государственных и региональных субсидий или грантов. Такая помощь, вписанная в национальные законодательства, традиционно бесплатна для граждан, но финансируема для юристов. Юридические же клиники имеют пул волонтеров pro bono из числа и преподавателей и студентов, которые готовы обеспечить надлежащее судебное представительство малообеспеченных граждан на безвозмездной основе. Барьером на пути реализации этой важнейшей цели клинического образования являются национальные процессуальные законодательства, содержащие профессиональные цензы для работы представителя в суде.

Каким же образом при имеющихся законодательных предпосылках в Российской Федерации можно обеспечить максимальные возможности по формированию практических навыков клиницистов?

Полагаем, что самая эффективная модель работы юридической клиники выстраивается только в тесном взаимодействии с государственными, и прежде всего судебными, органами. Из обобщенного зарубежного опыта следует, что студенты, ведущие приемы на площадках судебных учреждений, максимально погружены в практическую работу и имеют самые широкие возможности по приобретению soft-skills и hard-skills навыков. И вполне логично, что поручения по осуществлению судебного представительства студентами клиники наиболее востребованы от клиентов, которые уже вступили в правоотношения с судебными органами.

Однако в нашей стране лишь единичные юридические клиники могут вести прием граждан на базе судебных органов. Причиной тому

не только организационные трудности, но и этические ограничения в осуществлении судебных полномочий.

Юридическая клиника Новгородского государственного университета (НовГУ) с 2006 г. ведет прием граждан на базе Новгородского районного суда и Дома мировой юстиции. Прием был приостановлен лишь в 2020 г. – на время действия ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19. Поскольку суд не может ассоциироваться с любыми видами услуг, даже оказываемых на безвозмездной основе, такому взаимодействию предшествовали долгие переговоры с представителями судейского сообщества и территориального управления Судебного департамента РФ о соблюдении юридической клиникой всех законодательных и этических ограничений.

Сегодня судейское сообщество Великого Новгорода оказывает информационную поддержку в виде размещения информации о приеме граждан на сайте судов и Комитета записи актов гражданского состояния и организационного обеспечения деятельности мировых судей Новгородской области. При возникновении процессуальных сложностей с приемом заявления работники аппарата сразу направляют к студентам граждан в случае неправильно составленного процессуального документа или оставления искового заявления без движения. Судьи с особым вниманием относятся к процессам, в которых в качестве представителей участвуют студенты, не нарушая при этом принцип равенства сторон, психологически помогают участникам такого процесса сориентироваться в процедуре.

Тем не менее такое взаимодействие связано с огромной массой ограничений. В частности, посещение приема представителями СМИ для освещения невозможно без разрешения руководства суда. Любая информация о деятельности студентов в суде должна быть согласована с председателем суда или его заместителями. Сама организация приема, соблюдение режимных рамок и многие другие вопросы координируются с учетом условий, в которых работают суды. Особое внимание уделяется соблюдению правила «никакой рекламы», как называют его сами студенты. Речь идет о случаях, когда студенты в силу некомпетентности, сложности дела, положений Этического кодекса юридической клиники НовГУ, норм процессуального законодательства не могут оказать помощь клиенту. Граждане, как правило, в этом случае просят контакты юристов-профессионалов, которые бы могли им помочь. Само собой, предоставление любой информации о юристах, которые могли бы оказать помощь, в сте-

нах суда недопустимо, может расцениваться как реклама услуг конкретных представителей профессии.

Но в любом случае такой опыт получения практических навыков бесценен. Студенты могут погрузиться в реальный процесс, в суде «кипит жизнь»: еще минуту назад человек получил определение об оставлении искового заявления у помощника, а будущие юристы уже готовы исправить недостатки заявления. Такая помощь действительно оперативная и адресная.

За 20 лет существования юридическая клиника НовГУ реализовывала и реализует в настоящее время множество совместных проектов с государственными органами и органами местного самоуправления. Это и совместные приемы с городской прокуратурой, выезды в районы с территориальным управлением Минюста, организованные постоянно действующие пункты приема на площадках районных администраций, общественных приемных, приемы с представителями адвокатского сообщества и др. Такое взаимодействие видится более продуктивным с точки зрения не только оперативности оказания бесплатной правовой помощи населению, но и с позиции более полного формирования практических навыков. Представители разных профессиональных сообществ делятся своим видением роли юриста в различных правоотношениях и конфликтах, доступно на конкретных примерах разъясняют правила профессиональной этики.

Этически и информационно грамотно выстроенные взаимоотношения с судебными органами, по нашему мнению, дают наибольший эффект от участия студентов в оказании бесплатной юридической помощи. Базирование пунктов приема на площадке судебных органов еще и стремительно увеличивает профессиональную репутацию клиники и повышает доверие граждан к качеству оказанных будущими юристами консультаций. Очевидно, что умаление роли юридических клиник в современных условиях неоправданно и нецелесообразно. Сравнительный анализ показал, что в странах, где студенты имеют максимальные практические возможности, в том числе процессуальные полномочия в защите интересов клиента в суде, эффект от клинического юридического образования более стремительный и масштабный.

Библиографический список

1. Андреева Л.С., Лядов В.В. Юридическая клиника: понятие, цели, перспективы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 4 (35). С. 69–73.

2. Исаенкова О.В. Основная цель юридической клиники: защита прав малоимущих или навыки студентов? // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 1. С. 39–50.

3. Дегтярев С.Л., Решетников П.Г. Взаимодействие юридического вуза и органов прокуратуры при организации работы юридической клиники // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 1. С. 51–58.

4. Чекмарева А.В. В поисках новой модели юридического образования: современные подходы и педагогическое наследие Д.И. Мейера // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 1. С. 81–90.

5. Ковчина Н.В., Сапрыгина С.А. Социальный аспект профессиональной подготовки будущего бакалавра в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов // Педагогический журнал. 2015. № 3. С. 9–17.

6. Maker Y., Offergeld J., Arstein-Kerslake A. Disability Human Rights Clinics as a model for teaching Participatory International Human Rights Lawyering // International Journal of Clinical Legal Education. 2018. № 25 (3). P. 23–52.

7. Blandy S. Enhancing employability through student engagement in pro bono projects // International Journal of Clinical Legal Education. 2019. Vol. 26, № 1. P. 7–45.

8. Арсентьева С.С. Проблемы развития юридических клиник вузов // Юрист вуза. 2018. № 9. URL: <https://panor.ru/articles/problemy-razvitiya-yuridicheskikh-klinik-vuzov/12043.html>.

9. Germain G. From Classroom to Courtroom: A Doctrinal Teach Supervises Pro Bono Bankruptcy Cases // Journal of legal education. 2013. Vol. 62, № 4. P. 612–620.

10. Wilson R.J. Legal Aid and Clinical Legal Education in Europe and the USA: Are They Compatible? // Halvorsen R.O., Hammerslev O. (eds.). Outsourcing Legal Aid in the Nordic Welfare States. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. P. 263–285.

11. Aurey X. Law Clinics in France through the Prism of the Fundamental Rights Law Clinic, University of Caen Normandy // Alemanno A., Khadar L. (eds.). Reinventing Legal Education: How Clinical Education Is Reforming the Teaching and Practice of Law in Europe. Cambridge University Press. 2018. P. 110–125.

12. Ильина О.Ю., Иванова В.А. Современные проблемы деятельности юридических клиник во Франции и России // Юрист вуза. 2018. № 9. С. 24–27.

13. Boswell R.A. Book Review of The Global Evolution of Clinical Legal Education: More Than a Method, by Richard J. Wilson // Journal of Legal Education. 2018. Vol. 67, № 4. P. 1081–1088.

14. Wilson R. The Global Evolution of Clinical Legal Education: More than a Method. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 348 p.

Дата поступления: 02.09.2021

TROFIKOVA Marina Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russia; rina23@inbox.ru

**MECHANISMS FOR INTERACTION BETWEEN
LEGAL CLINICS AND GOVERNMENTAL BODIES:
LEGAL, ORGANIZATIONAL AND ETHICAL ISSUES**

Practice shows that a legal clinic is the most effective element of practical-oriented education in a law school today. Despite the introduction of project activities into curricula, the development of cooperation programs with employers, the harmonization of curricula and teaching materials with employers' representatives, it is the possibilities of clinical education that enable future lawyers to acquire practical skills even before graduation. Nevertheless, some distance of clinics from employers' practice bases and sites does not allow full benefit of clinical training. **Purpose:** to examine possible mechanisms for interaction between legal clinics and governmental bodies, primarily courts. **Methods:** the national and world experience of legal clinics is studied, the level of legislative regulation of their activities and the degree of their involvement in national systems of free legal aid are determined by applying comparative legal, specific legal methods, analysis and synthesis. **Results:** the author substantiates that the program of clinics should include measures to provide free legal assistance to the public at employers' venues. The opinion is expressed that such work can contribute to the involvement of students in the practice of judicial representation of clients' interests, as the most professional element of free legal aid. The article identifies possible ethical and organizational problems that may arise in the implementation of such interaction, and suggests ways to overcome them on the example of the activities of the legal clinic of the Novgorod State University.

Keywords: legal clinic; clinical legal education; free legal aid; practical skills; consulting; legal representation; judicial ethics.

References

1. Andreeva L.S., Lyadov V.V. Legal clinic: concept, goals, perspectives. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and administration*, 2013, no. 4 (35), pp. 69–73. (In Russian).
2. Isaenkova O.V. The main goal of the legal clinic: protecting the rights of the poor or the skills of students? *Vestnik grazhdanskogo processa = Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 39–50. (In Russian).
3. Degtyarev S.L., Reshetnikov P.G. Interaction between a law school and prosecutors in organizing the work of a legal clinic. *Vestnik grazhdanskogo processa = Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 51–58. (In Russian).
4. Chekmareva A.V. In search of a new model of legal education: modern approaches and pedagogical heritage of D.I. Meyer. *Vestnik grazhdanskogo processa = Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 81–90. (In Russian).
5. Kovchina N.V., Saprygina S.A. The social aspect of the professional training of the future bachelor in the context of the implementation of Federal state educational standards. *Pedagogicheskij zhurnal = Pedagogical Journal*, 2015, no. 3, pp. 9–17. (In Russian).
6. Maker Y., Offergeld J., Arstein-Kerslake A. Disability Human Rights Clinics as a model for teaching Participatory International Human Rights Lawyering. *International Journal of Clinical Legal Education*, 2018, no. 25 (3), pp. 23–52.
7. Blandy S. Enhancing employability through student engagement in pro bono projects. *International Journal of Clinical Legal Education*, 2019, vol. 26, no. 1, pp. 7–45.
8. Arsent'eva S.S. Problems of development of legal clinics of universities. *YUrist vuza = University Lawyer*, 2018, no. 9. Available at: [https:// panor.ru/articles/problemy-razvitiya-yuridicheskikh-klinik-vuzov/12043.html](https://panor.ru/articles/problemy-razvitiya-yuridicheskikh-klinik-vuzov/12043.html).
9. Germain G. From Classroom to Courtroom: A Doctrinal Teach Supervises Pro Bono Bankruptcy Cases. *Journal of legal education*, 2013, vol. 62, no. 4, pp. 612–620.
10. Wilson R.J. Legal Aid and Clinical Legal Education in Europe and the USA: Are They Compatible? In Halvorsen R.O., Hammerslev O.

(eds.). *Outsourcing Legal Aid in the Nordic Welfare States*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018, pp. 263–285.

11. Aurey X. Law Clinics in France through the Prism of the Fundamental Rights Law Clinic, University of Caen Normandy In Alemanno A., Khadar L. (eds.). *Reinventing Legal Education: How Clinical Education Is Reforming the Teaching and Practice of Law in Europe*. Cambridge University Press, 2018, pp. 110–125.

12. Ilyina O.YU., Ivanova V.A. Modern Problems of Legal Clinics in France and Russia. *YUrist vuza = University Lawyer*, 2018, no. 9, pp. 24–27. (In Russian).

13. Boswell R.A. Book Review of the Global Evolution of Clinical Legal Education: More Than a Method, by Richard J. Wilson. *Journal of Legal Education*, 2018, vol. 67, no. 4, pp. 1081–1088.

14. Wilson R. *The Global Evolution of Clinical Legal Education: More than a Method*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2017. 348 p.

Received: 02.09.2021

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

УДК 341.229

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.18

ЕЛИЗАРОВ Михаил Владимирович

*кандидат философских наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права
Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия; mikeufa@yandex.ru*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МИРНОГО ОСВОЕНИЯ КОСМОСА: ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ

Автор анализирует эффективность международно-правовой базы, регулирующей деятельность государств в космическом пространстве, с учетом имеющихся в ней пробелов, допускающих возможность размещения оружия и применения силы в космосе. **Цель:** попытаться ответить на вопрос о том, существует ли четкая грань между мирным освоением и милитаризацией космоса, допустимо ли развертывание в космосе противоспутниковых и противоракетных систем? **Методы:** общенаучные методы, метод толкования правовых норм и прогностический метод. **Результаты:** в ходе исследования автор приходит к следующим выводам: Договор о космосе не охватывает потенциально опасные виды деятельности государств в космосе; нет общепризнанного понимания того, что такое оружие в космосе; грань между мирным освоением космоса и милитаризацией размыта; акцент в понимании термина «мирный» смещается к значению «неагрессивный»; при неагрессивном военном освоении космоса развертывание там оборонительных систем вооружений оказывается допустимым.

Ключевые слова: мирное использование космического пространства; Договор о космосе; милитаризация космического пространства; космическая гонка; спутниковые установки; противоспутниковое оружие; системы противоракетной обороны; неагрессивное военное использование космоса; запрещение оружия в космосе; размещение оружия; использование силы в космосе.

Во все времена человечество стремилось подняться выше небес и изучать звезды, о чем свидетельствуют мифы многих народов. В 1957 г. Советский Союз отчасти осуществил эту мечту, запустив в космос первый в истории искусственный спутник Земли («Спутник-1»). Это знаменательное событие послужило тревожным сигналом для международного сообщества, побудив США активизировать собственную космическую программу. Кроме того, оно вызвало острую необходимость в создании международно-правовой базы для предотвращения размещения оружия в космосе.

В настоящее время систему международно-правового регулирования мирного освоения космоса составляют четыре политических соглашения, принятых под эгидой ООН: Договор о космосе (1967), Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1967), Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1971), Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1974). Пятый документ – Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, – принятый Генеральной ассамблеей ООН в 1979 г., так и не был ратифицирован ни одним государством и не имеет в настоящее время практического значения.

Договор о космосе 1967 г. был первым и остается самым важным из договоров ООН по космосу. Он содержит руководящие принципы международного космического права. Договор ратифицировали более 100 стран мира, включая СССР, США и Китай. Государства-участники обязуются не выводить в космос объекты с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения, использовать Луну и иные небесные тела исключительно в мирных целях, не допускать создания на них военных баз и проведения военных маневров¹.

Вместе с тем Договор не охватывает некоторые потенциально опасные виды деятельности государств в космическом пространстве, включающие в себя использование противоспутникового оружия, систем противоракетной обороны (ПРО), а также размещение в космосе обычных вооружений. Однако здесь все же следует учитывать контекст той эпохи,

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19.12.1966 [Электронный ресурс] // ООН : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 31.03.2021).

когда разрабатывался Договор. Естественно, что этот контекст значительно отличался от современного как технологически, так и геополитически.

Еще одна важная проблема, связанная с мирным освоением космоса, состоит в том, что ни один из договоров ООН по космосу не определяет и не разъясняет понятие «мирный» применительно к деятельности государств в космосе. Большинство законодателей и дипломатов, принимавших участие в разработке космического права, использовали термин «мирный» как синоним «невоенного». Но космические державы (Советский Союз и США), оценившие тот огромный потенциал, который имеет космос для разведки, связи и военных целей, во времена холодной войны склонялись к значению «неагрессивный».

Вопрос о том, где проходит грань между мирным освоением космоса и его милитаризацией, пока остается нерешенным. Есть надежда, что ответить на него смогут неправительственные группы юристов-экспертов из разных стран, которые стремятся восполнить пробелы в международном космическом праве. В качестве примера можно привести одну из таких экспертных групп, осуществляющих работу над проектом «Руководство Вумера». Это команда ученых, состоящая из сотрудников Юридического колледжа Университета Небраски, университетов Аделаиды, Эксетера, Нового Южного Уэльса в Канберре. Цель данного проекта состоит в разработке руководства, которое позволило бы восполнить все имеющиеся пробелы в области международного космического права, применимого к военно-космической деятельности.

Приходится констатировать, что в последнее время наблюдается нарастание угрозы гонки вооружений в космосе. Об этом, в частности, заявил в своем видеообращении к участникам Женевской конференции по разоружению министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров. По его мнению, «США и их союзники приступили к практической реализации курса на использование околоземного пространства для ведения боевых операций, в том числе наступательных, и размещение там ударных систем вооружений». При этом глава МИД РФ считает, что «...пока еще сохраняется шанс выработать меры, способные предотвратить гонку вооружений в космосе»¹.

Помимо Договора о космосе ранее существовал еще один важный документ – Договор об ограничении систем ПРО, подписанный в 1972 г. Советским Союзом и США. Этот Договор ограничивал количество бал-

¹ Лавров заявил, что угроза гонки вооружений в космосе растет // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). 2021. 24 фев. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/10770501> (дата обращения: 05.04.2021).

листических ракет и пусковых установок, их расположение и состав. Принятое в 1974 г. Дополнение к Договору сократило количество развертываемых каждой стороной районов ПРО до одного. Однако в декабре 2001 г. президент США Дж. Буш-младший неожиданно для всех объявил о выходе США из Договора, что нанесло ущерб международной безопасности. На следующий день Кремль заявил, что не будет соблюдать Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 1993 г. (СНВ-2), который ограничивал стратегические вооружения, включая ядерные боеголовки, баллистические ракеты подводных лодок и тяжелые межконтинентальные баллистические ракеты.

При рассмотрении проблем, связанных с мирным освоением космоса, неизбежно возникает несколько важных вопросов, ответы на которые, к сожалению, не дают нам ни Договор о космосе, ни другие политические договоренности, заключенные под эгидой ООН. Главный из них: что представляет собой оружие в космосе, размещение которого противоречит требованию сохранять космическое пространство открытым для исследования и использования всеми государствами исключительно в мирных целях? В частности, противоречит ли принципам мирного освоения размещение в космосе спутниковых систем для управления беспилотными летательными аппаратами военного назначения?

Проблема состоит в том, что в космическом праве на сегодняшний день нет общепризнанного определения понятия «космическое оружие». Динамика космической среды и законы физики создают условия, когда практически любой объект в космосе можно рассматривать как потенциальное оружие. Это вызывает большие трудности при выработке приемлемого определения космического оружия. Можно ли, например, считать космическим оружием такие устройства, которые сами по себе не наносят какого-либо физического ущерба, но могут выводить из строя оборудование для управления, контроля и наблюдения за целью, имеющее жизненно важное значение в работе космических аппаратов и ракет?

Нарастанию угрозы гонки вооружений в космосе способствует и то обстоятельство, что в последнее время растет число космических аппаратов, имеющих двойное назначение (гражданское и военное). Практически любой спутник может использоваться во враждебных целях, особенно это касается спутников связи и систем навигации (будь то американский GPS, российский ГЛОНАСС или китайский BeiDou). Все они могут применяться для наведения высокоточного оружия. По мне-

нию Ю.М. Колосова, «космические ракеты могут служить в качестве носителей ядерного оружия, космические аппараты могут использоваться в разведывательных целях, для испытания ядерного оружия в космическом пространстве» [1, с. 4].

Уже сегодня системы спутниковой связи используются передовыми странами для управления войсками, проведения спецопераций, предоставления подробной разведывательной информации о потенциальных целях, выступая тем самым факторами повышения боевых возможностей воюющих армий. Как следствие, сегодня наметилась тенденция к расширению арены потенциальных конфликтов, и в будущем театром военных действий может стать космос.

И все же основными видами оружия, вызывающими озабоченность, когда речь заходит о нарастании угрозы гонки вооружений в космосе, являются противоспутниковое оружие и системы ПРО, предназначенные для перехвата межконтинентальных баллистических ракет. В международном праве пока не существует запрета на создание, испытание и развертывание в космосе противоспутникового оружия. В этой связи, как считает президент Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы В. Кантор, сегодня необходимо «...в качестве первого шага на пути к предотвращению милитаризации космического пространства договориться о запрете на испытания противоспутниковых систем и ударных космических средств ПРО»¹.

В настоящее время противоспутниковое оружие есть у США, России, Китая и Индии. 11 января 2007 г. успешное испытание противоспутникового оружия провел Китай, сбив один из своих несуществующих метеорологических спутников, а 26 марта 2019 г. – Индия, которая создала такое оружие якобы для противостояния китайской угрозе. Не так давно космическое командование США и Британии обвинило Россию в разработке и испытании систем космического базирования. По данным США, испытания прошли 15 июля 2020 г.: Космос – 2543 (российский спутник мониторинга объектов на околоземной орбите, спутник-инспектор) запустил со своего борта некий снаряд, который унесся в неизвестном на-

¹ Кантор предлагает запретить испытания ударных космических средств ПРО // Российское агентство международной информации «РИА Новости». 2017. 24 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170324/1490720206.html> (дата обращения: 07.04.2021).

правлении со скоростью около 500 км/ч. Такой кинетический снаряд может уничтожить любой спутник любого вероятного противника¹.

Вне зависимости от того, какая страна проводит подобные испытания, они несут в себе опасность как для спутниковых систем навигации, связи и мониторинга окружающей среды (от которых зависят многие сферы жизни общества), так и для глобальной системы позиционирования, которая крайне необходима в кризисных ситуациях. И, что наиболее важно, такие испытания несут в себе разрушительный потенциал, создавая на околоземной орбите еще больше космического мусора.

В настоящее время круг стран, вовлеченных в испытания возможностей противоспутникового оружия, не ограничивается космическими державами. Даже страны, не располагающие технологиями, необходимыми для реализации космических программ в военной сфере, весьма успешно решают эту проблему, закупая эти технологии у стран, которые ими обладают. Этот процесс пока находится на начальной стадии, но он уже идет. Космические державы, скорее всего, продолжат вести работу над совершенствованием оборонительных и наступательных систем (в целях сдерживания и обеспечения своего военного превосходства).

Дискуссии о том, где проходит грань между мирным освоением космоса и милитаризацией, бушевавшие на заре космической эры, продолжаются и по сей день, но немного утихли. Теперь страны, вовлеченные в деятельность по освоению космоса, в понимании термина «мирный» все больше склоняются к значению «неагрессивный», как в прежние времена это делали СССР и США. Кроме того, акцент в дискуссиях о мирном освоении космоса постепенно сместился от обсуждения проблемы милитаризации к проблеме вепонизации (размещения оружия) и возможного применения силы в космосе.

Здесь возникает вопрос: допустимо ли при неагрессивном военном освоении космоса развертывание там оборонительных систем? На него можно ответить утвердительно, если принять во внимание положения Договора о космосе. В частности, несмотря на запрет размещения в космосе ядерного оружия и оружия массового поражения, полного запрета на размещение оружия в космосе не существует. Правовой режим, установленный Договором, позволяет развертывать там системы обыч-

¹ Russia satellite: Kremlin accuses US and UK of 'distorting' truth // BBC World Service. 2020. 24 July [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-53529659> (дата обращения: 07.04.2021).

ных вооружений и использовать их в обстоятельствах, когда международное право разрешает применение силы.

К счастью, нарастание угрозы гонки вооружений пока не привело к размещению оружия или применению силы в космосе. На сегодняшний день государства склонны проявлять сдержанность, ограничивая деятельность по освоению космоса разведкой, обеспечением связи, навигации и контролем передвижений на суше, на море, в воздухе и в космосе, включая системы предупреждения о ракетном нападении. Будет ли эта сдержанность сохраняться и впредь, во многом зависит от того, насколько хорошо государства осознают угрозу своей безопасности и национальным интересам, исходящую от милитаризации космоса.

Библиографический список

1. Колосов Ю.М. Борьба за мирный космос. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2014. 128 с.

Дата поступления: 22.08.2021

YELIZAROV Mikhail Vladimirovich

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of law, Bashkir State University, Ufa, Russia; mikeufa@yandex.ru

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE PEACEFUL EXPLORATION OF OUTER SPACE: PROBLEMATIC ASPECTS

This paper examines the efficiency of the international legal framework governing activities of States in outer space in view of the existing gaps within it allowing for space weaponization and the use of force in outer space. **Purpose:** the paper attempts to answer the following question – is there a clear line between peaceful exploration and militarization of outer space, and is it legally permissible to deploy anti-satellite and anti-missile systems in outer space? **Methods:** the study employs general scientific methods, legal interpreting and forecasting. **Results:** the following conclusions have resulted from the study: the 1967 Outer Space Treaty does not cover potentially harm-

ful activities of States in outer space; there is no general agreement on the definition of «space weapon»; the line that's drawn between peaceful space exploration and militarization appears to be blurry; the emphasis in understanding the term «peaceful» has shifted towards the meaning of «non-aggressive»; non-aggressive military uses of space allow for the deployment of defensive weapon systems in space.

Keywords: peaceful exploration of outer space; the Outer Space Treaty; militarization of outer space; «space race»; satellite installations; anti-satellite missile systems; anti-missile defense systems; non-aggressive military exploration of space; prohibition on weapons in space; weaponization; use of force in space.

References

1. Kolosov YU.M. *Bor'ba za mirnyj kosmos* [Struggle for a peaceful space]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2014. 128 p.

Received: 22.08.2021

УДК 341

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.19

MUKHAMETGAREEVA Natalia Mikhailovna

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia; nmch77@mail.ru

YUSUPOVA Zilya Anasovna

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia; zilya_iousupova@mail.ru

**ENVIRONMENTAL PARTNERSHIP BETWEEN
THE EUROPEAN UNION AND THE RUSSIAN FEDERATION
BASED ON THE PARTNERSHIP AND COOPERATION
AGREEMENT: CHALLENGES AND PROSPECTS**

In today's world, there are many global problems, among which one of the most fundamental is the environmental problem. The solution of this issue is impossible without the joint efforts of the neighbor States. Therefore, cooperation between the Russian Federation and the European Union, that share a common border, is promising. The partnership between Russia and the European Union in the sphere of ecology is supported by the Partnership and Cooperation Agreement. **Purpose:** to define the main directions for the evolution of the partnership between Russia and the European Union in the field of environmental protection applying on the Cooperation and Partnership Agreement. **Methods:** the authors made an analysis of international instruments in the sphere of ecological safety, with interpretation and detailed review of normative legal acts. **Results:** there is a great number of opportunities for increasing environmental cooperation between the Russian Federation and the European Union. The authors believe that such increasing should also be built on treaties in the sphere of environmental protection, in the development of the ecological enactments of the Cooperation and Partnership Agreement that regulate the intercourse of States in question. The completion of such a treaty is very significant not only for the under question countries but for the whole continent. **Keywords:** ecology; partnership; environment protection; agreement; partnership; cooperation in the sphere of environment protection.

The problems of environmental safety are very important not only for the Russian Federation but also for the European Union. These problems are universal and they must be solved collectively, by cooperative efforts. The European Union effectively implements its rules to prevent overexploitation of natural resources [1, p. 113]. We should mention that «the European Union is interested in partnership with The Russian Federation in this area» [2, c. 83]. Russia actively works in this field with individual European countries and the Community as a whole. Cooperation between Russia and the European Union in this area is currently governed by the Partnership and Cooperation Agreement.

The Agreement was signed on 24 June 1996¹. The Russian Federation ratified it at the end of 1996. The document entered into force one year later (1 December 1997), when the European Parliament and the parliaments of member States also ratified it.

The Agreement is an international treaty. It was concluded for 10 years. At the end of that period, the document shall be automatically extended each year until one of the parties withdraws from it.

It is necessary to point out that the European Union concluded such agreements with all the newly independent States of the post-Soviet area, except Tajikistan. The contents of these documents are exactly the same, which leads to the conclusion that the Agreement in question is a kind of «model treaty». However, the fact that such treaties were concluded with other countries does not diminish the importance of the Partnership and Cooperation Agreement in question for the development of bilateral relations and cooperation among the parties of international law.

The Agreement in question is not the result of a treaty between the parties in the sphere of environmental reclaim. On the contrary, it deals with relations on a wide range of problems, basically in the economic sphere. Thus, and consistent with art. 1 of the Agreement, economic cooperation is a priority for the parties. It also deals with the collaborations on the environment, science, culture, tourism and other.

Environmental protection is mentioned several times in the Agreement:

- Art. 19 provides for the possibility of prohibiting the import, export or transit of goods in case they cause damage to the environment;
- Art. 55 provides partnership in laws, including the environment safety;

¹ Соглашение о сотрудничестве и партнерстве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны от 25.11.1996 № 135-ФЗ // Бюллетень международных договоров. 1998. № 8. С. 3–74.

– Art. 56 provides that economic partnership must take into account the environmental issues;

– Art. 69 deals entirely with cooperation in the field of environmental protection.

So, Art. 69 is very «environmental» in the Agreement under consideration.

Some norms of this article refer to international treaties where the European Union and Russia are participants: the European Energy Charter (1991)¹, the Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal (1989)², the Lucerne Conference Declaration (1993)³, the Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context (1991)⁴.

As for the European Energy Charter, it is an international instrument signed in 1991, not only by Russia and the European Union, but also by some States in Asia and North America. It is an environmental instrument that is the basis for specific international energy treaties. The arrangements for effective performance of the energy market under the Charter are environmental protection. Cooperation in this area includes:

– coordination of energy policies necessary to promote the aims of the Charter;

– access to economic and technical information compatible with property rights;

– establishment stable legal conditions for the development of energy resources;

– coordination the field of safety of energy products and their transportation, as well as in energy installations;

– alleviation the interaction and exchange of the new technological information in the energy and environmental fields, including training;

– research, technological development and demonstration projects.

¹ Energy Charter Treaty, 1991 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.energy-charter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (дата обращения: 13.09.2021).

² Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, 1989 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/text/BaselConventionText-r.pdf> (дата обращения: 13.09.2021).

³ Lucerne Conference, Second Ministerial Conference «Environment for Europe», 28–30 April 1993 [Электронный ресурс]. URL: <https://unece.org/lucerne-conference> <http://staging2.unece.org.net4all.ch/fileadmin/DAM/env/efe/history%20of%20EFE/Luzern.E.pdf> (дата обращения: 13.09.2021).

⁴ Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 25.02.1991 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml. (дата обращения: 13.09.2021).

As a result of the Lucerne Conference of European Ministers of the Environment, the Environmental Action Programme was adopted, it was based on the European Commission report «Elements for a Long-term European Environment Programme» which defined the main directions for the growth of environment cooperation in Europe. The Programme was adopted as the base for European environmental actions, including the common mechanism for financing environmental activities.

Article 69 of the Cooperation and Partnership Agreement establishes goals and objectives of partnership in the sphere of environment protection:

- pollution control and monitoring the environmental status;
- water and air pollution control on all levels: local, regional;
- ecological recovery;
- chemicals sound management;
- appraisal of water quality;
- following the Basel Convention standards ,waste reduction, recycling and safe disposal;
- environmental impact on chemical pollution, agriculture, soil erosion;
- forests protection;
- biological diversity conservation;
- use of economic and fiscal instruments;
- global climatological changes;
- ecological education;
- use the Espoo Convention on environmental impact assessment in a transboundary context.

Thus, the areas of partnership between the parties take into account environmental problems and envisage large-scale team-work to solve them.

Also, art. 69 of the Agreement proposes the necessary means to cooperate between the parties concerning the problems connected with the environment safety and protection:

- prediction of cataclysms, disasters, incidents;
- information and experts exchange, exchange of the information connected with clean technology and safe use of bioengineering technique;
- joint exploratory and scientific activity;
- development of legal theory;
- regional and international levels cooperation, including partnership within the European Environment Agency;
- strategizing of global and climate problems and with the aim of achieving sustainable development;
- environmental testing.

However, the document analysis shows that the statutes on cooperation in this area are not sufficient. For example, the list of means of environmental cooperation is closed and it is not understood if it is possible to use the other means that are not written in the Agreement. The document doesn't study the need of specific mechanisms for cooperation in environmental protection.

On the other hand, the Agreement in question is a framework document. It should lead to specific bilateral cooperation treaties. Let us say, in 2002 the Russian Federation and the Community signed the Agreement on Trade in Certain Steel Products and it was based on the Partnership and Cooperation Agreement¹. In accordance with Declaration 2 of the instrument under consideration, the Parties recognize that the compatibility of their environmental legislation is a fundamental term for the trade development.

The Partnership and Cooperation Agreement establishes the basis for the relationship between the parties. Thus, there are a lot of opportunities for extending environmental partnership between the Russian Federation and the European Union. We believe that such extension should be based on special bilateral environmental agreements, on the growth of the environmental regulations of the Partnership and Cooperation Agreement, that, at present day, regulates the Russian Federation and the Community mutual relations. The completion of such a treaty is very significant not only for the under question countries but for the whole continent.

We believe, that the environmental safety cooperation between Russia and the European Union is developing within the multilateral conventions and agreements, international organizations and bilateral treaties and agreements. However, «despite the development of international environmental law, the growth in the number of international treaties on nature protection, our environment continues to deteriorate and new environmental challenges appear» [3, с. 158].

The Russian Federation and the European Union have gained great experience in the international legal regulation of environmental protection and are actively cooperating with each other in this area, owing to the transboundary nature of the problems under consideration. The basic document governing this relationship is the Agreement on Partnership and Cooperation (1996).

¹ См.: Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом о торговле некоторыми изделиями из стали от 29.05.2002 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902014019> (дата обращения: 20.10.2020).

References

1. Dubos O., Marguénaud J.-P. La Protection Internationale et Européenne des Animaux. *Pouvoirs*, 2009, no. 4 (131), pp. 113–126. DOI: 10.3917/pouv.131.0113.

2. Gusev A.A. *Sovremennaya ekologicheskaya politika* [Contemporary environmental policy]. Publishing house of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2008. 222 p.

3. Yusupova Z.A., Muhametgareeva N.M. On the Issue of the Effectiveness of International Environmental Law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 4-2 (62), pp. 157–164. (In Russian).

Received: 20.09.2021

МУХАМЕТГАРЕЕВА Наталья Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия; nmch77@mail.ru

ЮСУПОВА Зиля Анасовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия; zilya_iousupova@mail.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ НА ОСНОВЕ
СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ПАРТНЕРСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Одной из насущных и актуальных проблем современного мира является проблема защиты окружающей природной среды, решение которой невозможно без объединения усилий сопредельных государств. В этой связи сотрудничество между Европейским союзом и Российской Федерацией, имеющими общую границу, является многообещающим и пер-

спективным. Взаимоотношения России и Евросоюза в сфере охраны окружающей среды строятся на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. **Цель:** определить основные направления развития международно-правовых отношений России и Европейского союза в области охраны окружающей среды на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. **Методы:** анализа и толкования нормативных правовых актов. **Результаты:** расширение экологического сотрудничества оправданно и необходимо как для Российской Федерации, так и для Евросоюза, авторы считают, что подобное расширение должно основываться на специальных двухсторонних соглашениях в сфере охраны окружающей среды в развитие экологических положений Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, регулирующего отношения Европейского сообщества и России в настоящее время. Соглашение имеет огромное значение не только для стран-участниц, но и, принимая во внимание пространство действия этого документа, для всего континента.

Ключевые слова: экология; защита окружающей среды; соглашение; партнерство; сотрудничество в области охраны окружающей среды.

Библиографический список

1. Гусев А.А. Современная экологическая политика. М. : Изд-во ИЕ РАН, 2008. 222 с.

2. Dubos O., Marguénaud J.-P. La Protection Internationale et Européenne des Animaux // Pouvoirs. 2009. № 4 (131). P. 113–126. DOI: 10.3917/pouv.131.0113.

3. Юсупова З.А., Мухаметгареева Н.М. On the Issue of the Effectiveness of International Environmental Law // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-2 (62). С. 157–164.

Дата поступления: 20.09.2021

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ**

**PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE
AND EDUCATION**

УДК 347.1

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.20

ПОПОВА Анна Владиславовна

*доктор юридических наук, кандидат философских наук,
доцент, профессор Департамента международного и публичного
права Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры
теории государства и права Института права Бакирского
государственного университета, профессор кафедры
конституционного права Юридического факультета
им. М.М. Сперанского Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия; anna0710@yandex.ru*

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ VS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙТИНГОВЫЕ СИСТЕМЫ¹**

Задача создания к 2030 г. не менее 100 прогрессивных современных университетов – центров научно-технологического и социально-экономического развития страны, для достижения глобальной конкурентоспособности системы высшего образования России и практический провал Программы 5-100 актуализируют необходимость обоснованного законодательного закрепления критериальных показателей достижения такой амбициозной цели. **Цель:** проанализировать критерии основных международных рейтинговых систем, нормативные правовые акты Российской

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Федерации и иные юридические документы в сфере высшего образования для выявления групп критериев для достижения российскими вузами глобальной конкурентоспособности. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись также частнонаучные методы: сравнительно-правой, юридико-догматический. **Результаты:** исследование позволило на основе сравнительно-правового анализа основных международных рейтинговых систем, юридических документов, российского законодательства и научной литературы сделать вывод о необходимости внесения в законодательство Российской Федерации критериальных положений, учитывающих не только международные показатели, ориентированные на англо-американскую систему образования, но, прежде всего, Стратегию национальной безопасности РФ.

Ключевые слова: право на образование; конституционные основы; национальные интересы; глобализация; общество знаний; международные рейтинговые системы; правовое государство.

Система высшего образования играет важную роль в развитии любого общества и его экономики, о чем свидетельствует постановка на международном уровне задачи построения общества знаний¹, основой для которого должна стать экономика, обеспечивающая неуклонное развитие человеческого капитала. Для решения этой задачи особенно важны надежные системы обеспечения и оценки качества образования как на глобальном, так и на национальном уровне. Исходя из этого, в Российской Федерации поставлена цель достижения глобальной конкурентоспособности российского образования, для чего проводится модернизация системы образования, основанная в первую очередь на совершенствовании контроля и управления качеством образования, что должно получить законодательное закрепление. Как отмечается в п. 22 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400² (далее – Стратегия), система образования должна стать одним из основных индикаторов конкурентоспо-

¹ К обществам знаний : доклад ЮНЕСКО [Электронный ресурс] URL: <https://ifap.ru/library/book042.pdf> (дата обращения: 09.07.2021) ; Ведущая роль ЮНЕСКО в реализации глобальной Повестки дня «Образование – 2030» [Электронный ресурс] URL: <https://ru.unesco.org/themes/vedushchaya-rol-yunesko-v-realizacii-globalnoy-poves-tki-dnya-obrazovanie-2030> (дата обращения: 09.07.2021).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2021).

способности России, так как только современное образование, сотрудничество с иными образовательными мировыми системами будет способствовать дальнейшему развитию нашей страны во всех сферах общественного и государственно-правового развития. Однако необходимо иметь в виду обязательное базовое условие – упрочение российской культуры, сохранение и сбережение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В целях обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образовательного контента особое значение приобретает тот факт, что с начала XXI в. осуществляется значительное воздействие, а подчас и прямой экспорт международной образовательной среды в лице ведущих образовательных организаций (прежде всего, государств англо-американской государственно-правовой системы) в образовательные системы отдельных стран, определяющих направленность их трансформации в сторону прямых заимствований из западноевропейских систем высшего образования, что приводит к изменению государственно-правовой политики в данной сфере и ее законодательного регулирования. Образовательная среда каждого государства основана на культурных ценностях, соответствующем им образе жизни и моделях социального развития, распространение которых на другие национальные государственно-правовые порядки способствует прямой экономической выгоде стран – экспортеров образовательного контента, а также укреплению соответствующего политико-правового влияния на импортирующие систему образования государства.

На наш взгляд, конкуренция образовательных систем в мировом масштабе приводит к созданию единого образовательного пространства, оценка которого для интересов каждой отдельной страны, имеющей индивидуальный подход на основе национального уникального кода, не является однозначно положительной. Достаточно обратить внимание на все более упрочивающуюся в современном обществе оценку университета не как базы для формирования национальной идеи, основанной на соответствующих традициях, ценностях и иных составляющих культурного кода страны, а как на образовательную организацию на мировом рынке образовательных услуг, выпускающую так называемых граждан мира с соответствующими установками и предпочтениями.

Таким образом, сегодня в системе национального образования большинства стран сложились два основных подхода к развитию собственной системы образования: во-первых, включение национальной системы вузовского образования в общую глобализационную образовательную систему, оцениваемую по международным рейтинговым сис-

темам на основе единых критериев; во-вторых, следование концепции регионализма, основанной, прежде всего, на учете национальных особенностей каждой страны, системе ценностей и традиций.

Конкуренция в системе образования, в соответствии с юридическими документами, принятыми в последнее время в России, «заняла место ключевого элемента глобальной конкуренции, требующей постоянного обновления технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам и требованиям динамично меняющегося мира»¹. Для реализации установленной Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»² цели по вхождению к 2020 г. не менее пяти российских вузов в первую сотню ведущих мировых университетов были созданы условия, выразившиеся в государственной поддержке ведущих университетов Российской Федерации (в Проекте 5-100 по результатам конкурсного отбора 2013 и 2015 гг. участвовал 21 российский вуз). Однако по состоянию на 2020 г. ни одно высшее учебное заведение, участвующее в этой программе, не заняло соответствующего места по общим показателям в рейтингах таких организаций, как Academic Ranking of World Universities (ARWU), Times Higher Education (THE) и Quacquarelli Symonds³. Одной из причин «провала» Проекта 5-100 был фактор различия в критериальных показателях (см. табл.) международных рейтинговых систем, воспринимаемых в большинстве стран как soft

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 15.06.2021).

² О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки : указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.05.2012).

³ Лишь восемь российских вузов вошли в топ-100 по отдельным предметным рейтингам этих организаций (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Московский физико-технический институт, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Национальный исследовательский университет ИТМО (Университет ИТМО, ИТМО), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Новосибирский национальный исследовательский университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет). См. подробнее: Сводная таблица «Российские вузы в ключевых мировых рейтингах» за 2012–2021 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Проекта 5-100. URL: <https://www.5top100.ru/rankings/> (дата обращения: 09.03.2021).

law – «мягкое право», которое, с одной стороны, носит рекомендательный характер, с другой – признается единственным доказательством уровня развития национального образования. Поэтому для достижения цели, поставленной Президентом РФ В.В. Путиным, направленной на «обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования»¹, необходимо провести соответствующую их корреляцию. Следование международным стандартам в сфере образования, на наш взгляд, уже сегодня противоречит Стратегии.

Сегодня известны 59 национальных и 20 наиболее авторитетных в мире международных рейтингов², из них три являются самыми престижными: ARWU, QS World University Rankings (QS) и The World's Most Innovative Universities. При этом качество образовательной среды как отдельный общий балл в рейтинге вузов есть только в таких рейтингах, как Round University Ranking (RUR) и THE. Предметные рейтинги (48 областей) оцениваются в QS.

**Доля критериальных показателей
для ранжирования вузов (2020–2021 гг.)³**

Название рейтинга	Критериальные показатели	Удельный вес (%)
1	2	3
Научные исследования		
ARWU	Число статей, опубликованных в журналах Nature и Science	20

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.05.2018).

² Соловьёв О. Зачем нужны рейтинги и как их использовать для выбора университета мечты [Электронный ресурс] // Forbes Education. URL: <https://education.forbes.ru/authors/rankings-oleg-solovyov> (дата обращения: 11.08.2021).

³ Составлено на основе анализа официальных сайтов международных рейтинговых организаций. См. также: Мартыненко А. Международные рейтинги вузов как инструмент оценки международного признания [Электронный ресурс]. URL: <https://univer.expert/mezhdunarodnyye-reytingi-vuzov-kak-instrument-otsenki-mezhdunarodnogo-priznaniya/> (дата обращения: 14.08.2021) ; Ермак С., Кузнецов П., Толмачев Д., Юровских П. Рейтинг публикационной и изобретательской активности университетов России – 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/reyting-publikacionnoy-i-izobretatel'skoy-aktivnost.html> (дата обращения: 14.08.2021).

Продолжение таблицы

1	2	3
	Число статей, индексируемых в базах данных Science Citation Index Expanded и Social Sciences Citation Index (Thomson Reuters)	20
THE	Среднее число цитирований в расчете на одну статью (нормализованное по областям науки, по данным базы Web of Science, Thomson Reuters)	30
	Репутационный опрос о научно-исследовательских работах, выполняемых вузом	18
	Доход от научных исследований	6
	Продуктивность научных исследований	6
	Доход от отрасли (практическое воплощение научных исследований, готовность выполнять заказы экономических структур)	2,5
QS	Среднее число цитирований в расчете на одну штатную академическую единицу (по данным Scopus, Elsevier)	20
	Индекс академической репутации	40
RUR	Цитирование научных статей ученых вуза (занятых исключительно научно-исследовательской работой, исключая преподавание) – количество цитирований всех авторов научных публикаций вуза делится на количество профессорско-преподавательского состава и исследователей, проработавших в университете в течение определенного периода времени (определенный год).	8

1	2	3
	При подсчете количества публикаций учитываются только «Статья» и «Заметки», проиндексированные библиометрической системой Web of Science Core Collection	
	Качество подготовки студентов для получения степени PhD	8
	Соотношение среднего цитирования университетских публикаций к среднему цитированию в мире, типу публикации и предметной области, за последние 5 лет	8
	Уровень научной продуктивности вуза – соотношение числа научных публикаций (статьи, заметки, обзоры публикаций) с числом преподавателей и исследователей, работающих в университете, за год	8
	Международная научная репутация вуза – Опрос репутации (Academic Reputation Survey) проводится Clarivate Analytics	8
Webometrics	Количество цитирований от ведущих 210 авторов по профилям Академии Google	10
	Количество статей среди 10 % наиболее цитируемых по каждой из всех 27 дисциплин полной базы данных за последние 5 лет	40
Качество образования		
ARWU	Общее число выпускников вуза, получивших Нобелевскую премию или медаль Филдса	10
	Общее число преподавателей и иных сотрудников вуза, получивших Нобелевскую премию или медаль Филдса	20

Продолжение таблицы

1	2	3
	Цитирование сотрудников вуза в рейтинговых журналах	20
	Число преподавателей на одного студента (данные о количестве преподавателей получены из национальных агентств, таких как Национальное министерство образования, Национальное бюро статистики, Национальная ассоциация университетов и колледжей, Национальная конференция ректоров)	10
THE	Репутационный опрос среди студентов	15
	Соотношение преподавателей (вместе с сотрудниками вуза) и студентов	4,5
	Соотношение количества докторантов и бакалавров	2,25
	Соотношение удостоенных докторских степеней и академического персонала	6
	Институциональный доход	2,25
QS	Отношение численности профессорско-преподавательского состава к числу студентов	20
	Индекс репутации вуза среди работодателей	10
RUR	Международная репутация университета в области преподавания	8
	Соотношение числа преподавателей и студентов	8
	Соотношение преподавателей и количества присужденных степеней бакалавров	8
	Соотношение присвоенных степеней PhD к присвоенным степеням бакалавра	8

1	2	3
	Соотношение преподавателей и числа присужденных степеней докторантов	8
Уровень преподавательского состава		
ARWU	Общее число работников вуза, получивших Нобелевскую премию или медаль Филдса	20
	Число часто цитируемых исследователей, работающих в 21 предметной области (250 лучших ученых, по базе данных Web of Knowledge)	20
RUR	Институциональный доход на одного преподавателя	2
	Соотношение присвоенных степеней PhD к присвоенным степеням бакалавра	8
	Соотношение преподавателей и числа присужденных степеней докторантов	8
	Соотношение общей суммы исследовательского бюджета и количества преподавателей и научных сотрудников в университете	2
Занятость преподавательского состава в течение рабочего дня		
ARWU	Общее число сотрудников университета (работающих только в штате и на полную ставку), получивших значимую награду в области конкретного предметного направления начиная с 1981 г.	10
Международная интеграция		
THE	Доля иностранных студентов	2,5
	Доля международного персонала	2,5
	Международное сотрудничество в научно-исследовательской работе и публикациях	2,5

Продолжение таблицы

1	2	3
QS	Доля иностранных преподавателей от общей численности преподавательского состава	5
	Доля иностранных студентов в общем контингенте обучающихся	5
RUR	Уровень интернационализации профессорско-преподавательского состава в университете (доля иностранных преподавателей от общей численности преподавательского состава)	2
	Доля иностранных студентов	2
	Международное сотрудничество в научных публикациях	2
	Репутация вуза за пределами географического региона расположения вуза. К числу регионов относятся: Азия, Европа, Северная Америка, Океания, Южная Америка	2
	Доля иностранных студентов, обучающихся на первом году бакалавриата	2
Упоминание в интернет-сети		
Webometrics	Количество внешних сетей (подсетей), ссылающихся на веб-страницы вуза	50
Финансовая устойчивость		
RUR	Институциональный доход на одного преподавателя	2
	Институциональный доход на одного обучающегося	2
	Количество статей на доход от исследований (средняя стоимость публикации в престижном академическом издании)	2

1	2	3
	Соотношение общей суммы исследовательского бюджета и количества преподавателей и научных сотрудников в университете	2
	Доход от исследований на институциональный доход вуза	2

Как видно из таблицы, большинство баллов начисляются за так называемые измеримые достижения: процентное соотношение отечественных и зарубежных студентов и преподавателей, число публикаций в высокорейтинговых журналах, прежде всего, в базе данных Scopus (Elsevier), число цитирований в таких журналах, а также доходы от научных исследований, проводимых на базе образовательной организации. Причем если в рейтинге THE за такие показатели вуз может получить до $\frac{2}{3}$ от всей суммы баллов, то в QS – только $\frac{1}{2}$, в то время как остальные баллы начисляются за академическую репутацию вуза и его репутацию у работодателей.

Разница между критериями, применяемыми для ранжирования различных вузов в странах мира, значительна. Общим является тот факт, что балльной оценке, прежде всего, подлежит качество научно-исследовательской деятельности вузов. В международных рейтингах половину респондентов составляют вузы США и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а вторую половину – все остальные страны, что, безусловно, оказывает соответствующее влияние на то, какое место займет тот или иной вуз. Представляется, что на это влияет и объявление английского языка в качестве государственного того или иного государства, а также его использование в процессе обучения в качестве официального. Как видим, большинство высокорейтинговых журналов, рецензируемых в базе Scopus, принадлежат именно этим вузам, что в силу целого ряда как субъективных, так и объективных причин, безусловно, влияет на возможность публикации в них статей преподавателей, сотрудников и студентов вузов из других государств, а также на цитирование соответствующих статей. Кроме того, одним из пунктов ранжирования является опрос выпускников конкретного вуза по его рекомендации для получения образования. Так как 50 % вузов в международных рейтингах – это вузы англоязычных стран, то выпускники рекомендуют именно их.

Следует отметить, что сфера образования становится сферой экономического конкурентирования различных стран, поэтому система рейтингования вузов представляет собой «мягкую силу», когда система образования сильно влияет на современное состояние геополитических и геоэкономических взаимоотношений различных государств. При возрастании роли вуза как актора общественных отношений в информационном обществе XXI в. государства вступают в своеобразную гонку в рейтинговых системах, в результате которой абитуриенты и их родители выбирают именно те образовательные организации, которые занимают места в топ-10, топ-50, топ-100 по рейтингам, что представляет собой влияние одних стран на население других стран, так как система образования призвана распространять соответствующие ценности той или иной страны [1, с. 98; 2, с. 30], а также обеспечивает денежные ассигнования в систему образования конкретного государства. То есть попадание в высшие строчки международных рейтинговых систем означает соответствующий имидж государства, в том числе и по индексу развития человеческого потенциала.

Как отмечают большинство исследователей, образование – это предмет купли-продажи, когда страна, вузы которой занимают топовые места, получает за оказание образовательных услуг значительные суммы, в то время как одной из основных правовых ценностей современного российского правового и социального государства является право на образование, которое опирается на соответствующие ценности, сложившиеся в российском правовом пространстве. Определение образования как услуги соотносится с международным трендом в правовом регулировании сферы образования, но представляет угрозу для Российской Федерации. Как отмечается в п. 6 Стратегии, «увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства». Поэтому мы актуализируем в настоящей статье вопрос о более четком и обоснованном выборе критериев для развития образовательной системы Российской Федерации и их законодательном закреплении.

Автор настоящей статьи солидарна с аналитиками Счетной палаты РФ в том, что для решения задач, поставленных Президентом РФ, необходимо не просто следовать за ведущими мировыми вузами в формировании глобального рынка образовательных услуг, создавая стратегии в сфере «академического превосходства» (university excellence initiatives), где обра-

зование выступает объектом экономических отношений и поэтому такое значение придается в рейтинговых системах интернационализации систем обучения, а учитывать особенности национальных систем образования и больше заниматься экспортом подобных услуг. По такому пути пошли, например, Федеративная Республика Германия, Китай, Сингапур, Индия и другие страны, имеющие собственное видение и особые доктринальные основы развития образования на основе философско-религиозных ценностей. Поэтому полагаем возможным сочетать российскую (советскую) образовательную систему с получившей признание западной. Ведь международные рейтинговые системы, ориентированные только на англо-американскую систему высшего образования с особой ролью исследовательских вузов, не учитывают специфики российской системы образования, и стремление попасть в эти рейтинги приводит к «гонке за баллами», а не к наращиванию действительно важных показателей университетов. Необходимо создать собственные рейтинговые системы, о чем неоднократно уже указывалось в научной литературе [3; 4; 5]. Поэтому полагаем важным внести изменения в федеральные законы от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹, от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «Об образовании в Российской Федерации»² в части формулировки критериев оценки деятельности вузов в соответствии с национальными приоритетами, духовными и правовыми ценностями российского правового пространства, с нормативно-правовыми актами, принятыми в рамках государственной федеральной программы «Приоритет – 2030».

Библиографический список

1. Ирхин Ю.В. Мировые рейтинги университетов как управленческий фактор систем высшего образования // *ARS ADMINISTRANDI*. 2013. № 1. С. 97–113.
2. Най С.Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск ; М. : Фонд социопрогностич. исслед. «Тренды», 2006. 221 с.

¹ О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2021).

3. Никифорова Е.В., Бурцева К.Ю. Развитие российской системы рейтингования университетов // Учет. Анализ. Аудит. 2019. № 6 (1). С. 69–75. DOI: 10.26794/2408-9303-2019-6-1-69-75.

4. Борисова И.И. Рейтинг как инструмент повышения конкурентоспособности вузов : учеб.-метод. разработка. Н. Новгород : НИУ НГУ им. Н.И. Лобачевского, [б/г]. 75 с.

5. Балякин А.А., Жулего В.Г., Кунина Г.Е. Особенности рейтинга университетов стран БРИКС и использование методологии QS в рамках ЕАЭС // Современные евразийские исследования. 2015. № 2. С. 7–13.

Дата поступления: 22.08.2021

ПОПОВА Anna Vladislavovna

Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University; Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law named after M. M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; anna0710@yandex.ru

**IMPROVING THE LEGAL REGULATION
OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM
VS INTERNATIONAL RATING SYSTEMS**

The task of creating by 2030 at least 100 advanced modern universities – centers of scientific, technological and socio-economic development of the country, in order to achieve the global competitiveness of the Russian higher education system and practical failure of the 5-100 Program reinforce the need for a reasonable legislative consolidation of criteria indicators for achieving such an ambitious goal. **Purpose:** to analyze the criteria of the main international rating systems, regulatory legal acts of the Russian Federation and other legal documents in the field of higher education to identify groups of criteria for achieving global competitiveness by Russian universities. **Methods:** the author uses empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of for-

mal and dialectical logic. Such special scientific methods as comparative-legal and legal-dogmatic are used. **Results:** the study makes it possible, based on a comparative legal analysis of the main international rating systems, legal documents, Russian legislation and scientific literature, to conclude that it is necessary to introduce criteria provisions into the legislation of the Russian Federation that take into account not only international criteria aimed at the Anglo-American education system, but, above all, the National Security Strategy of the Russian Federation.

Keywords: right to education; constitutional foundations; national interests; globalization; knowledge-based society; international rating systems; rule-of-law state.

References

1. Irkhin YU.V. World University Rankings as a Management Factor in Higher Education Systems. *ARS ADMINISTRANDI*, 2013, no. 1, pp. 97–113. (In Russian).
2. Nye J.S. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York, PublicAffairs, 2004. 192 p. (Russ. ed.: Nye J.S. *Soft power: the means to success in world politics*. Novosibirsk, Foundation for Socio-Prognostic Research «Trends», 2006. 221 p.).
3. Nikiforova E.V., Burtseva K.YU. Development of University Ranking System in Russia. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*, 2019, no. 6 (1), pp. 69–75. DOI: 10.26794/2408-9303-2019-6-1-69-75. (In Russian).
4. Borisova I.I. *Rejting kak instrument povysheniya konkurentosobnosti vuzov* [Rating as a tool to improve the competitiveness of universities]. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University Publ. 75 p.
5. Balyakin A.A., Zhulego V.G., Kunina G.E. Peculiarities of universities ratings of brics countries and QS methodology application in EAEU. *Sovremennye evrazijskie issledovaniya = Contemporary Eurasian Studies*, 2015, no. 2, pp. 7–13. (In Russian).

Received: 22.08.2021

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONALIA

УДК 340

DOI 10.33184/pravgos-2021.3.21

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, главный редактор журнала «Вестник Института права БашГУ», почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации, г. Уфа, Россия; galievfarkhat@mail.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович

доктор юридических наук, заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, академик РАЕН, г. Москва, Россия; Sergeyivz@yandex.ru

РАЯНОВ Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия; Rfm-2011@ya.ru

ПРОФЕССОРУ ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ САЛЬНИКОВУ – 75 ЛЕТ!

Недавно исполнилось 75 лет выдающемуся российскому юристу – доктору юридических наук, профессору, академику, заслуженному деятелю науки РФ, почетному сотруднику органов внутренних дел, многолетнему члену экспертного совета ВАК, бывшему начальнику Санкт-Петербургского университета МВД России, генерал-лейтенанту милиции в отставке, главному редактору журнала «Юридическая наука: история и

современность» Виктору Петровичу Сальникову. В.П. Сальникова знают не только в нашей стране, но и за рубежом как одного из крупнейших российских теоретиков государства и права. Его работы, посвященные проблемам правовой культуры, привлекают внимание огромного количества исследователей во всем мире. **Цель** данной статьи заключается в стремлении подчеркнуть заслуги профессора В.П. Сальникова перед отечественной юридической наукой. При этом одним из доказательств неопенимого вклада В.П. Сальникова в науку являются не только его собственные труды, но и работы его учеников, среди которых большое количество научных деятелей и руководителей органов государственной власти. **Методы:** в процессе подготовки статьи были использованы различные научные методы исследования, среди которых основным является метод исторического повествования. **Результаты:** 75 лет жизни, прошедших в постоянном научном поиске, для В.П. Сальникова оказались успешными и плодотворными. Свой славный юбилей ученый отмечает в добром здравии, с множеством творческих планов и присущим ему огромным оптимизмом.

Ключевые слова: Сальников В.П.; философия; юриспруденция; юридические науки.

14 сентября 2021 г. исполнилось 75 лет выдающемуся российскому юристу – доктору юридических наук, профессору, академику, заслуженному деятелю науки РФ, почетному сотруднику органов внутренних дел, многолетнему члену экспертного совета ВАК, бывшему начальнику Санкт-Петербургского университета МВД России, генерал-лейтенанту милиции в отставке Виктору Петровичу Сальникову.

Виктор Петрович Сальников родился в 1946 г. в селе Колояр Вольского района Саратовской области. В 1973 г. он окончил Высшее политическое училище МВД СССР и в том же году – Всесоюзный юридический заочный институт. В 1968–1969 гг. проходил службу в должности оперуполномоченного отдела БХСС Куйбышева. С 1969 по 1992 г. служил в Высшем политическом училище МВД СССР, пройдя путь от слушателя до начальника кафедры уголовного и гражданского права. В 1992–1997 гг. – заместитель начальника Санкт-Петербургского юридического института по научной работе. В 1997–1998 гг. – заместитель начальника Санкт-Петербургской академии МВД России.

В 1998 г. Правительством РФ было принято решение объединить несколько вузов МВД Северо-Западного региона в один – Санкт-Петербургский университет МВД России. Так было создано уникальное выс-

шее учебное заведение, осуществляющее подготовку научно-педагогических кадров, руководителей горрайорганов внутренних дел, сотрудников для следственных и оперативных подразделений, воспитательных аппаратов и подразделений психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, финансово-экономических и контрольно-ревизионных подразделений МВД России, Государственной противопожарной службы, других министерств и ведомств России. Здесь же готовят офицерские кадры для внутренних войск МВД России. Санкт-Петербургский университет МВД России стал самым крупным вузом в системе МВД. Возглавить его поручили одному из известных и авторитетных ученых в системе МВД и в целом России – Виктору Петровичу Сальникову. И не ошиблись.

За время руководства Санкт-Петербургским университетом МВД России В.П. Сальников превратил его в вуз, известный во всем мире. Многие российские и зарубежные специалисты называли его центром российской правовой науки. И это соответствовало действительности. По подготовке и достижениям этот совсем молодой и, причем, ведомственный университет успешно конкурировал с юридическими факультетами МГУ и СПбГУ. Другие российские юридические вузы и факультеты были заметно слабее. На базе университета В.П. Сальниковым было создано несколько диссертационных советов на соискание ученой степени доктора наук. Защищаться в этих советах было престижно и почетно. В.П. Сальников руководил несколькими диссертационными советами. Под его научным консультированием подготовлено более 20 докторских и более 200 кандидатских диссертаций. Среди них не только российские, но и иностранные ученые, в том числе из США, Финляндии, Афганистана, Монголии, Йемена и других стран.

В.П. Сальников прославился своими научными достижениями. Он автор и редактор более тысячи научных и учебно-методических работ. Его книги переведены на английский, немецкий, французский и другие языки, получили признание за рубежом. В настоящее время в мире едва ли найдется библиотека, в которой нет хотя бы одной книги В.П. Сальникова. Они представлены в библиотеках престижнейших университетов США, Великобритании, Франции, Германии, Израиля, Китая, Монголии, всех государств СНГ, имеются даже на Кубе и Кипре. Их изучают, по ним учатся, их используют в работе миллионы человек. Академики В.Н. Кудрявцев и В.А. Туманов называли В.П. Сальникова отцом правовой культуры. Именно он впервые в Советском Союзе поднял на уровень диссертационных исследований проблемы теории и методологии правовой культуры,

обосновал правовую культурологию [1; 2]. Отцом российской правовой культуры сейчас называют В.П. Сальникова почти все.

В настоящее время В.П. Сальников по рейтингам и индексу Хирша занимает первое место по цитируемости его научных трудов среди всех юристов России (по состоянию на 1 сентября 2021 г. в системе РИНЦ зарегистрировано 37 333 ученых-юристов). Имеет уникальный индекс цитируемости трудов – 82.

В.П. Сальников многократно участвовал в работе российского парламента. Он является автором нескольких законопроектов по улучшению правовой защищенности граждан Российской Федерации. Кроме того, как один из самых авторитетных российских юристов В.П. Сальников выступал и выступает экспертом законопроектов. И нередко именно его мнение является ключевым при рассмотрении того или иного предложения законодателей.

Авторитет ученого всегда непроизвольно оформляется его официальным признанием. В.П. Сальников является вице-президентом Российского союза юристов, вице-президентом Российской академии юридических наук, вице-президентом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, академиком Российской академии естественных наук, академиком Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, академиком Международной академии акмеологических наук, академиком Национальной академии ювенологии, академиком Санкт-Петербургской инженерной академии, член-корреспондентом Российской академии ракетных и артиллерийских наук. В.П. Сальников – победитель международного конкурса «Человек года» в номинации «Юрист года – 2001». Его имя включено в международное издание Кембриджского университета «Выдающиеся люди XX века».

В.П. Сальников, кроме того, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник МВД России, почетный работник высшего профессионального образования РФ, генерал-лейтенант милиции в отставке, награжден государственными наградами.

Такой же яркий Виктор Петрович не только в науке, но и в жизни. Он очень добрый, отзывчивый человек, искренне любящий людей. Уметь не злиться на людей, относиться к ним с пониманием и любовью – это основа доброты. Доброту Виктора Петровича сумели ощутить на себе все его друзья, знакомые, сослуживцы, подчиненные. Доступ в приемную всемирно известного ученого, начальника университета МВД был открыт для всех. В 2015 г. о В.П. Сальникове вышла объемная кни-

га, которую так и назвали: «Формула доброты» [3]. Делать людям добро – главное кредо жизни Виктора Петровича.

Виктор Петрович – отличный друг. Он умеет дружить по-настоящему: искренне, открыто, без камня за пазухой. Все близкие люди знают, насколько он надежный человек, что в настоящее время, увы, не слишком часто. Виктор Петрович также является прекрасным семьянином, отцом известного ученого – доктора юридических наук, профессора М.В. Сальникова, и воспитателем пятерых внуков.

75-летний юбилей Виктор Петрович Сальников встречает на пике своей научной активности. Он совместно с нами создал и разрабатывает компрехендную теорию права – новую теорию права [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], получившую широкую известность в России и за рубежом.

За последние пять лет совместно с С.И. Захарцевым В.П. Сальников сформулировал критерии правового прогресса [12; 13; 14]; определил новые типы проявлений профессиональной деформации в отдельных профессиях (в том числе у юристов, преподавателей, сотрудников спецслужб) [15]; показал проявления бессмысленности и глупости в праве [16; 17; 18]; установил особенности правовой ментальности и правового нигилизма россиян [19]; исследовал теорию конвергенции государственно-правовых систем [20; 21; 22] и оперативно-разыскную политику [5; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31]. В.П. Сальников и С.И. Захарцевы сформулировали и продолжают разрабатывать проблему становления личности ученого и его научных позиций [32; 33], гипотезу катаклизмов и круговорота жизни на Земле [34], они исследуют философию Парменида, Гегеля и Ф.М. Достоевского [35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43], разрабатывают вопросы философии права, суверенитета, свободы, российской правовой идеологии [30; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52].

Юбиляр оптимист и жизнелюб. От него просто веет положительной энергией и стремлением жить полной жизнью. От всего сердца желаем дорогому Виктору Петровичу долгих лет жизни, здоровья, всего самого доброго. Виктор Петрович, не переставайте радовать нас своими научными достижениями!

Библиографический список

1. Сальников В.П. Правовая культура и поведение советских граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1980. 202 с.
2. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1990. 402 с.

3. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты. М. ; СПб. : Фонд «Университет», 2015. 468 с.
4. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под общ. ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014. 208 с.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 17–30.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. 2017. Т. 1, № 47. С. 13–30.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 14–22.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 5–9.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.
11. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 113–121.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 17–31.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 13–30.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 11. С. 172–180.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российск. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2016. № 4 (94). С. 179–183.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. 2016. № 3. С. 24–25.

18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 17–22.

19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.

20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 166–179.

21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция норм права и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 22–27.

22. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : моногр. М. : Норма, 2015. 400 с.

23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Внеаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. 2013. № 10. С. 193–199.

24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу: перспективы законодательной регламентации // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан : матер. междунар. науч.-теоретич. конф. Душанбе : Ирфон, 2014. С. 90–93.

25. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность : моногр. / С.И. Захарцев [и др.] ; под ред. С.И. Захарцева. М. : Граница, 2017. 424 с.

26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан : матер. междунар. науч.-теоретич. конф. Душанбе : Ирфон, 2014. С. 84–89.

27. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 11–15.

28. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке : моногр. СПб. : Фонд «Университет», 2006. 315 с.

29. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербург

бургск. ун-т МВД России ; Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности ; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2004. 160 с.

30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Русский менталитет и право // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 41–47.

31. Сальников В.П., Захарцев С.И. Тезисно об актуальных проблемах науки оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 1 (42). С. 35–37.

32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Становление личности ученого и его научные позиции: взаимосвязь и взаимозависимость // Мир политики и социологии. 2016. № 2. С. 11–17.

33. Сальников В.П., Захарцев С.И. Роль биографии ученого в формировании его жизненной позиции, мировоззрения и методологии // Известия Российск. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2016. № 2 (92). С. 144–149.

34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Тезисно о философских проблемах познания Вселенной и Земли // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 171–180.

35. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с.

36. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) : моногр. / И.А. Ананских [и др.] ; под ред. С.И. Захарцева. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.

37. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 17–24.

38. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : матер. Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 5–6 апр. 2018 г. : в 2 ч. / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. Ч. 1. С. 72–79.

39. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Ф.М. Достоевский: онтологические и этические основания философии права (рецензия на работу Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Цикл лекций») // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 7. С. 190–197.

40. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1. С. 182–194.

41. Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции / В.П. Сальников [и др.] // Мир политики и социологии. 2018. № 9-10. С. 171–183.

42. «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства. (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) / В.П. Сальников [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 11. С. 163–180.

43. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London : Europe Books, 2021. 450 p.

44. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: юридические позиции // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 19–26.

45. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: настоящее и будущее // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2 (44). С. 7–14.

46. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: вчера, сегодня, завтра // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 6–13.

47. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. 2016. № 2. С. 175–193

48. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню прав человека, Уфа, 10 дек. 2020 г. : в 2 ч. / отв. ред. Е.О. Тулупова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. Ч. 1. С. 176–187.

49. К вопросу об историко-философских основаниях суверенной философии права как формы выражения национальных социально-правовых ценностей / В.П. Сальников [и др.] // Мир политики и социологии. 2018. № 11. С. 174–180.

50. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В.П. Сальников [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.

51. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права / В.П. Сальников [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 185–193.

52. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В.П. Сальников [и др.] // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170–178.

Дата поступления: 30.09.2021

GALIEV Farit Khatipovich

Doctor of Law, Head of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Editor-in-Chief of the Journal «Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University», Honorary Worker of the Higher Professional School of the Russian Federation, Ufa, Russia; galievfarkhat@mail.ru

ZAKHARTSEV Sergey Ivanovich

Doctor of Law, Head of the Department of Advocacy and Law Enforcement, Russian State Social University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia; Sergeyivz@yandex.ru

RYANOV Fanis Mansurovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia; Rfm-2011@ya.ru

**PROFESSOR VICTOR PETROVICH SALNIKOV
IS 75 YEARS OLD!**

The paper is dedicated to the 75th anniversary of Victor Petrovich Salnikov, doctor of law, professor, academician, Honored Scientist of the Russian Fed-

eration, Honorary Officer of the Internal Affairs Bodies, long-term member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission, former head of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, retired police lieutenant general, editor-in-chief of the journal «Legal Science: History and the Presence». V.P. Salnikov is known not only in our country, but also abroad as one of the largest Russian theorists of state and law. His works devoted to the problems of legal culture attract the attention of a huge number of researchers around the world. The **purpose** of the paper is to emphasize the contribution of Professor V.P. Salnikov to domestic legal science. At the same time, one of the proof of the invaluable contribution of V.P. Salnikov to science is not only his own work, but also the works of his students, including a large number of academics and heads of government bodies. **Methods:** in the process of preparing the paper, various scientific research methods are used, among which the method of historical narration is the main one. **Results:** 75 years of life spent in constant scientific research for V.P. Salnikov proved successful and fruitful. The scientist celebrates his glorious anniversary in good health, with many creative plans and great optimism.

Keywords: V.P. Salnikov; philosophy; jurisprudence; legal sciences.

References

1. Sal'nikov V.P. *Pravovaya kul'tura i povedenie sovetskih grazhdan. Kand. Diss.* [Legal culture and behavior of Soviet citizens. Cand. Diss.]. Leningrad, 1980. 202 p.
2. Sal'nikov V.P. *Pravovaya kul'tura: teoretiko-metodologicheskij aspekt. Dokt. Diss.* [Legal culture: theoretical and methodological aspect. Doct. Diss.]. Leningrad, 1990. 402 c.
3. Lapina N.V., Morgunov V.YA. *Formula dobroty* [Formula of kindness]. Moscow, St. Petersburg, Foundation «University» Publ., 2015. 468 p.
4. Zakhartsev S.I.; Sal'nikov V.P. (ed.). *Nekotorye problemy teorii i filosofii prava* [Some problems of theory and philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 2014. 208 p.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. How to know the law? We offer a comprehensive approach. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2015, no. 9, pp. 17–30. (In Russian).
6. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Thinking of the essence of law: comprehended approach. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2017, vol. 1, no. 47, pp. 13–30. (In Russian).

7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. What is the law? Ontology and gnoseology issues. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 2 (40), pp. 14–22. (In Russian).

8. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya. Filosofiya prava. YUridicheskaya nauka* [Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2015. 264 p.

9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. What is a comprehend theory of law? *YUridicheskaya nauka = Legal Science*, 2016, no. 3, pp. 5–9. (In Russian).

10. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya i yuridicheskaya nauka* [Philosophy and Legal Science]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2019. 424 p.

11. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publ., 2018. 270 p.

12. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Concerning Legal Progress As a Philosophic-Legal Problem. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij = Russian journal of legal studies*, 2015, no. 2 (3), pp. 113–121. (In Russian).

13. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Legal progress and value of the rights. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2015, no. 9, pp. 17–31. (In Russian).

14. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Philosophical and philosopho-legal understanding of legal progress. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2015, no. 1, pp. 13–30. (In Russian).

15. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Professional deformation of lawyers-scientists: some reflections on the results of the study. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2015, no. 11, pp. 172–180. (In Russian).

16. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Concerning the reasonableness and meaningless of law. *Izvestiya Rossijskoj akademii raketnyh i artillerijskih nauk = Bulletin of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences*, 2016, no. 4 (94), pp. 179–183. (In Russian).

17. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Law without meaning. *Zashchita i bezopasnost' = Safety and Security*, 2016, no. 3, pp. 24–25. (In Russian).

18. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. The law: sense and senselessness. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2015, no. 9, pp. 17–22. (In Russian).

19. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Legal awareness of lawyer and legal nihilism: contemporary issues of professional deformation. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2013, no. 11, pp. 11–29. (In Russian).

20. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Convergence in law, Russian mentality and beggary psychology: philosophical and philosopho-legal problem. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2015, no. 1, pp. 166–179. (In Russian).

21. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Convergence of legal norms and the rule-of-law state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 1 (55), pp. 22–27. (In Russian).

22. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov YU.YU., Sal'nikov V.P. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke* [Operational search activity in the XXI century]. Moscow, Norma Publ., 2015. 400 p.

23. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Non-scientific knowledge in investigative activity. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2013, no. 10, pp. 193–199. (In Russian).

24. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Using the results of operational search activities in proving a criminal case: prospects for legislative regulation. *Konstitucionnye aspekty sovremennogo sostoyaniya zakonodatel'stva Respubliki Tadjikistan. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii* [Constitutional aspects of the current status of the legislation of the Republic of Tajikistan. Proceedings of the International Scientific-Theoretical Conference]. Dushanbe, Irfon Publ., 2014, pp. 90–93. (In Russian).

25. Zakhartsev S.I., Vihrov V.A., Ignashchenkov YU.YU., Sal'nikov V.P. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i voennaya bezopasnost'* [Operational search activity and military security]. Moscow, Granica Publ., 2017. 424 p.

26. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Constitutional human rights in Russia and the admissibility of their limitation in the course of operational search activities on communication channels. *Konstitucionnye aspekty sovremennogo sostoyaniya zakonodatel'stva Respubliki Tadjikistan. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii* [Constitutional aspects of the current status of the legislation of the Republic of Tajikistan. Proceedings of the International Scientific-Theoretical Conference]. Dushanbe, Irfon Publ., 2014, pp. 84–89. (In Russian).

27. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Investigative Economics and Investigative Politics. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2015, no. 12, pp. 11–15. (In Russian).

28. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov YU.YU., Sal'nikov V.P. *Operativno-rozysknye meropriyatiya v XXI veke* [Operational search activities in the XXI century]. St. Petersburg, Foundation «University» Publ., 2006. 315 p.

29. Zakhartsev S.I., Medvedev V.N., Sal'nikov V.P.; Sal'nikov V.P. (ed.). *Snyatie informacii s tekhnicheskikh kanalov svyazi: pravovye voprosy* [Removing information from technical communication channels: legal issues]. St. Petersburg, 2004. 160 p.

30. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Russian mentality and law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2018, no. 4 (54), pp. 41–47. (In Russian).

31. Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I. Thesis on topical problems of the science of operational search activity. *Operativnik (syshchik) = Operative (Investigator)*, 2015, no. 1 (42), pp. 35–37. (In Russian).

32. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Becoming a scientist's personality and his scientific position: the interconnection and interdependence. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2016, no. 2, pp. 11–17. (In Russian).

33. Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I. Role of scientist's biography in formation of his life position, ideology and methodology. *Izvestiya Rossijskoj akademii raketnyh i artillerijskih nauk = Bulletin of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences*, 2016, no. 2 (92), pp. 144–149. (In Russian).

34. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Thesis concerning philosophic issues of the Universe and Earth understanding. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2015, no. 10, pp. 171–180. (In Russian).

35. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskij. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyah metafiziki prava* [Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of the speculative logical foundations of metaphysics of law]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2019. 376 p.

36. Ananskih I.A., Gribov I.N., Zakhartsev S.I., Zorina N.V., Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Lezhneva O.YU., Mazurin S.F., Makov B.V., Maslennikov D.V., Mirzoev A.K., Petrov P.A., Polivko E.A., Prokofiev K.G., Pyleva O.V., Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V., CHudin-Kurgan F.O.; Zakhartsev S.I. (ed.). *Ideya svobody. Pravo. Moral': klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava* [The idea of freedom. Law. Morality: classical and postclassical philosophy of law]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2020. 288 p.

37. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Theoretical and methodological foundations of the philosophy of law of F.M. Dostoevsky as an ideologue of «pre-urasianism». *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 2 (56), pp. 17–24. (In Russian).

38. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Philosophy of law of F.M. Dostoevsky as a source of development of the theory of Russian state and law. In Galiev F.KH. (ed.). *Problemy statusa sovremennoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ufa, 5–6 aprelya 2018 goda* [Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Ufa, April 5–6, 2018]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2018, pt. 1, pp. 72–79. (In Russian).

39. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. F.M. Dostoevsky: the ontologic and ethical bases of legal philosophy. (The review of R.F. Ismagil's work «Philosophical heritage of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law: Series of lectures»). *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2017, no. 7, pp. 190–197. (In Russian).

40. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. Hegel's philosophy as a theoretical prerequisite for the sovereign philosophy of law in Russia. A brief overview of reports, articles and speeches at the Interregional Conference with International Participation «Hegel's Creative Legacy: Philosophy, Theology, Law, Economics» dedicated to the 250th anniversary of the birth of G.V.F. Hegel. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2021. № 1, pp. 182–194. (In Russian).

41. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. F.M. Dostoevsky's philosophy as an object of interpretive reconstruction. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2018, no. 9-10, pp. 171–183. (In Russian).

42. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Dostoevsky's «Pushkin speech» and the moral idea of the state (to the 140th anniversary of the speech of F.M. Dostoevsky). *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2020, no. 11, pp. 163–180. (In Russian).

43. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London, Europe Books Publ., 2021. 450 p.

44. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Philosophy of law: legal positions. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2016, no. 1 (43), pp. 19–26. (In Russian).

45. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Philosophy of law: present and future. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2016, no. 2 (44), pp. 7–14. (In Russian).

46. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Philosophy of law: yesterday, today, tomorrow. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 4 (42), pp. 6–13. (In Russian).

47. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Fomichev M.N. Law and progress: together or separately. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2016, no. 2, pp. 175–193 (In Russian).

48. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I. Man in the system of moral and legal values and the task of forming a sovereign philosophy of law. In Tulupova E.O. (ed.). *Prava cheloveka v dialoge gosudarstvennoj vlasti i grazhdanskogo obshchestva. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj Dnyu prav cheloveka, Ufa, 10 dekabrya 2020 goda* [Human rights in the dialogue between government and civil society. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to Human Rights Day, Ufa, December 10, 2020]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2020, pt. 1, pp. 176–187. (In Russian).

49. Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Morozov A.I. On the issue of the historical and philosophical foundations of the sovereign philosophy of law as a form of expression of national social and legal value. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2018, no. 11, pp. 174–180. (In Russian).

50. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology). *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2019, no. 11, pp. 149–162. (In Russian).

51. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Sal'nikov M.V. Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2019, no. 12, pp. 185–193. (In Russian).

52. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2019, no. 9, pp. 170–178. (In Russian).

Received: 30.09.2021

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ**CONFERENCE REVIEWS****ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И
ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ДНК-РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(23–24 сентября 2021 г.)**

23–24 сентября 2021 г. в Башгосуниверситете прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации». На форуме, собравшем в столице Республики Башкортостан более 70 ученых и практиков из четырех государств – Казахстана, Беларуси, России, Турции – и 11 регионов России, обсуждались вопросы теории и практики судебных экспертиз, проблемы информационного, материально-технического обеспечения судебно-экспертной деятельности, способы их решения в рамках действующего правового поля.

Организаторами научного форума выступили: Министерство образования и науки РФ, Башгосуниверситет, Союз «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)» и Общественный совет по судебно-экспертной деятельности в Республике Башкортостан.

Вел конференцию (она проходила в смешанном формате с использованием видеоконференцсвязи) профессор кафедры криминалистики Института права Башгосуниверситета доктор юридических наук, профессор Фарит Гизарович Аминев. Он представил собравшимся почетных гостей конференции, в числе которых *Елена Борисовна Мизулина* – председатель подкомитета по гражданскому и семейному праву Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Москва, Россия), *Андрей Александрович Терехов* – заместитель руководителя аппарата Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания РФ (Москва, Рос-

сия), *Артур Борисович Карпович* – руководитель отделения Посольства Республики Беларусь в Республике Башкортостан, *Ирена Александровна Латина* – ректор Института повышения квалификации Государственного комитета судебной экспертизы Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь), *Калиолла Кабаевич Сейтенов* – первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (Нур-Султан, Республика Казахстан), *Георгий Георгиевич Омелянюк* – заместитель директора Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор, *Евгений Александрович Китайгородский* – генеральный директор Союза «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», *Елена Рафаиловна Россинская* – заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Союза «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук (Москва, Россия), другие ученые и видные общественно-политические деятели.

Открыл мероприятие проректор Башгосуниверситета по учебно-методической работе кандидат юридических наук, доцент *Азам Булатович Галимханов*. Далее слово было предоставлено Е.Б. Мизулиной. Она зачитала приветствие-обращение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко и отметила, что внимание со стороны высококвалифицированных специалистов и успешных ученых к конференции свидетельствует о ее теоретической и практической значимости. Эту мысль поддержал в своем приветственном обращении генеральный директор Союза «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)» Е.А. Китайгородский. Также было зачитано приветствие Константина Борисовича Толкачёва – Председателя Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, доктора юридических наук, профессора.

В рамках пленарного заседания обсуждались актуальные вопросы теории и практики судебно-экспертной деятельности, геномного учета населения России, развития ДНК-криминалистики и использования специальных знаний. Второй день научного форума продолжился работой трех секций, отличающихся тематикой обсуждаемых проблем и составом участников.

В качестве одного из главных результатов проведения данного форума организаторы назвали формирование научной базы для разрабатываемых законопроектов о судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения. Также следует отметить, что форум стал очередной площадкой для апробации результатов реализации преподавателями Института права грантового проекта о новых технологиях молекулярно-генетических исследований, который некогда был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ).

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика» для публикации статей**

1. Тематика и география. Редакция журнала «Правовое государство: теория и практика» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в области государства и права и юридических наук. Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже требованиям к оформлению. **Журнал принимает к публикации статьи на русском и английском языках.** География авторов журнала охватывает как российских авторов, так и иностранных.

2. Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти электронную регистрацию на сайте журнала и направить научную статью путем подачи заявки через сайт журнала. Файл, представляемый в редакцию в электронном виде и размещенный на сайте журнала, должен быть поименован по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov.doc). Количество авторов одной статьи не более 3-х человек.

3. Общие требования к оформлению авторских материалов. При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Межстрочный интервал – полуторный, цвет шрифта – черный, размер шрифта основного текста – 14, сноска – 12, размер всех полей – 20 мм. Абзац – 1,25 мм. Нумерация страниц внизу от центра. Недопустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым. **Приоритет в публикации имеют авторы, использовавшие в исследовании иностранные источники и источники из изданий, индексированных в базах данных Web of Science и Scopus.**

4. Объем и структура статьи. Рекомендованный объем статьи – от 20–30 тыс. знаков с пробелами (приблизительно от 12 стр.). Статья должна состоять из введения, основ-

ной части и заключения, а также содержать библиографический список (не менее 10 источников). Все поступающие в редакцию Журнала рукописи проверяются техническим секретарем на уникальность с помощью системы «Антиплагиат». Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с **уникальностью текста менее 70 %**. При подаче статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале. Журнал не допускает множественных публикаций, дублирующих уже опубликованные статьи автора.

5. Заголовок статьи набирается **СТРОЧНЫМИ** (маленькими) буквами жирным шрифтом и форматируется по центру. Перед заголовком слева указывается УДК, под заголовком – Ф.И.О. автора, ученая степень, ученое звание, должность, название вуза, город, страна, информация о статьях автора в БД «Scopus» или БД «Web of Science» (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

Англоязычный перевод заглавия статьи, сведений об авторе, аннотации и ключевых слов приводятся в конце статьи после библиографического списка.

6. Аннотация и ключевые слова. Объем аннотации на русском языке должен составлять не менее 100 и не более 250 слов. Аннотация обязательно должна содержать разделы: вводную часть, **ЦЕЛИ**, **МЕТОДЫ** исследования, основные **ВЫВОДЫ**.

Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) – 6–10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

7. Требования к библиографическому списку. Библиографический список должен быть построен **В ПОРЯДКЕ УПОМИНАНИЯ ИСТОЧНИКОВ В ТЕКСТЕ**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д. Ссылки на нормативно-правовые акты и судебную-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, в библиографическом списке не указываются. В библиографическом списке желательно наличие иностранных источников, реально используемых при написании научной статьи.

8. Правила оформления таблиц и иллюстраций. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические заголовки. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты) либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса.

© Уфа: Башкирский государственный университет, 2021

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):

«Правовое государство: теория и практика» № 3 (65) 2021.

Учредитель Башкирский государственный университет

Главный редактор Р.И. Зайнуллин

Регистрирующий орган Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, РБ,

г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131. Тел. (347) 228-83-51,

e-mail niirpg@mail.ru;

сайт <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге

«Газеты. Журналы» (Роспечать): **81192**

Подписан в печать 15.10.2021 г. Вышел в свет 21.10.2021 г.
Бумага писчая. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 22,43. Уч. изд. л. 15,58. Тираж 500. Заказ 314.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Башкирского государственного университета
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, физ-мат. корпус, каб. 327.